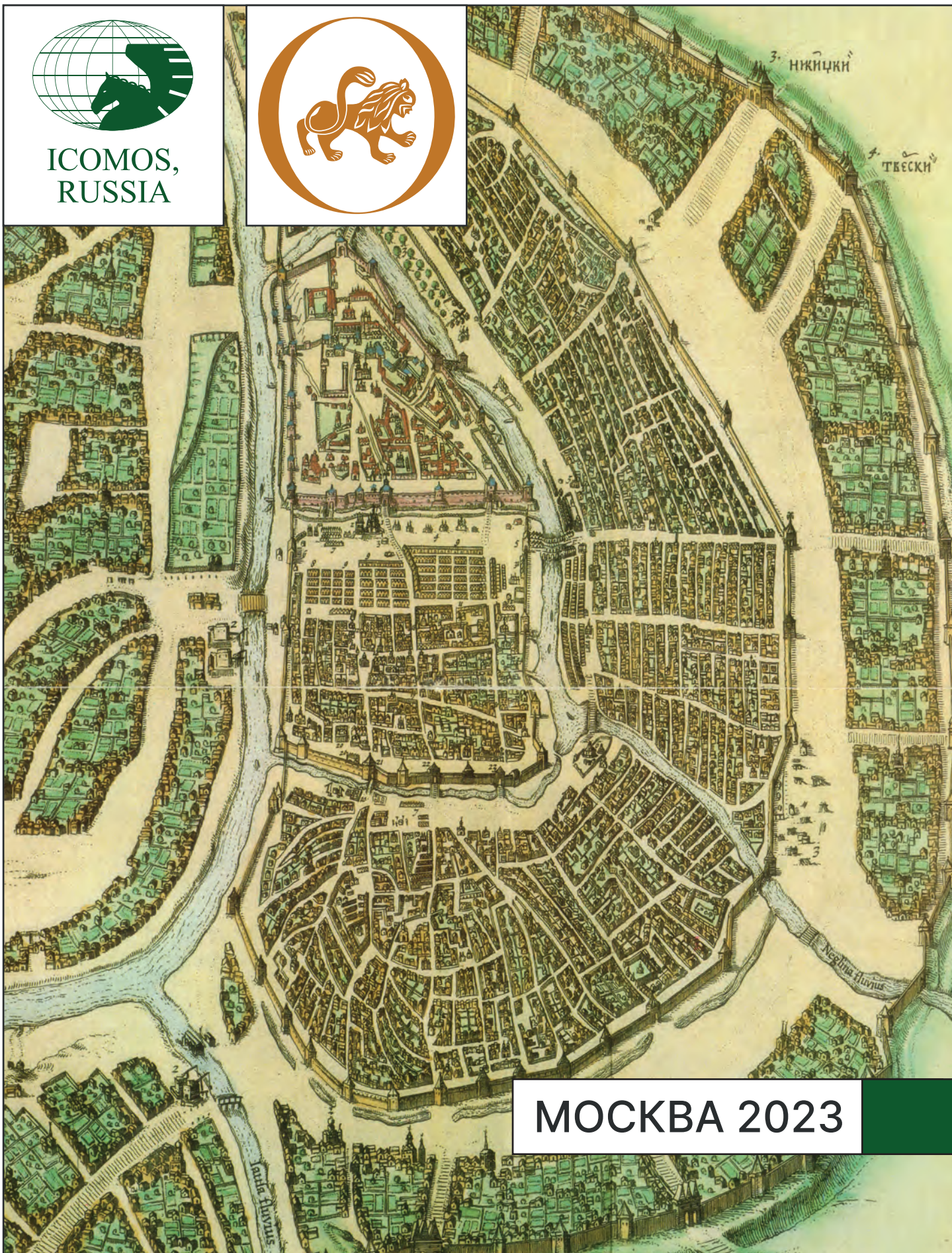

АЛЪМАНАХ ICOMOS

ICOMOS,
RUSSIA

МОСКВА 2023

Дорогие друзья!

На заседании Совета НК ИКОМОС, Россия 28 ноября 2023 г. мы приняли решение создать альманах и опубликовать на его страницах важные и дискуссионные работы, потому что считаем, что публичная дискуссия в профессиональной среде является основным двигателем системы сохранения культурного наследия.

От лица составителей и инициаторов сборника выражаю благодарность всем авторам за предоставленные материалы. Надеюсь, что издание этого сборника будет периодичным, раз в год, и призываю всех членов ИКОМОС и людей, причастных к нашей прекрасной профессии, участвовать в данной публикации. Члены Совета НК ИКОМОС, Россия любезно согласились выступить членами экспертной комиссии, которая будет отбирать данные работы.

Кроме того, альманах продолжил уже существующую традицию, связанную с публикацией материалов по археологическому наследию, посвященную А. Г. Векслеру. Александр Григорьевич очень много сделал в том числе и для осуществления международных контактов. И хотя он не занимал официальных постов в НК ИКОМОС, Россия, но его многочисленные связи послужили активизации дискуссии в археологической науке с международным участием. Поэтому в данном сборнике публикуются статьи археологов, предоставленные в память об Александре Григорьевиче.

Хочется пожелать всем нам, чтобы данная дискуссия, отраженная на страницах сборника, не затихала. Мы консервативно считаем, что публикация в бумажном виде также важна, как и дискуссии в сети Интернет, поэтому мы надеемся, что активная научная мысль будет являться отличительной чертой национального комитета ИКОМОС, Россия.

Л. В. Кондрашев,
президент НК ИКОМОС, Россия,
первый заместитель руководителя
Департамента культурного наследия
города Москвы –
главный археолог города Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

I. Дискуссия: Роль исторического градостроительного ландшафта в устойчивом развитии города	05
Кондрашев Л. В., Кудрявцева Т. П., Соловьёва Е. Е. Проблемы историко-культурной среды объектов всемирного наследия: «буферные зоны» и «видовые раскрытия» – общественная утопия или правовые реалии?	06
Матвеев Б. М. Обоснование юридического понятия «Знаковый объект»	13
Марушина Н. В., Филатова Н. В. Объекты всемирного наследия в городском контексте: теория и практика сохранения и развития (опыт Москвы и Санкт-Петербурга)	22
II. Сохранение культурного наследия и исторические исследования	28
Пирогов В. Ю. Серпуховская площадь в Москве. Архитектурно-планировочная история	29
Гиршевич М. А. Семёновское. В поисках утраченного места	44
Святицкая Е. Н. Коллекция археологических предметов в музее Златоустовского монастыря: опыт правового взаимодействия государственного музея и местной религиозной организации	50
Прокопишин Р. В. ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных в городе Брянске – единственный в России выявленный нацистский концлагерь	55
Журин В. Е., Иванов М. Э. К вопросу определения границ объекта «Исторический центр города Гороховца», номинированного в Список всемирного наследия, и границ его буферной зоны	60

III. Спасательные археологические работы в историческом городе	64
Лихтер Ю. А., Фролов Н. В., Егоров К. А. Из истории улицы Сретенки	65
Гусаков М. Г., Мешканцев Р. А. Дьяковские грузики, новое прочтение	68
Беркович В. А., Пономаренко А. К., Фролов Н. В., Ушакова Н. А. Новые памятники эпохи неолита и бронзы на территории Москвы	76
Беркович В. А., Маралов Е. А., Святицкая Е. Н. Изображения и сюжеты на изразцах XVIII века	92
Беркович В. А., Егоров К. А., Фролов Н. В., Шмелев К. В. Комплекс артиллерийских боеприпасов XVII–XVIII веков на территории Пушкарской слободы	103
Шарифова А. Г. Реставрация группы печных изразцов конца XVII – первой четверти XVIII века из Кадашёвской слободы	108
Волков И. В., Зубарев Н. В. Клад русских пул XVI века с Большой Татарской улицы	113
Петухов С. П. Фальшивый талер аббатства Мурбах и Люр из раскопок в Москве	116
Соловьева Н. Ф., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В., Покровская А. Ф., Низов Я. А. Южный пригород Херсонеса Таврического	119
Маджи Л. Вилла Сан-Марко. Археологический парк Помпеи	133

I

ДИСКУССИЯ:
РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЛАНДШАФТА
В УСТОЙЧИВОМ
РАЗВИТИИ ГОРОДА

Проблемы историко-культурной среды объектов всемирного наследия: «буферные зоны» и «видовые раскрытия» – общественная утопия или правовые реалии?

Кондрашев Л. В., Кудрявцева Т. П., Соловьёва Е. Е.

Сохранение среды и устойчивое развитие

Десять лет назад в Казани вышла книга Франческо Бандарина и Рон Ван Оерса «Исторический городской ландшафт. Управление наследием в эпоху урбанизма»¹. Для профессионального сообщества имя Ф. Бандарина, тогдашнего заместителя директора ЮНЕСКО, было хорошо знакомо. В качестве международного эксперта он неоднократно принимал участие в работе с объектами, включенными в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в России. Тем интригующе читался тезис о том, «что и концепция "нового урбанизма", и современные попытки проектирования "устойчивого города" – продукты утопического мышления»². В то же время авторы, отмечая, что города – это динамически развивающиеся организмы, подчеркнули, что цель сохранения традиционной культуры исторических городов не является коллективной иллюзией.

Следует отметить, что для практикующих специалистов проблема поддержания исторической городской среды, или – терминологически строго – исторических городских ландшафтов (Historic Urban Landscape, HUL), не является сугубо теоретической, но соткана из многочисленных повседневных задач. Такие факторы, как джентрификация, антропогенное воздействие туризма, давление рынка недвижимости и коммодификация объектов культурного наследия, не могут не оказывать негативного воздействия на историческую среду поселений с многовековой историей. Вопиющим примером является политика «зачистки» (risanamento) итальянских городов, программа барона Османа в Париже (XIX век) и др. Для Москвы таким эпизодом стала деятельность В. Баженова в Кремле в 1767–1774 гг.

Кроме того, поступающие в адрес российских организаций замечания от международных консультативных органов, прежде всего ICOMOS, а также Центра всемирного наследия, – яркое тому доказательство.

Однако без теоретического разбора феномена исторической среды, или HUL, при разборе темы данной статьи не обойтись.

Современный этап существования идеи сохранения культурного наследия многими исследовате-

лями справедливо выделяется в особый этап: «...этап (с 2002 г. по н. в.) характеризуется как период осуществления прорыва в области "сохранения наследия" и "развития города", который был связан с кризисом теории охранной политики и практики сохранения культурного наследия». Международные эксперты в области охраны культурного наследия начали отмечать, что большинство исторических городов потеряло значительную часть исторической застройки и этот процесс продолжается. Таким образом, произошла «смена парадигмы охраны наследия», выраженная в переходе от классической концепции «сохранение наследия» к парадигме «управление изменениями» (managing change) исторической городской среды³, а разработанный подход «исторический городской ландшафт» (HUL – historic urban landscape)⁴ был направлен на «обеспечение интеграции целей сохранения городского наследия и социально-экономического развития» (статья 11, рекомендация ЮНЕСКО, 2011 г.)⁵.

Такое на первый взгляд концептуальное смещение акцентов не могло не шокировать сторонников доктринального следования «Венецианской хартии» (1964) и «Нарского документа о подлинности» (1994). Четко проявился водораздел между идеями: «защиты исторической среды от деградации» и «использования культурных ресурсов для устойчивого развития города». Именно «в данный контекст укладываются и трубно звучащие призывы прекратить "мумифицировать" город, дать ему развиваться для "живых людей"»⁶, – критиковала теории второго вида известный исследователь Н. О. Душкина.

В то же время бывший президент ICOMOS Г. Араоз отмечал: «В частности, один документ – "Нарский документ об аутентичности" (1994) прямо бросил вызов давним евроцентристским критериям оценки аутентичности наследия, утверждая, что это качество, напротив, зависит от культурного контекста и выражается в различных формах по всему миру. Нарский документ, по сути, способствовал смещению "Оперативного руководства Конвенции о всемирном наследии" от строгого материалистического акцентирования оригинальной ткани памятника к нематериальным критериям качества его изготовления и другим аспектам культурной преемственности»⁷.

На наш взгляд, корни указанной тенденции следует искать в теории «ценности памятников», изложенной А. Риглем (рубеж XIX–XX веков)⁸. Предложенное этим культовым для XX века исследователем понятие «ценность старины» [с. 37] до сих пор является фундаментом так называемой градозащиты, или, как мы писали выше, «защиты среды от деградации». Однако большинство современных исследователей предпочитают делать акцент на ценностях локальных сообществ. **Не случайно мы наблюдаем смену понятия *situs* на *locus* при описании HUL⁹.**

Таким образом, «по определению, предложенному ООН, под термином "устойчивое развитие" понимается "развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без (особого) ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности", которое предполагает совместные усилия всего мирового сообщества, направленные на создание "инклюзивного, устойчивого и жизнеспособного будущего для людей и планеты"» [цит. по Ю. Н. Шатилова, М. А. Ермолина. Культурное наследие как элемент международной стратегии устойчивого развития городов // Международные отношения и диалог культур. – 2018. – № 6. – С. 247–253].

Ярким проявлением медленного движения в сторону визуального и эстетического восприятия городской среды стало появление термина **«дух места» (*genius loci*)**. Внедривший это понятие Патрик Геддес, кстати, биолог по первой специализации, в книге «Города в развитии» (1915) считал, что «необходимо учесть все ценности города, накопленные в процессе его исторической трансформации (эволюции)»¹⁰. Данную теорию развил Кристиан Норберг-Шульц¹¹, который адаптировал философскую феноменологию Хайдеггера для определения «духа места» как «экзистенциального пространства...» [там же, с. 32].

Методически понятие «духа места» закрепила «Квебекская декларация по сохранению духа места» (2008): «дух места состоит из материальных (достопримечательных мест, зданий, ландшафтов, маршрутов, объектов), а также нематериальных элементов (воспоминаний, рассказов, письменных документов, фестивалей, торжественных мероприятий, обрядов, традиционных знаний, ценностей, текстур, цветов, запахов и т. д.), которые значительно способствуют формированию места и приданию ему духа...» [http://heritage-expert.ru/component/joomdoc/2008_20.pdf/download].

Перечисление разнообразных правовых актов и методических документов по теме HUL, прежде

всего подготовленных ЮНЕСКО, выходит за рамки данной статьи. Отметим среди множества: «Рекомендацию об исторических городских ландшафтах», принятую генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее 36-й сессии в Париже, 10 ноября 2011 г.¹²

Результаты действия указанных выше рекомендаций-представлений обобщены в недавно опубликованном ЮНЕСКО (2023) издании *Urban Heritage for Resilience* [http://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387773].

Итак, специалисты ЮНЕСКО считают, что: «исторический городской ландшафт (HUL) – подход к управлению ресурсами наследия в динамичной и постоянно меняющейся среде. Он основан на признании и выявлении наслоений и взаимосвязи природных и культурных, материальных и нематериальных, международных и местных ценностей, присутствующих в любом городе. Согласно подходу HUL, эти ценности следует рассматривать как отправную точку в общем управлении и развитии города» [http://www.historicurbanland-scape.com/index.php?classid=5352&id=29&t=show].

Природа зон охраны и буферных зон

Как видно, исторический городской ландшафт по градостроительным понятиям типологически близок к двум дефинициям, связанным с Федеральным законом от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023), – «достопримечательное место» и «зона охраны».

До настоящего времени четкого понимания определения «достопримечательное место» – вида объектов культурного наследия – в рядах специалистов, занимающихся вопросами сохранения наследия, не сложилось. Обратимся к наиболее общему определению: «...достопримечательное место, являясь "совместным творением человека и природы", должно характеризовать уникальность места, его "пейзажность" с учетом природных (ландшафтных) особенностей»¹³.

В рамках данной статьи предлагаем сосредоточиться на термине «зона охраны». Правовые инструменты регулирования градостроительной деятельности (зонирование) появляются во Франции в XIX веке. «За период XIX–XX веков технология градостроительного зонирования городских территорий претерпела значительные изменения. Английская концепция общего городского плана, французские правила землепользо-

вания, немецкие планы застройки и американское положение о зонировании сформировали основные методологические принципы современного градостроительного права»¹⁴.

Более подробно указанные выше вопросы обсуждались в профессиональной среде еще на I Международной конференции по сохранению памятников истории и культуры, прошедшей в Афинах в 1931 г. Из уст специалистов В. Орта и Д. Никомеди прозвучали два подхода к вопросу о «непосредственном окружении памятника истории и культуры».

В. Орта полагал, что непосредственное окружение памятника архитектуры **подчиняется ряду архитектурно-эстетических закономерностей**, которые в своей совокупности формируют градостроительную ситуацию вокруг охраняемого объекта. В непосредственном окружении памятника архитектуры градостроительная среда должна безусловно трансформироваться и возможны реконструкция и строительство новых зданий и сооружений. При этом каждая архитектурная эпоха, архитектурный стиль контрастен к предыдущему, поэтому архитектурное самовыражение допустимо в непосредственной близости от памятника.

Д. Никомеди считал, что незыблемым условием сохранения памятника архитектуры должно оставаться эмоциональное восприятие застройки на основе **пропорциональных геометрических соотношений** силуэтных контуров и что современный архитектор не вправе проявлять архитектурное самовыражение и обязан стилизовать проектируемые здания, в том числе за счет упрощения форм.

«Оба подхода объединяло резкое неприятие так называемой сплошной музеефикации окружения охраняемого объекта. Большинство участников конференции поддержали положение о том, что охрана непосредственного окружения памятника архитектуры лежит в плоскости градостроительства в отличие от реставрации собственно ценного с точки зрения архитектуры и истории объекта. Консервация окружающей застройки без функционального обновления грозит медленным омертвлением ценного архитектурного объекта – памятника, ликвидацией его живых связей с обновляющейся городской средой»¹⁵.

Введение в земельно-правовой оборот с начала XXI века категорий «охранная зона», «защитная зона», установление правового режима таких зон в известной мере, считает ряд исследователей, следствие активизации транспортного и градостроительного развития»¹⁶.

Исследователи данной градостроительной проблемы подчеркивают, что наиболее логично защитное зонирование проработано во Франции. Установлением «полей видимости» в 500 м в 1943 г. был дан старт политике создания в городах «защищенных секторов» (*secteurs sauvegardés*). «Закон от 4 августа 1962 г. ("Закон Мальро") юридически закрепил расширение поля наследия...»¹⁷. Важно отметить, что Б. М. Матвеев считает, что «Закон Мальро» не только распространил защиту наследия на сферу градостроительства, но и противопоставил приверженцам «чистой страницы» – разрушения и возобновления старых кварталов – их нормативное регулирование.

Кроме того, в разных странах функциональное предназначение «зон охраны» рассматривается по-разному: 1) как защитная зона, не имеющая юридического статуса (Нидерланды)¹⁸; 2) как дополнительное средство защиты объекта всемирного культурного наследия (Хорватия, Франция, Испания); 3) как средство охраны и регулирования строительной деятельности (Россия) и др.; 4) как «зона охраны» для одиночных объектов культурного наследия (ОКН) или «объединенная зона охраны» нескольких ОКН в России, в границах которых устанавливаются несколько зон – «охранная зона», «зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности» и «зона охраняемого природного ландшафта» – в целях «обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его исторической и сопряженной с ним территории»¹⁹.

В 2002 г. ранее существующий закон РСФСР по сохранению памятников истории и культуры был заменен на новый Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», соответствующий экономическим и политическим реалиям Российской Федерации и международным правовым и методическим актам. Дефиниции «достопримечательного места» и «зон охраны» получили свое правовое определение.

В настоящее время актуальным является вопрос правового регулирования зон с особыми условиями использования территорий (далее – ЗОУИТ), к которым типологически относятся «зоны охраны» и «защитные зоны». По состоянию на сентябрь 2018 г. общее количество таких зон, внесенных в реестр недвижимости, составило около 800 тысяч. Из них: охранные зоны – 757 тысяч, зоны охраны объектов культурного наследия – 5222, защитные зоны объектов культурного наследия – 191, санитарно-защитные зоны –

2500, водоохранные зоны – 4332, иные зоны – около 8 тысяч (указано количество сведений о ЗОУИТ, внесенных с 1 марта 2008 г., когда вступил в силу Федеральный закон «О кадастровой деятельности» от 24.07.2007 № 221-ФЗ). Для сравнения: из обобщенной информации, полученной на основе сведений, содержащихся в ЕГРН, размещенной на официальном сайте Росреестра, следует, что за 2017 г. в ЕГРН было внесено 187 869 таких зон, за 2018 г. – 155 081²⁰.

Но более сложным для земельно-правовых отношений на территории Российской Федерации оказался вопрос по формированию «буферных зон» как дополнительных средств защиты объектов всемирного культурного наследия и окружающих их территорий²¹. На определенном этапе понятие «буферной зоны» для объектов всемирного культурного наследия носило рекомендательный характер, вследствие чего большинство объектов не имело буферных зон. В связи с отсутствием «юридически качественной определенности» данного понятия²², методик по проектированию границ буферных зон, разъяснений по их внутреннему зонированию, влияющему на архитектурно-пространственное формирование буферных зон, в части прецедентных случаев иногда один и тот же объект имеет как охранные зоны, так и буферные.

Согласно Руководству ЮНЕСКО по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия (2015), п. 104, «буферная зона – это область вокруг номинированного объекта достояния, которая имеет дополнительные правовые и/или обычные ограничения, налагаемые на ее использование и развитие для обеспечения дополнительного уровня защиты объекта достояния». Она «должна включать непосредственное окружение номинированного объекта достояния, важные видовые раскрытия и другие пространства или атрибуты, которые являются функционально важными в качестве поддержки объекта достояния и его защиты». Таким образом, в официальных документах ЮНЕСКО «буферной зоне» отводится функция «дополнительной защиты».

Сегодня также нет единого понимания значения и назначения «буферной зоны», когда «границами зон охраны объекта культурного наследия являются линии, обозначающие территорию, за пределами которой осуществление градостроительной, хозяйственной и иной деятельности не оказывает прямое или косвенное негативное воздействие на сохранность объекта культурного наследия в его исторической среде»²³.

Историко-культурная среда Москвы в замечаниях ИКОМОС

На наш взгляд, именно такая неопределенность и коллизии между отечественными и международными правовыми актами стали причиной многих замечаний и вопросов международных консультативных органов.

Одним из таких вопросов остается отсутствие «режимов регулирования градостроительной деятельности на территории буферной зоны объекта всемирного наследия «Кремль и Красная площадь».

Как писалось выше, специальные режимы регулирования строительной и хозяйственной деятельности для территорий буферных зон в Москве не разрабатывались. В то же время в конце 1990-х гг. в соответствии с действующим на тот момент федеральным и региональным (московским) законодательством на всей территории центральной части Москвы, которая также входит в буферную зону объекта всемирного наследия «Кремль и Красная площадь», были определены зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). На территории данных зон охраны памятников истории и культуры в этот же период были установлены режимы содержания, предусматривающие ограничения градостроительной деятельности.

Со времени выхода указанных выше постановлений правительства Москвы произошли изменения в федеральном законодательстве в области государственной охраны объектов культурного наследия.

В 2015 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации от 12.09.2015 № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», определяющего новые требования к режимам использования земель и градостроительным регламентам в границах зон охраны объектов культурного наследия. В связи с этим начиная с 2015 г. в Москве как в рамках государственных контрактов (за счет бюджетных ассигнований), так и за счет средств отдельных инвесторов ведется разработка требований к режимам использования земель и градостроительным регламентам.

Минимальной территорией для разработки требований к режимам использования земель и градостроительным регламентам является территория квартала или группы кварталов. На территории разработки для каждого регламентного участка, границы которого по возможности совмещаются с границами земельных

участков, на основе историко-культурных исследований и визуально-ландшафтного анализа устанавливаются требования и ограничения градостроительного регламента, отражающие конкретные требования к показателям и характеристикам застройки.

Таким образом, можно констатировать, что территория буферной зоны объекта всемирного наследия «Кремль и Красная площадь» полностью входит в границы зон охраны памятников истории и культуры центральной части города Москвы.

Проводимая в городе работа по установлению требований к градостроительным регламентам на основе тщательного анализа историко-культурной ценности и сохранности историко-градостроительной среды, а также на основе визуально-ландшафтных анализов обеспечивает как сохранение объекта ЮНЕСКО в его исторической и природной среде, так и памятников истории и культуры, расположенных в его буферной зоне.

Требования российского законодательства и требования международного законодательства об охране объектов культурного наследия в данном случае совпадают.

Вторым важным вопросом, который звучит в заключениях международного комитета ИКОМОС, является «отношение объекта всемирного наследия к историческому городскому ландшафту Москвы, и в частности к территории Замоскворечья».

Следует сразу подчеркнуть, что по смыслу замечаний речь идет о сохранении «исторических городских пейзажей», но не об «исторических городских ландшафтах» (HUL), поскольку значение данных определений разнятся. Сохранение «исторических городских пейзажей» – это сохранение видовых раскрытий, а не управление и развитие культурных ресурсов.

Дело в том, что к характерным признакам выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия «Кремль и Красная площадь», утвержденной 39-й сессией Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО (Бонн, 2015), относятся в том числе «видовые раскрытия, отражающие доминирующее значение ансамбля Московского Кремля в градостроительном окружении и являющиеся всемирно известной "визитной карточкой" не только Москвы, но и России в целом».

Расположение ансамбля Московского Кремля на высоком Боровицком холме и в центре исторического города позволяет ему сохранять доминирующее композиционно-пространственное значение как в городской планировке, так и в системе городских видов центральной части Москвы.

Однако это требует тщательного регулирования высотных характеристик застройки в его окружении.

В московской практике охраны памятников истории и культуры нет однозначного ответа на вопрос: как сохранить уникальные характеристики городского силуэта и визуально-пространственного образа культурного городского ландшафта.

В то же время в перечень характерных признаков – атрибутов выдающейся универсальной ценности объекта всемирного культурного наследия «Московский Кремль и Красная площадь» – не включены ни панорамы московских районов Якиманки и Замоскворечья, расположенные на низком берегу Москвы-реки и традиционно открывающиеся с территории Кремля, ни видовые раскрытия с узких коридоров улиц, ведущих с территории Замоскворечья в сторону Кремля (например, с улицы Большой Ордынки и Старомонетного пер.), ни видовые раскрытия с Красной площади и проч.

Это создает определенные трудности при рассмотрении «Отчетов об оценке воздействия на выдающуюся универсальную ценность объекта всемирного культурного наследия "Московский Кремль и Красная площадь" от реализации тех или иных проектов развития застройки на отдельных земельных участках». В качестве негативной оценки международного комитета ИКОМОС выдвигаются предложения по запрету какого-либо строительства в Замоскворечье.

Эта рекомендация представляется нецелесообразной. Дело в том, что силуэт застройки Москвы всегда отличался чрезвычайной выразительностью и экспрессией. Это отмечалось всеми известными путешественниками, попадавшими в Москву в XVI–XVIII веках. Синусоидальный ритм московского силуэта создавался вертикалями церковных колоколен, главок, купольных завершений, башнями Кремля. Их объемы, имевшие пирамидальный характер построения, обрели устойчивую базу в виде распластанных низких трапезных, галерей, малоэтажной жилой застройки, создававших нейтральный фон и выгодно подчеркивавших их устремленность в небо.

Местоположение городских вертикалей в крупных городских узлах: в центральной крепости, в локальных слободских и религиозных центрах, на городских площадях, вдоль главных дорог,

а также на высоких отметках рельефа и по бровкам приречных холмов – делали легко читаемой функционально-планировочную и пространственную структуру города.

Взаимодействие и взаимообусловленность таких компонентов, как застройка, природный ландшафт и планировка, создали уникальный культурный городской ландшафт Москвы. Широкие долины рек, активный рельеф местности обеспечивали многообразие возможностей его визуального восприятия. Важной составной частью видовых раскрытий культурного городского ландшафта являлись большие массивы зелени.

После сноса большого числа храмовых комплексов во второй половине XX века была предпринята попытка восполнить эти утраты за счет постановки в 1940–50-х гг. высотных зданий. Однако это в полной мере не вернуло городскому силуэту композиционной насыщенности и разнообразия. Новый, преувеличенный масштаб городского силуэта представляет собой застройка набережной Тараса Шевченко (вид со стороны Смоленской набережной). Как положительный момент, свидетельствующий о намерении поддержания исторических традиций, можно отметить ярусное построение и активное силуэтное завершение градостроительных доминант того времени, создающих новую систему общегородских ориентиров, а также тонко детализованный, насыщенный композиционными и силуэтными акцентами уличный фронт.

Следует отметить, что в тот период четко прослеживалась традиция фиксации крупных городских планировочных узлов постановкой городских вертикалей. Так высотные здания на Смоленской площади, на площади Восстания и у площади Красных Ворот были поставлены вдоль трассы Садового кольца, на ее пересечениях с крупными городскими магистралями. Гостиница «Украина» встала на вновь образованной трассе Кутузовского проспекта, на повороте Москвы-реки; гостиница «Ленинградская» – у площади трех вокзалов. Здание Московского университета на Воробьевых горах акцентирует самую высокую точку рельефа в ареале исторического города. Однако высотное здание на Котельнической набережной, поставленное у слияния рек Москвы и Яузы, полностью нивелировало рельеф Швивой горки и композиционную активность храма Никиты Мученика. К сожалению, в данном случае задача формирования новых характеристик городского силуэта и нового композиционного узла разрешилась не в пользу сохранения исторического ландшафта, которое, по нашему мнению, должно быть поставлено во главу угла при принятии любого градостроительного решения.

Основой преемственного развития городского силуэта (исторического городского пейзажа) является соблюдение традиционных принципов его формирования, в том числе размещение градостроительных доминант на значимых узловых местах городской функционально-планировочной структуры, а не в случайных местах по воле заказчика, основная задача которого зачастую выжать побольше прибыли из своего участка; акцентировка, проявление характера природного рельефа, гидрографической сети города, а не поглощение их новой гипермасштабной застройкой. Трудно переоценить значение природного рельефа города в формировании городского силуэта. Общегородская возвышенность Воробьевы горы, имеющая самые высокие в ареале исторического города отметки рельефа, и расстилающаяся перед ней долина делают уникальной московскую ситуацию, где существует возможность панорамного раскрытия города в целом. Именно с этих точек, оформленных как общегородская смотровая площадка, существовала и существует возможность восприятия большей части городских доминант. Это делает особо важной проблему креативного формирования силуэта города. Локальные возвышенности, прилегающие к приречной долине (такие как: Заяузье, включающее Швивую горку, Таганский холм, район Волгоградского проспекта между площадью Крестьянской заставы и Новоостановской улицей, Кремлевский холм, район Покровского бульвара между Хохловской площадью и улицей Обуха вместе с Ивановской горкой), обуславливают повышенную вероятность включения формирующей их застройки в широкие панорамные раскрытия с набережных и мостов на Москве-реке.

Застройка в зонах повышенных отметок рельефа, тяготеющих к основным водоразделам, и удаленная от «визуальных коридоров вдоль приречных долин» (например, район между Тверской, 1-й Тверской-Ямской улицами, Малой Дмитровкой и ее продолжением – Долгоруковской улицей, район Маросейки-Покровки, Сретенский холм и проспект Мира) имеет значительную вероятность включения ее в панорамные раскрытия с дальних точек городских пространств, расположенных на высоких точках рельефа (а именно с Воробьевых гор). Все вышеупомянутые территории относятся к зонам «активного» рельефа, что требует особого контроля за высотными и силуэтными характеристиками объектов нового строительства повышенной этажности.

Одно из важных условий преемственного развития городского силуэта – ярусный, пирамидальный характер формирования объема градостроительных доминант, активное силуэтное заверше-

ние уходящего вверх объема. Разумеется, впечатление активной линии силуэта может быть создано ярусным построением не только отдельных зданий, но и целого комплекса застройки. Активная линия силуэта застройки нового городского центра «Сити» – явное тому подтверждение. Очевидна необходимость определения «видовых раскрытий объекта всемирного наследия "Московский Кремль и Красная площадь", отражающих его доминирующее значение в градостроительном окружении», а также их законодательного закрепления.

Также очевидна необходимость принятия решения о путях формирования и развития городского силуэта, о размещении новых градостроительных доминант при условии сохранения композиционного значения исторических. Цель этой работы состоит не в запрещении высотных объектов в историческом центре города, а в нахождении адекватных мест их размещения, определении характера их объемно-пространственной композиции и особенностей силуэтного решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Франческо Бандарин, Рон Ван Оерс. Исторический городской ландшафт. Управление наследием в эпоху урбанизма. Казань, 2013.
2. Франческо Бандарин, Рон Ван Оерс. Исторический городской ландшафт. Управление наследием в эпоху урбанизма. Казань, 2013, с. vii.
3. Г. Араоз, М. Петцет.
4. Венский меморандум, 2005 г.
5. Агишева С. Т. Интерпретация понятия буферной зоны объектов всемирного культурного наследия: переход от принципов сохранения к принципам устойчивого развития исторических городских ландшафтов. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-ponyatiya-bufernoy-zony-obektov-vsemirnogo-kulturnogo-naslediya-perehod-ot-printsipov-sohraneniya-k-printsipam-ustoychivogo-razvitiya-istoricheskikh-gorodskikh-landshaftov>.
6. Душкина Н. На краю. Интеллектуальная провокация или бизнес-проект? [Электронный ресурс]. URL: <https://prorus.ru/interviews/nataliya-dushkina-na-krayu-intellektualnaya-provokaciya-ili-biznes-proekt>.
7. Араоз Г. Философия сохранения и ее развитие: изменение понимания подлинности и значимости. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/88345181/Conservation_Philosophy_and_its_Development_Changing_Understandings_of_Authenticity_and_Significance.
8. Алоиз Ригль. Современный культ памятников: его сущность и возникновение. М., 2018.
9. Франческо Бандарин, Рон Ван Оерс. Там же, с. 33.
10. Франческо Бандарин, Рон Ван Оерс. Там же, с. 13.
11. Кристиан Норберг-Шульц – норвежский архитектор, историк и теоретик архитектуры, один из самых известных и влиятельных адептов феноменологической традиции в архитектуре XX века.
12. <http://www.historicurbanlandscape.com/themes/196/userfiles/download/2014/3/31/3ptdwsom3eihfb.pdf>
13. Шевченко Э. А., Лукашов А. В., Никифоров А. А. Правовые аспекты феномена достопримечательного места // Гражданское право, № 10 (229) 2020.
14. Никифоров А. А. Зоны охраны объектов культурного наследия – правовой инструмент сохранения исторической среды памятника истории и культуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/74840-zony-okhrany-obektov-kulturnogo-naslediya-pravovoj-instrument>.
15. См. Никифоров А. А. Зоны охраны объектов культурного наследия – правовой инструмент сохранения исторической среды памятника истории и культуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/74840-zony-okhrany-obektov-kulturnogo-naslediya-pravovoj-instrument>.
16. Зоны с особыми условиями использования территорий (проблемы установления и соблюдения правового режима): научно-практическое пособие. Отв. ред. Е. А. Галиновская. М., 2020. С. 22.
17. Матвеев Б. М. Деконструкция архитектурного наследия., СПб, 2012. С. 146.
18. Известия КГАСУ, 2016, № 3 (37). Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия.
19. Статья 34, п. 1, Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 09.03.2016).
20. Башаева И. Ю. Некоторые проблемы, связанные с правовым регулированием зон с особыми условиями использования территорий // Новый юридический вестник. 2020, № 5 (19). С. 13–17. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/167/5217>.
21. Руководства по выполнению Конвенции ЮНЕСКО, 1977–1999.
22. ГОСТ Р 59124-2020. Сохранение объектов культурного наследия. Состав и содержание научно-проектной документации проекта зон охраны. Общие требования. Дата введения 2021-01-01; дает определение «буферная зона», но носит рекомендательный характер.
23. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 972. П. 6.

Обоснование юридического понятия «Знаковый объект»¹

Матвеев Б. М.

Постепенная либерализация теории и практики сохранения объектов культурного наследия (далее – ОКН) способствовала формированию двух направлений деятельности. Первое придерживается традиционных принципов, провозглашенных Венецианской хартией, – реставрация кончается там, где начинается гипотеза. Целью второго является разработка на основе синтеза западной и восточной традиций универсальных методов частичного или полного восстановления ОКН, подвергшихся разрушению в военных конфликтах или в природных катастрофах.

Широкомасштабный опыт восстановления, опиравшийся на научную теорию и лучшую практику «стилистической реставрации» XIX столетия, был апробирован в СССР и во многих европейских странах после окончания Второй мировой войны. В 1945 г. профессор Ян Захватович² представил оправдание этой деятельности следующим образом: «Мы не можем смириться с исчезновением наших памятников культуры, мы будем их реконструировать, восстанавливать с нуля, чтобы передать эти памятники следующим поколениям пусть не в оригинале, но по крайней мере в виде их точной копии – так, как они сохранились в нашей памяти и в архивных материалах»³.

На патриотической волне во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. сформировалась «ленинградская школа реставрации», методологические основы которой постепенно возрождаются со сменой поколения и коммерциализацией всех видов созидательной деятельности.

В связи с трагическими событиями двух последних десятилетий зародилась идея создания международного движения за восстановление объектов всемирного наследия в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии. Вынесенный в 2016 г. на широкое обсуждение проект «Руководства ИКОМОС по пост-травматическому восстановлению объектов всемирного культурного наследия» является его теоретической базой и практическим пособием, рекомендуемым для всех регионов планеты. Сейчас, как и в середине XX века, программа восстановления уничтоженных памятников культуры встретила с критикой со стороны приверженцев консервативных методов, уверенных в невозможности достоверной реконструкции⁴.

Современное катастрофическое состояние памятников деревянной архитектуры (далее – ПДА) в России стало следствием длительного процесса, начавшегося после Октябрьской рево-

люции, когда их отобрали у законных хозяев. На протяжении нескольких десятилетий в стране велось беспрецедентное уничтожение церквей. Сохранившиеся приспособляли под учреждения культуры, складские и иные хозяйственные функции, безжалостно разрушая целостность уникальных произведений архитектуры. Роскошные загородные дачи периода модерна были приспособлены под коммунальное жилье и ведомственные учреждения здравоохранения, а в конце XX века брошены на произвол судьбы бесхозные и никем не охраняемые. Не отремонтировавшиеся почти столетие конструкции не выдержали жестоких реалий переходного периода к новой социально-экономической формации, полностью исчерпав свой жизненный ресурс. Немаловажную роль в их гибели сыграл переход от традиционного уклада жизни к информационному обществу, сопряженный с формированием потребительского отношения к историческим артефактам. В массовом сознании коренным образом изменилось отношение к базовым установкам, определявшим идейно-ценностную ориентацию в социально-культурной деятельности. Подлинность перестает быть основным критерием ценности памятника архитектуры. Данная проблема, в той или иной степени оказавшая влияние на состояние реставрационной отрасли по всему миру, в России проявляется особенно остро в связи с ограниченным выделением бюджетных средств, несовершенством законодательной системы и несогласованностью между субъектами деятельности.

В настоящее время «новоделы», замещающие утраченные ПДА, в подавляющем большинстве не соответствуют «тесту на подлинность» и теряют статус ОКН. Но в контексте средового подхода корректно исполненные копии выполняют важную градоформирующую функцию и представляют значительную архитектурно-художественную ценность. Для того чтобы обеспечить преемственность в развитии исторически сложившихся городских пространств, соблюдая баланс интересов инвесторов и городских властей, заботящихся о сохранении исторического наследия, на месте ПДА, в случае их полной утраты, следует запретить любое строительство, кроме их достоверной реконструкции в части восстановления внешнего облика.

Основными компонентами архитектурной композиции здания являются его внутреннее пространство и внешний объем. Внешний объем обладает важной градоформирующей функцией и как

неотъемлемая часть художественного образа исторической среды является общим достоянием вне зависимости от имущественных прав владельца или пользователя. Интерьер жилого дома является частным пространством. Архитектурный объект со временем может утратить изначальную функцию, а его внешний облик продолжит оказывать прежнее воздействие и вызывать определенный эмоциональный настрой. Организация внутреннего пространства здания может быть изменена полностью или частично, но только в зависимости от ценностных характеристик, а не от потребностей практического использования. Во избежание дальнейшей трансформации и в целях обеспечения контроля государства для таких объектов нового строительства рекомендуется ввести в Федеральный закон № 73-ФЗ дополнительный вид недвижимого имущества, подлежащего государственной охране: «Знаковые объекты» или «Знаковые объекты исторической среды».

Общепринятое определение знака дано в «Философском энциклопедическом словаре»: «Знак – материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний)». Предметное значение знака – это замещаемый объект. Различают несколько видов знаков, в том числе знаки-символы или знаки-копии. Такие знаки находятся в отношении сходства, подобия с обозначаемыми объектами, например фотография, карта местности, чертеж детали.

Предлагаемая номинация «Знаковые объекты исторической среды» нацелена на обеспечение более эффективной охраны ценной средовой застройки исторического поселения и/или достопримечательного места. Знаковый объект исторической среды не является «подлинным источником информации о зарождении и развитии культуры», но его градостроительная ценность (средообразующая функция) приобретает особый смысл для истории и культуры субъекта Российской Федерации при условии, если внешний облик представляет точную копию утраченного оригинала. Соблюдение данного условия как главного идентификационного признака такого объекта может быть обеспечено только на уровне федерального законодательства, что позволит применить к данному виду ОКН все требования главы VII Федерального закона № 73-ФЗ.

В суждениях многих специалистов и в массовом сознании прочно укоренилось негативное отношение к «новоделам», неприятие которых

обусловлено рядом объективных причин. В первую очередь к ним относятся: сомнительная достоверность и низкое качество копирования утраченных оригиналов, а также сознательное стремление пользователей заменять копиями даже те подлинные ОКН, которые еще можно сохранить. На такое отношение к ПДА влияют не только экономические факторы, но и глобальная «американизация» современной культуры с ориентацией на массового потребителя.

Умберто Эко писал о том, что «в среднем американском воображении и вкусе есть константа, для которой прошлое должно быть сохранено в полномасштабной аутентичной копии»⁵. В центре внимания ключевого для осмысления данного социального феномена находится концепция рынка воссозданного наследия, где наследие реальное или иное, как видно из ряда достопримечательностей США, стало товаром, а архитектурная копия ценится порой выше оригинала. Этой теме посвящена книга одного из главных специалистов по обоснованию наследия в качестве продукта культурной индустрии, американского историка и географа Дэвида Лоуэнталя:

«Большинство людей не только не в состоянии отличить реплику от оригинала, но им вполне достаточно первой. Копии отражают "прошлое" ничуть не хуже оригиналов. <...> Каждый акт, который дополняет прошлое, – имитация, эмуляция, репродукция, цитирование – в некотором роде отличается от другого. Имитации и инсценировки нацелены на тщательное воспроизведение знаменитого оригинала, модели и образы часто намеренно отходят от оригинала, эмуляции используют прошлое для того, чтобы черпать вдохновение для новых творений, а памятники и мемориалы напоминают нам о прошлом в формах и мотивах сегодняшнего дня. Факсимиле нацелены на простое повторение известных реликвий. Они включают в себя три различных типа: копии имитируют существующие или утраченные оригиналы, подделки претендуют на то, что они и есть оригиналы, реплики воспроизводят знаменитые прототипы, находящиеся в других местах. Лишь немногие факсимиле соответствуют своим оригиналам во всех деталях. Их первой, если не единственной, целью является имитация оригинала в узком, современном смысле слова. Зрители часто не обращают внимания, даже после того, как им об этом неоднократно напоминают, что утраченные или ветхие реликвии заменены на современные произведения. <...> В отличие от подделок, специально нацеленных на обман, добрые намерения несколько смягчают вину того, кто искажил или разрушил оригинальные реликты, будучи уверен, что вос-

становливают их. Вера в то, что действительное прошлое слишком тесно переплетено, чтобы его можно было ниспровергать постоянно, также смягчает грех подделывания истории, поскольку мало кто ожидает, что эти изменения смогут продержаться длительное время»⁶.

Процитированные суждения автора вполне резонны и заслуживают внимания, но в некоторых просвечивает чисто американское отношение к подлинным свидетельствам истории: «В самом деле, неоготика изменила облик готики, чтобы сохранить ее дух. В отличие от средневековой готики, подобные воссоздания выглядят даже более готическими, чем сама готика»⁷. Похожее высказывания не так давно звучали из уст некоторых влиятельных российских функционеров, озабоченных улучшением исторической городской среды.

Происхождение и смысл понятия подлинности применительно к современной консервации и реставрации всесторонне рассмотрены в статье Юкка Йокилето⁸. Исследуя содержание понятия «подлинность» в исторической ретроспективе Юкка Йокилето отмечает:

«Подлинность сама по себе не является ценностью, скорее ее следует понимать как состояние объекта или памятника по отношению к его специфическим качествам. [Подобная точка зрения разделяется не всеми исследователями. Соотношение понятий «подлинности» и «ценности» являлось предметом отдельной дискуссии в Наре. – Примечание Юкка Йокилето.] Произведение искусства или памятник необходимо воспринимать в контексте, а связанные с ним ценности должны служить основой для его осмысления. <...> Применительно к произведению искусства мы обычно говорим о двух конкретных вещах – его «форме» и «материале», то есть о его художественном и историческом измерениях»⁹.

Разделяя процитированные суждения авторитетных специалистов, следует признать, что если рассматривать архитектурный объект в контексте исторической среды, то выполненная в аутентичном материале с применением исторических технологий точная копия внешнего вида утраченного памятника архитектуры сохраняет ряд ценностных характеристик, определяемых ее градостроительным значением (средообразующей функцией).

Различные аспекты подлинности раскрыты в фундаментальном исследовании художника-реставратора высшей квалификации, доктора искусствоведения Ю. Г. Боброва.

Рассматривая подлинность как категорию историческую, автор отмечает различие смыслов в терминах «подлинный» и «достоверный»: «Документ может быть подлинным, а его копия может быть только достоверной. Это противоречие между "подлинным" и "достоверным" показывает, что подлинность физической субстанции и подлинность художественной формы не одно и то же»¹⁰.

Значительный интерес представляют суждения Ю. Г. Боброва о качестве материала: «Подлинность материала включает в себя качества непреднамеренно изменившейся материи оригинала в ее историческом виде. Объективным признаком подлинности является древность или давность материалов, принадлежность их "тому" времени. Здесь обнаруживается очень важный момент в определении подлинности: она заключается не в пресловутом "первоначальном" виде, а в сегодняшнем состоянии материи оригинала, то есть в физических, оптических, химических проявлениях течения времени. <...> Здесь мы с очевидностью видим, что подлинность материала – это еще не вся подлинность художественной формы. Во многих случаях патина, налет времени, изменяющий состояние поверхностного слоя, создавала преднамеренный художественный эффект. <...> Впечатление в большой мере индивидуально и отражает степень подготовленности воспринимающего субъекта. Оно опирается на внешние признаки древности предмета, такие как патина, следы старения материала в виде трещин, выветривания каменной кладки, фактура поверхности и т. п. Поэтому черты древности часто намеренно сохраняются или даже имитируются при антикварной реставрации». В данном отношении важную роль играют методологические аспекты реставрации, о которых также сказано в монографии Ю. Г. Боброва: «Обычно нормативная теория рассматривает методологические аспекты реставрации памятников искусства в приложении к "памятнику" или "объекту" как таковому, исключая его из процесса общественного потребления. <...> В одних случаях объект востребуется в виде памятника культуры, в других случаях, другим социумом – в виде произведения искусства. Часто главной оказывается потребительская ценность, когда, скажем, архитектурный ансамбль играет роль туристически-развлекательного объекта – своего рода "Диснейленда"»¹².

Опыт последних десятилетий свидетельствует о том, что в приспособлении ОКН к современному использованию определяющей является «потребительская ценность». Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что современные технологии, применяемые в реставрации подлин-

ных ПДА, в большей степени способствуют фальсификации памятника как исторического документа и искажению исторической среды, тогда как корректно исполненная копия утраченного ПДА позволяет сохранить ценные средовые характеристики.

В современном обществе сформировались два похода к проблеме восстановления ОКН: научный и коммерческий. Одним из основоположников научного подхода был французский архитектор и историк Э. Э. Виолле-ле-Дюк, который разработал методику археологического изучения и точной фиксации памятников архитектуры и, несмотря на все очевидные недостатки метода «стилевой реставрации», во многом определил развитие реставрации не только в XIX, но и в XX веке. Воссозданный им из руин исторический укрепленный город Каркассон в 1997 г. был включен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО как «имеющий исключительное значение для реставрационных работ, начатых во второй половине XIX века Виолле-ле-Дюком, который оказал сильное влияние на эволюцию принципов и практики сохранения»¹³.

Коммерческий подход к восстановлению ОКН преследует либо цели минимизации расходов на строительство элитного жилья в престижных районах на дорогостоящих участках, получаемых почти даром по программе «Аренда памятника за 1 рубль», либо нацелен на реализацию проектов торгово-развлекательных комплексов, не имеющих никакого отношения к историческому наследию. Еще полвека тому назад сохранение ОКН не рассматривалось как самоокупаемые и приносящие денежные выгоды проекты, но рост интерпретации наследия привел к тому, что исторические памятники повсюду стремятся сделать более доступными и прибыльными. Дальнейшая коммерциализация наследия в этом направлении не оставляет шансов не только для ПДА, но и для ОКН в целом. В этой связи следует признать, что дешевая распродажа памятников архитектуры нуворишам без их надежной юридической защиты – признание государством своей слабости и экономической несостоятельности.

Статьей 3 Федерального закона № 73-ФЗ установлены три вида ОКН: памятники, ансамбли и достопримечательные места. Определение понятий «памятники», «ансамбли» и «достопримечательные места» соответствует международной классификации в сфере охраны наследия с учетом особенностей перевода специальных терминов на русский язык. В указанной статье особо отмечено, что к ОКН относятся «объекты недвижимого имущества <...>, являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинны-

ми источниками информации о зарождении и развитии культуры».

Статьей 4 Федерального закона № 73-ФЗ установлены три категории историко-культурного значения ОКН: объекты культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения, «обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры» Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Данные юридические понятия и термины применяются только в правовом поле Российской Федерации.

Критерии определения ценностей и «особого значения» объектов культурного наследия Федеральным законом не установлены.

Федеральным законом от 23.07.2013 № 245-ФЗ в статью 3 Федерального закона № 73-ФЗ введены юридические понятия «объект археологического наследия» и «археологические предметы». Объекты археологического наследия как самостоятельный вид ОКН также введены в другие статьи Федерального закона № 73-ФЗ. Действующим законом установлены особые режимы использования земельных участков и водных объектов, а также меры понуждения собственников земельных участков, в границах которых располагаются объекты археологического наследия, к выполнению требований к сохранению ОКН.

Содержательный и структурный анализ статей 3 и 4 Федерального закона № 73-ФЗ позволяет сделать вывод о том, что охрана культурного наследия в Российской Федерации регулируется в соответствии с нормами международного права и специфическими особенностями внутригосударственного права. Следовательно, пути для дальнейшего совершенствования Федерального закона, призванного регулировать исторически обусловленные и реально существующие отношения в этой сфере общественной деятельности, не закрыты.

Помимо трех видов ОКН, включаемых в государственный реестр, Федеральным законом № 73-ФЗ установлен еще один «переходный» вид объектов, также подлежащих государственной охране, – выявленные ОКН. Законодательное определение данного понятия отсутствует, однако из контекста закона следует, что имеются в виду объекты, обладающие признаками ОКН. Порядок проведения работ по выявлению и государственному учету объектов, обладающих признаками ОКН, установлен Приказом Министер-

ства культуры Российской Федерации от 02.07.2015 № 1905.

В соответствии с пунктом 1 статьи 33 Федерального закона № 73-ФЗ выявленные ОКН наравне с включенными в реестр ОКН подлежат государственной охране «в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения облика и интерьера (в случае, если интерьер объекта культурного наследия относится к его предмету охраны), нарушения установленного порядка их использования, незаконного перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить вред ОКН, а также в целях их защиты от неблагоприятного воздействия окружающей среды и от иных негативных воздействий».

Согласно статье 18 Федерального закона № 73-ФЗ после принятия решения о включении объекта, обладающего признаками ОКН, в перечень выявленных объектов культурного наследия региональный орган охраны ОКН обеспечивает проведение государственной историко-культурной экспертизы. Заключение историко-культурной экспертизы в отношении выявленного ОКН должно включать в себя обоснование целесообразности включения данного объекта в реестр, а также обоснования границ территории объекта, вида, категории историко-культурного значения и предмета охраны данного объекта либо обоснование нецелесообразности включения данного объекта в реестр. В случае отрицательного заключения экспертизы объект, ранее обладавший признаками ОКН, не включается в реестр и исключается из перечня выявленных ОКН. Дальнейшие действия в отношении такого объекта Федеральным законом № 73-ФЗ не регулируются.

Исключение из реестра ОКН, ранее в него внесенного, согласно статье 23 Федерального закона № 73-ФЗ, «осуществляется в случае полной физической утраты ОКН или утраты им историко-культурного значения». Воссоздание утраченного ОКН, согласно статье 47 Федерального закона № 73-ФЗ, «осуществляется посредством его реставрации в исключительных случаях при особой исторической, архитектурной, научной, художественной, градостроительной, эстетической или иной значимости указанного объекта и при наличии достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания». В той же статье оговорены условия принятия решений о воссоздании утраченного ОКН за счёт средств федерального, регионального или муниципального бюджета. Воссоздание за счёт частных капиталовложений Федеральным законом не регулируется. Следовательно, инициатор такой благотворительной акции может возвести

на месте утраченного ОКН (не следует забывать, что в данной публикации речь идет только о ПДА) постройку с любыми искажениями исторической формы и материала, если ее основные габариты не нарушают ограничения, установленные режимом охранной зоны.

На практике такое положение ведет к тому, что на месте утраченных памятников архитектуры под предлогом их воссоздания появляется все больше «новоделов», способствующих аберрации исторической памяти, о чем было сказано выше.

Отношение к сохранению ПДА на общих основаниях без учета специфики материала конструкций обусловило серьезные проблемы в части реализации требований, изложенных в главе VII Федерального закона № 73-ФЗ. Законом установлены четыре вида работ, направленных на сохранение ОКН: консервация ОКН, ремонт памятника, реставрация памятника или ансамбля, приспособление ОКН для современного использования. Нельзя не отметить, что первые три вида подразумевают конкретные методы, а четвертый – обозначает цель проведения работ на ОКН без указания методов ее достижения.

Вышеназванные методы применимы на объектах разной степени сохранности. Государственные стандарты, устанавливающие общие правила обследования и мониторинга технического состояния зданий и сооружений, оперируют тремя категориями, определяющими степень эксплуатационной пригодности несущей строительной конструкции или здания и сооружения в целом, а также грунтов их основания, в зависимости от доли снижения несущей способности и эксплуатационных характеристик:

«– работоспособное техническое состояние – категория технического состояния, при которой некоторые из числа оцениваемых контролируемых параметров не отвечают требованиям проекта или норм, но имеющиеся нарушения требований в конкретных условиях эксплуатации не приводят к нарушению работоспособности, и необходимая несущая способность конструкций и грунтов основания, с учетом влияния имеющихся дефектов и повреждений, обеспечивается;

– ограниченно работоспособное техническое состояние – категория технического состояния строительной конструкции или здания и сооружения в целом, включая состояние грунтов основания, при которой имеются крены, дефекты и повреждения, приведшие к снижению несущей способности, но отсутствует опасность внезапного разрушения, потери устойчивости или опро-

кидывания и функционирование конструкций и эксплуатация здания или сооружения возможны либо при контроле (мониторинге) технического состояния, либо при проведении необходимых мероприятий по восстановлению или усилению конструкций и (или) грунтов основания и последующем мониторинге технического состояния (при необходимости);

– аварийное состояние – категория технического состояния строительной конструкции или здания и сооружения в целом, включая состояние грунтов основания, характеризующаяся повреждениями и деформациями, свидетельствующими об исчерпании несущей способности и опасности обрушения, и (или) характеризующаяся кренами, которые могут вызвать потерю устойчивости объекта»¹⁴.

В специальной технической литературе по эксплуатации зданий и сооружений обычно приводится расширенный список из пяти категорий:

- «– 1-я категория – исправное техническое состояние;
- 2-я категория – работоспособное техническое состояние;
- 3-я категория – ограниченно работоспособное техническое состояние;
- 4-я категория – недопустимое техническое состояние;
- 5-я категория – аварийное техническое состояние»¹⁵.

Понятие «руинированное здание» в ГОСТах и специальной литературе отсутствует. Из этого можно сделать вывод о том, что руинированные здания к приспособлению для современного использования не пригодны. Между тем результаты визуального обследования показали, что многие ПДА доведены до состояния руин. Определение руины в Федеральном законе № 73-ФЗ не приводится. Общеупотребительное определение этого понятия: «Останки бывшего здания или постройки». В международных руководствах по сохранению ОКН разработаны методики консервации руин, применимые к так называемым долговечным материалам: природному камню, металлу, бетону, кирпичу. Методики консервации руинированных деревянных артефактов разработаны только применительно к объектам археологического наследия. Реальность такова, что руины ПДА представляют собой в большинстве случаев строительный мусор с фрагментами деревянных конструкций, полностью утративших эксплуатационную пригодность. Техническое состояние таких ОКН может быть приравнено к физической утрате, но при этом нематериальная ценность и значение многих уникальных объектов сохраняются. Есть много примеров, когда

подобные руины, имевшие статус ОКН, безвозмездно передавались собственнику, бравшему на себя обязательство приспособить их для современного использования. Конечные итоги таких «приспособлений» известны.

На территории Санкт-Петербурга объект, обладающий признаками ОКН, ценность и значение которого по результатам проведенной государственной историко-культурной экспертизы признаны недостаточными для включения в реестр, переходит в разряд «исторических зданий» или объектов «исторической среды». Понятия «исторические здания» и «историческая среда» введены в региональное правовое поле законом Санкт-Петербурга от 24.12.2008 № 820-7:

«Исторические здания – здания, сооружения, не состоящие на государственной охране как ОКН, относящиеся к различным историческим периодам: в зонах охраны исторически сложившихся центральных районов – построенные до 1917 г. (здесь и далее год постройки включительно); в зонах охраны расположенных за границами зон охраны исторически сложившихся центральных районов – построенные до 1957 г.; деревянные 1-2-этажные здания – построенные до 1917 г. Историческая среда – совокупность неразрывно связанных элементов: природный и городской ландшафт, исторический планировочный каркас, исторические здания, строения сооружения, историческое озеленение, – сформировавшихся в зонах охраны исторически сложившихся центральных районов – до 1917 г., в зонах охраны расположенных за границами зон охраны исторически сложившихся центральных районов – до 1957 г.».

Тем же законом в юридическую практику введено понятие «внешний облик (зданий, строений, сооружений) – габариты (размеры длины, ширины и высоты здания и его частей) и форма зданий, строений, сооружений, конфигурация лицевых скатов крыши, наличие и размер остекленных световых фонарей, архитектурное решение лицевых фасадов, включая количество этажей, аттики и балюстрады (ограждения), размер и расположение оконных и дверных проемов, балконов, наружных лестниц, декор, заполнение оконных проемов»¹⁶.

Законом Санкт-Петербурга от 07.07.2016 № 437-83 к трем вышеназванным добавлены еще три правовых понятия: «восстановление исторического здания – строительство на месте утраченного исторического здания нового здания, строения, сооружения с восстановлением внешнего облика исторического здания либо реконструкция исторического здания с восстановлени-

ем его внешнего облика; восстановленный объект исторической застройки – здание, строение, сооружение, построенное на месте утраченного исторического здания с восстановлением его внешнего облика; историческое архитектурное решение – первоначально реализованное архитектурное решение исторического здания или архитектурное решение, применяемое в качестве образца для восстановления исторического здания, его частей или деталей (элементов) при отсутствии оригинальных проектных материалов, графических материалов или фотофиксации внешнего облика и конструкций восстанавливаемого исторического здания»¹⁷.

Казалось бы, вышеприведенные нововведения обеспечивают сохранность или по крайней мере преемственность развития исторической среды. Но тот же закон допускает изменения, искажающие внешний облик восстанавливаемого объекта исторической застройки: «В отношении исторических зданий, а также восстановленных объектов исторической застройки может выполняться: а) локальное изменение архитектурного решения лицевых фасадов после получения положительного заключения государственного органа охраны объектов культурного наследия; б) устройство мансард с повышением отметки конька не более чем на 1 м». Данное противоречие, когда, с одной стороны, закон требует восстановить исторический облик утраченного исторического здания, а с другой стороны, допускает его изменение, представляется одной из наиболее острых проблем действующего законодательства. Допустимые локальные изменения, кроме устройства мансард, в законе не прописаны, предмет охраны для исторических и восстановленных объектов исторической застройки не определяется, государственная историко-культурная экспертиза не проводится.

Кроме того, выше процитированные установления регионального законодательства применимы к историческим зданиям, не включенным в государственный реестр памятников истории и культуры и/или в перечень выявленных ОКН. Юридическое понятие «Знаковые объекты», или «Знаковые объекты исторической среды» предлагается применять к объектам, исключаемым из списков памятников и выявленных ОКН по причине их физической утраты. Естественно, у многих собственников и застройщиков возникнет соблазн перевести в этот вид любые ОКН вне зависимости не только от материала конструкций, но и от степени их сохранности. Предотвратить развитие такой негативной тенденции призваны государственные органы охраны наследия и эксперты по проведению государственной историко-культурной экспертизы.

Гарантом сохранения подлинных ОКН является высокий управленческий и исполнительский профессионализм специалистов, обладающих теоретическими и практическими знаниями, применимыми в данной сфере общественной деятельности.

Чтобы минимизировать возможность злоупотреблений, одновременно с категорией «Знаковые объекты исторической среды» необходимо ужесточить наказание за нарушение собственниками ОКН взятых на себя охранных обязательств. Составлению этих документов должны предшествовать техническая и государственная историко-культурная экспертизы, по результатам которых четко устанавливаются предмет охраны, допустимые современные функции и методы реставрации, а также суммы компенсаций за причинение материального ущерба подлинным ПДА. Только после этого может быть разработан проект приспособления для современного использования.

В связи с вышеизложенным предлагается внести ряд дополнений в действующие законодательные и нормативно-правовые акты в отношении утраченных ПДА, включенных в реестр ОКН и перечень выявленных ОКН:

– в статью 3 Федерального закона № 73-ФЗ ввести юридическое понятие: «"Знаковые объекты", или "Знаковые объекты исторической среды", – точные копии внешнего облика (как вариант – архитектурно-художественного облика) утраченных (руинированных) памятников деревянной архитектуры, выполненные из аутентичных материалов с воспроизведением всех уникальных особенностей архитектурно-композиционного и архитектурно-художественного решения оригинала»;

– в статью 40 Федерального закона № 73-ФЗ ввести дополнительный пункт: «В случае полной утраты или невозможности обеспечить физическую сохранность памятника деревянной архитектуры под сохранением этого объекта понимается создание точной копии внешнего облика (как вариант – архитектурно-художественного облика) утраченного оригинала, выполненной из аутентичных материалов с воспроизведением всех уникальных особенностей его архитектурно-композиционного и архитектурно-художественного решения»;

– в главу VII Федерального закона № 73-ФЗ ввести дополнительную статью: «Восстановление внешнего облика (как вариант – архитектурно-художественного облика) утраченных (руинированных) памятников деревянной архитектуры методом

точного копирования оригинала из аутентичных материалов с воспроизведением всех уникальных особенностей его архитектурно-композиционного и архитектурно-художественного решения».

Предложения о внесении изменений в действующий Федеральный закон № 73-ФЗ отражают реальную ситуацию, сложившуюся в сфере охраны ПДА в большинстве регионов Российской Федерации. В новейшей истории Санкт-Петербургское Законодательное собрание и администрация Санкт-Петербурга неоднократно выступали инициаторами региональных законодательных инициатив, получавших поддержку на федеральном уровне. Результатом законотворческих инноваций в сфере охраны исторической городской среды стал закон Санкт-Петербурга от 24.12.2008 № 820-7. Вышеизложенные предложения могут пройти апробацию в рамках регионального законодательного акта, направленного на обеспечение охраны исторических зданий, не являющихся ОКН. При этом юридическое понятие «Знаковый объект», или «Знаковый объект исторической среды», должно быть включено в этот закон в качестве специальной правовой нормы, применяемой на территории Петербурга к утраченным и корректно воссозданным ОКН вне зависимости от режимов охранных зон.

На первом этапе целесообразно организовать общественное обсуждение в региональных сред-

ствах массовой информации и проведение по данному вопросу межрегиональной конференции специалистов. Широкая научная и общественная дискуссия является наиболее эффективным методом для обмена мнениями и идеями. Она позволит всесторонне исследовать с различных точек зрения реальную проблему сохранения ПДА в современных условиях мегаполиса, наметить возможные иные пути ее решения, способствовать достижению социального консенсуса. Если в результате дискуссии предложения, сформулированные в данной статье, будут поддержаны, то их реализацию можно считать актуальной.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что приведенная здесь аргументация не направлена на идеологическую поддержку разрушения традиционных подходов к сохранению ОКН. Подлинный ПДА должен быть сохранен всеми возможными методами реставрации. В данной статье речь идет об обосновании целесообразности и методах воссоздания утраченных ПДА в контексте охраны исторической среды.

Принимая во внимание особенности отечественной практики сохранения ОКН, следует констатировать, что категория объектов исторической среды может быть введена в практику по отношению к утраченным ПДА только при условии правового и материального обеспечения сохранности подлинных ПДА.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сокращенный вариант статьи, которая была написана в январе 2019 г. по результатам историко-культурного исследования, проведенного автором в целях разработки «Концепции сохранения объектов культурного наследия – памятников деревянной архитектуры на территории Санкт-Петербурга».
2. Ян Захватович (1900–1983) – польский архитектор и историк архитектуры, член Польской АН (1952) и Академии архитектуры в Париже (1967). Главный реставратор Варшавы после разрушения города фашистами во время Второй мировой войны.
3. Бараньский М. Послевоенное восстановление архитектурных памятников в оценке зарубежных экспертов // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб.: ИПК «Береста», 2014. С. 3.
4. ICOMOS Guidance on Post Trauma Recovery and Reconstruction for World Heritage Cultural Properties document. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icomos.org/en/focus/reconstruction/40988-icomos-guidance-on-post-trauma-recovery-and-reconstruction-for-world-heritage-cultural-properties-document-2>.
5. Per-Willy Faergestad. The old Telegraph station, rebuilt after a fire. Drobak // Practical guide Measures for heat loss prevention in historical buildings, using the experience of the Baltic and Scandinavian States. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vanharauma.fi/wp-content/uploads/sites/16/2018/06/PRACTICAL_GUIDE.pdf.
6. Лоунель Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. С. 409, 443, 450.
7. Лоунель Д. Ук. соч. С. 482–483.
8. Юкка Йокилето (Jukka Jokilehto) в 1966 г. получил степень магистра архитектуры и урбанистики в Политехническом университете Хельсинки, а в 1986-м – степень доктора философии в Университете Йорка. Преподавал историю и теорию консервации архитектурных памятников в университетах Йорка, Турина и Рима. На протяжении долгого времени проводил международные курсы при ICCROM по планированию и менеджменту в сфере архитектурного наследия. Карьеру в ИККРОМ начал в качестве ассистента курса о консервации всемирного архитектурного наследия в 1972 г. Позже занимал должность главы отдела по консервации архитектуры в ИККРОМ. До 1998 г. – ассистент генерального директора ИККРОМ, представитель ИККРОМ в комитете Всемирного наследия ЮНЕСКО и ИКОМОС. С 2006 г. занимает должность специального советника ИККРОМ, участвует в разработке проектов по реставрации и консервации всемирного наследия, член совета ЮНЕСКО по включению памятников архитектуры в список Всемирного наследия.
9. Юкка Йокилето. Общие рамки концепции подлинности. [Электронный ресурс]. URL: <http://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015>.
10. Бобров Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Эдсмит, 2004. С. 60.
11. Бобров Ю. Г. Ук. соч. С. 58–59, 63.
12. Бобров Ю. Г. Ук. соч. С. 54–55.
13. Ville fortifiée historique de Carcassonne. [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/fr/list/345/345>.
14. ГОСТ 31937-2011 Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200100941>.
15. Соколов В. А. Категории технического состояния строительных конструкций зданий при диагностике вероятностными методами. [Электронный ресурс]. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34305>.
16. Закон Санкт-Петербурга от 24.12.2008 № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга "О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга" (с изменениями на 26 июня 2014 года)». [Электронный ресурс]. URL: http://www.rescuearcho.ru/acts/Law_820-7.pdf.
17. Закон Санкт-Петербурга от 07.07.2016 № 437-83 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга "О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга "О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга"». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456008525>.

Объекты всемирного наследия в городском контексте: теория и практика сохранения и развития (опыт Москвы и Санкт-Петербурга)

Марушина Н. В., Филатова Н. В.

Аннотация

Статья представляет собой несколько взаимосвязанных отрывков – размышлений на тему существующих возможностей сохранения различных объектов наследия в городской среде. Отдельные небольшие разделы посвящены вопросам изучения городов, отличиям городского наследия от градостроительного, визуальной целостности городского ландшафта. Кратко характеризуя эволюцию интереса к урбанизированным территориям, авторы рассматривают общие особенности объектов всемирного наследия, расположенных в городском контексте, и их связь с существующим архитектурно-градостроительным окружением. В статье описываются используемые в отечественной и международной практике подходы к сохранению исторической городской среды, и в частности композиционных и визуальных связей объектов наследия с окружающей застройкой и ландшафтом, проводится сопоставление различных инструментов поддержания и развития устойчивых характеристик исторических городских территорий. На основе краткого описания особенностей городского ландшафта исторических центров Москвы и Санкт-Петербурга рассматриваются проблемы и возможные перспективы сохранения объектов всемирного наследия, расположенных на территории двух мегаполисов.

Ключевые слова:

городское наследие, градостроительное наследие, историческое поселение, исторический городской ландшафт, визуальная целостность, устойчивое развитие городов, Московский Кремль, исторический центр Санкт-Петербурга.

Исторический город: от изучения к сохранению и управлению

Города и особенности их организации издавна интересовали человека. Неслучайно на протяжении истории развития человеческого общества значительное внимание уделялось городской структуре – логически выстроенной или свободной, запланированной или стихийно возникшей – и отдельным ее наиболее характерным элементам. При этом одной из задач градостроительства было «строить не только удобные, но и красивые города», т. е. города, представляющие собой единое художественное целое, которое, по мнению специалистов, определялось наличием орга-

низованного плана, архитектурно выразительного силуэта и преобладанием в городском ансамбле центра. И, таким образом, центр, план и силуэт оказывались основными проблемами архитектурной композиции города¹. Несомненно, не менее важную роль в формировании городской территории играли особенности природного ландшафта, который осмысливался человеком и подвергался осознанному преобразованию.

Постепенно из простого места жизнедеятельности человека города превратились в объект исследования, а затем и в объект охраны. О систематическом изучении городов и поисках ответа на вопрос о ценности городской территории можно говорить начиная со второй половины XIX века²⁻⁵. На протяжении следующего столетия анализировались различные характеристики и составляющие исторического города, оценивалась их уязвимость вследствие воздействия природных и антропогенных факторов, обсуждались пути устойчивого развития городских территорий⁶⁻¹⁰. Это в итоге привело к разработке концепции исторического городского ландшафта, получившей закрепление в международных нормативных документах. Содержание понятия «городской ландшафт», введенного в международное правовое поле Рекомендацией ЮНЕСКО о сохранении красоты и характера местностей и пейзажей (1962), было расширено по итогам состоявшейся в Вене международной конференции «Всемирное наследие и современная архитектура – управление историческим городским ландшафтом» и принятия Венского меморандума (2005). С утверждением Рекомендации ЮНЕСКО об исторических городских ландшафтах (2011) положения Венского меморандума, ставшего отправной точкой в размышлениях о целостности городской территории, получили развитие, а исторический городской ландшафт начал пониматься как подход к управлению историческим городом и сохранению его особенностей.

Городское наследие versus градостроительное наследие

Сегодня наследие городов понимается достаточно широко и включает различные по масштабам и характеристикам объекты: от городских агломераций и исторических центров до отдельных памятников и ансамблей, включенных в городской контекст.

В международной практике такое наследие получило общее название *urban heritage*, однако в отечественной науке сосуществуют два термина – городское наследие и наследие градостроительное, конкретизирующие особенности таких объектов: памятник в городской среде или сама историко-градостроительная среда как памятник.

В этом смысле очень показательным оказывается пример двух крупнейших городов России – Москвы и Санкт-Петербурга, на территории которых расположены объекты, включенные в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. И если Московский Кремль и Красная площадь, Церковь Вознесения в Коломенском и Ансамбль Новодевичьего монастыря сегодня представляют собой ансамбли, расположенные в городской среде, то «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» – это огромный городской ландшафт, одна из ключевых ценностей которого заключается именно в целостности историко-градостроительной среды.

В связи с рассмотрением проблем и задач сохранения и развития городских территорий в России, представляется логичным остановиться на сравнении проблем охраны Московского Кремля и исторического центра Санкт-Петербурга как двух объектов, находящихся под защитой ЮНЕСКО и одновременно составляющих центры исторических городов, отличающиеся несомненной выразительностью силуэта.

Московский Кремль и исторический центр Санкт-Петербурга: объект и ландшафт

И Москва, и Санкт-Петербург сегодня – это динамичные, современные мегаполисы, обладающие значительным историко-культурным потенциалом и при этом часто испытывающие давление нового строительства.

Московский Кремль представляет собой ансамбль, в достаточной степени обособленный благодаря кольцу опоясывающих его укреплений и одновременно находящийся в самом центре сложившегося на протяжении многих веков и продолжающего развиваться городского ландшафта.

Исторический центр Санкт-Петербурга – ядро исторически сформировавшейся городской агломерации – отличается от многих других центров городов, включенных в Список ЮНЕСКО, необычными характеристиками природного ландшафта, наличием единой концепции развития, основы которой были заложены еще в момент рождения города, а также скоростью и единовременностью решения градостроительных задач в пределах значительной территории.

Несмотря на различия объектов, трансформация городской среды, связанная с изменением характера и масштаба застройки, является одним из самых активных факторов влияния на целостность в одном случае самого объекта, в другом – его непосредственного окружения и исторических композиционно-видовых связей.

И, таким образом, ни в том, ни в другом случае историко-градостроительная среда и ее качества не могут игнорироваться при принятии решений о включении новых объектов в сформировавшийся городской ландшафт. Это обусловлено тем, что сохранение ценных особенностей не только самого объекта всемирного наследия, но и его непосредственного, а также более широкого окружения является залогом сохранения и поддержания выдающейся универсальной ценности, которая определяется в том числе целостностью и подлинностью среды и объединяющих ее связей.

Визуальная целостность городского ландшафта

Особенности восприятия объекта и ценность охраняемых видов и панорам напрямую зависят от визуальной целостности городского ландшафта: неповрежденность среды становится основой для считывания человеком выразительного силуэта и в итоге образа города¹¹.

Именно поэтому одной из наиболее острых проблем сохранения историко-градостроительной среды (и как самостоятельного объекта наследия, и как непосредственного окружения памятника) является строительство новых объектов, значительно отличающихся по своим характеристикам от исторической застройки. Зачастую их появление в городских панорамах существенно влияет на особенности восприятия памятников и ансамблей, включенных в городскую среду. Несмотря на сильные ландшафтные различия, это удивительным образом справедливо и для Москвы, и для Санкт-Петербурга: реализация строительных проектов в конце XX – начале XXI века привела к появлению объектов, воздействие которых может быть оценено как визуальное загрязнение, что значительно снижает качество восприятия городского ландшафта.

С подобными проблемами на разных этапах столкнулись многие исторические города, и специалисты из разных уголков мира вынуждены были обратиться к поискам действенного механизма сохранения ценных визуальных связей, определяющих самобытность городской территории. Одним из таких механизмов стало создание системы визуальных коридоров, в пределах кото-

рых обеспечивается беспрепятственный обзор охраняемых объектов, и разработка ограничений, способных предотвратить утрату или искажение характерных видов и панорам с участием памятников.

Большой опыт, связанный с охраной визуальных связей городского ландшафта, накоплен в Лондоне: сформирована сильная методическая база, в частности, разработаны рекомендации по проведению ландшафтно-визуального анализа и организации системы визуальной охраны. Однако особенности развития города привели к тому, что сегодня охраняются только те видовые коридоры, которые еще не претерпели критического изменения в результате включения новых объектов, контрастирующих по отношению к исторической среде.

Несколько иным видится опыт Парижа: в результате осмысления градостроительной практики середины XX века районы современной застройки повышенной этажности сегодня вынесены за пределы территорий, визуально связанных с охраняемыми зонами исторических памятников.

Анализ процессов, происходящих в современной системе международной охраны наследия, показывает, что одним из важных и регулярно оцениваемых аспектов целостности объектов всемирного наследия в настоящее время является целостность визуальная, даже если речь идет не об охраняемом городском ландшафте, а о фрагменте урбанизированной территории, о группе памятников, расположенных в городской среде. Пример Ливерпуля, шесть зон в пределах исторического центра которого в 2004 г. были включены в Список всемирного наследия, способен проиллюстрировать значение архитектурно-градостроительного контекста, в котором существуют памятники, и последствия его разрушения за счет включения диссонирующих объектов. Активная застройка района ливерпульских доков привела вначале к переводу города мореходов и торговцев в Список всемирного наследия под угрозой, а на последней сессии Комитета всемирного наследия (Фучжоу, 2021) стала причиной признания безвозвратной утраты его выдающейся универсальной ценности.

Это позволяет говорить об особой актуальности обращения к вопросам визуальной целостности исторической городской среды в современной градостроительной и архитектурной деятельности, в том числе и в России, особенно когда речь идет о важности выполнения международных обязательств в отношении первых объектов, включенных страной в Список ЮНЕСКО.

Рельеф центральной части Санкт-Петербурга, лишенный значительных перепадов высот, диктует особые правила включения в структуру городского ландшафта новых объектов, существенно превышающих по высоте историческую застройку. Опыт строительства Лахта-центра является лучшим доказательством уязвимости городских панорам в случае появления новых доминант, не соответствующих масштабу исторического городского пространства.

Исторически обусловленное расположение ансамбля Кремля на возвышенной территории (на Боровицком холме) формирует особенности и условия восприятия объекта, при которых в задние планы панорам неизбежно включается высотная застройка, расположенная на периферии городской территории. Это также делает актуальным вопрос об определении коридоров видимости ансамбля Московского Кремля и Красной площади, в пределах которых должен быть введен запрет на появление новых объектов, в том числе расположенных на значительном расстоянии от исторического ядра Москвы.

Инструментарий сохранения и управления

Учитывая существование различий между городским и градостроительным наследием вполне правомерным оказывается вопрос о возможности использования одинаковых подходов к сохранению столь разных объектов.

Сегодня охрана городского и градостроительного наследия в России обеспечивается с помощью нескольких правовых инструментов: установления границ зон охраны, отнесения фрагментов городских территорий к достопримечательным местам либо придания им статуса исторического поселения. Каждый из этих инструментов, закрепленных федеральным законодательством, имеет свои особенности и область действия.

В отличие от объединенных зон охраны и достопримечательных мест, выполняющих в большей степени охранительную и ограничительную функции, исторические поселения предназначены для обеспечения устойчивого развития территории. При этом под устойчивым развитием понимается процесс экономических и социальных изменений, нацеленных на улучшение качества жизни людей и не подрывающих целостность и стабильность природной и культурной систем.

А акцент на таком развитии позволяет интерпретировать идею сохранения наследия в более широком контексте и уйти от исключительно запретительного подхода.

Проектная работа в отношении исторических поселений направлена на сохранение своеобразия населенных пунктов в процессе их развития, сохранение исторической среды в целом, не ограничиваясь охраной отдельных объектов культурного наследия.

Эти важные особенности исторического поселения дают возможность говорить о нем, как о наиболее прогрессивном и перспективном на сегодняшний день правовом инструменте сохранения и развития городских территорий.

В целом можно сказать, что отличие работы с форматом исторического поселения заключается в комплексности мероприятий, которые способствуют формированию и поддержанию целостного образа города, повышению занятости населения через создание благоприятных условий для развития сфер культуры и туризма и привлечение инвестиций, устойчивому развитию как насыщенных памятниками участков, так и территории всего поселения – «широкого контекста».

Это дает возможность сравнивать историческое поселение с уже упоминавшимся международным подходом, получившим название исторический городской ландшафт, или ИГЛ-подход. Несмотря на отдельные критические оценки подхода и его применимости в отношении продолжающих развиваться исторических городов, этот подход остается в настоящее время одним из основных в арсенале специалистов в области управления всемирным наследием городов.

Разработан он был специально для управления территориями исторических населенных пунктов, поскольку, по мнению Комитета всемирного наследия, формирование и реализация любой политики сохранения оказывается сложной задачей, когда речь идет об исторических городах, которые все еще обитаемы и которые по своей природе развивались и продолжают развиваться под влиянием социально-экономических и культурных изменений¹².

ИГЛ-подход подразумевает инклюзивное управление изменениями, происходящими в исторических городах, при котором наследие признается частью динамичного и постоянно меняющегося окружения. При этом такой контекст включает в себя как природные особенности объекта, так и его культурную среду – исторические и современные здания, общественные пространства и градостроительную структуру, социально-экономические процессы и нематериальные элементы наследия. Данная интеграция, в свою очередь, укрепляет местную идентичность и специфику – элементы, которые чаще всего подвергаются

различным угрозам и разрушению в результате глобализации процессов городского развития.

ИГЛ-подход основан на признании и выявлении различных уровней и аспектов ценностей, присущих любому городу: природных и культурных, материальных и нематериальных, международных и местных, а также их взаимосвязи. В соответствии с этим подходом такие ценности должны стать отправной точкой комплексного управления городом и развития его территории.

Сохранение городского ландшафта Москвы и Санкт-Петербурга

На сегодняшний момент в Москве и Санкт-Петербурге уже сделаны определенные шаги в направлении реализации принципов ИГЛ-подхода. Проведены комплексные исследования территории обоих городов, на основе которых разработаны базы данных, содержащие сведения как об объектах культурного наследия, так и о рядовой исторической застройке. В профессиональной среде, а также в среде представителей органов власти, занимающихся управлением городской территорией, сформировалось понимание необходимости более строгого контроля за происходящими изменениями.

В Москве это, в частности, нашло отражение в дискуссии относительно адекватности установленной буферной зоны, которая рядом специалистов признается недостаточно эффективной для защиты объекта всемирного наследия «Московский Кремль и Красная площадь» и его более широкого окружения, включая рядовую историческую застройку и визуальные аспекты целостности среды. Буферная зона объекта распространяется на значительные городские территории, часть которых в настоящее время не имеет композиционно-видовых, планировочных и функциональных связей с объектом. Однако при этом буферная зона не покрывается единой системой охранного зонирования и, таким образом, не обеспечена также и единой системой ограничений и не имеет нормативно утвержденного статуса.

Вместе с тем в системе всемирного наследия буферные зоны являются одним из ключевых инструментов сохранения объектов и поддержания связей с исторически сформировавшимся градостроительным и ландшафтным контекстом. Традиционно в пределах территории буферной зоны устанавливаются специальные законодательные ограничения по использованию земель и реализации новых проектов строительства, что создает дополнительный слой для эффективной защиты объекта.

В Санкт-Петербурге в отсутствие даже номинально установленных границ буферной зоны таким слоем охраны объекта всемирного наследия может отчасти считаться система охранного зонирования, утвержденная законом Санкт-Петербурга от 19.01.2009 № 820-7¹³. Защиту городского ядра обеспечивают объединенные зоны охраны, установленные в исторически сложившихся центральных районах.

Тем не менее наиболее эффективным инструментом поддержания визуальной целостности исторической городской среды сегодня следует признать историческое поселение, предмет охраны которого включает среди прочего композиционно-видовые связи (панорамы). Особенность этого элемента предмета охраны и, как следствие, преимущество исторического поселения в качестве инструмента градостроительной охраны заключается в возможности распространения ограничений, направленных на сохранение основных видовых раскрытий, визуальных направлений и связей, за границы территории поселения.

Показательным примером в этом смысле может стать уже упомянутый закон Санкт-Петербурга, которым предусмотрена охрана панорам и видов на глубину 10 км для общегородских доминант, являющихся опорными точками высотного каркаса исторического центра (к ним отнесены Петропавловский собор, Адмиралтейство, Исаакиевский, Смольный и Троицкий соборы), и 6 км для основных доминант, определяющих своеобразие отдельных участков городской территории. В реальности эти требования распространяются только в пределах зон охраны, именно поэтому утверждение границ и предмета охраны исторического поселения Санкт-Петербург, устанавливающего аналогичные требования к сохранению ценных панорам и видов, создало основу для поддержания ценности и целостности этих панорам и силуэта города в целом.

Существующие проблемы и возможные решения

Система охраны исторической среды Санкт-Петербурга имеет некоторые особенности, которые привели в настоящее время к взаимному дублированию ограничений, предусмотренных в границах зон охраны, и требований к охране территории исторического поселения. Еще до того, как практика работы с историческими поселениями в России обрела нынешний размах, в Санкт-Петербурге были не только законодательно установлены границы зон охраны, но и в качестве составляющих системы охраны среды были определены ценные элементы планировочной

и ландшафтно-композиционной структуры, по сути, составляющие предмет охраны исторического поселения. Однако то, что было передовым шагом на пути сохранения историко-градостроительной среды, сегодня создает определенные проблемы, не позволяя в полную силу использовать историческое поселение в качестве инструмента устойчивого развития центра Санкт-Петербурга. Одним из вариантов решения проблемы видится разграничение сфер регулирования двух инструментов, в частности, за счет отказа от установления зон охраны в границах исторического поселения.

Ситуация с Московским Кремлем, находящимся в самом центре исторического городского ландшафта, но оказывающимся в зоне влияния преобразований, которые осуществляются даже на значительном удалении от него, а также наличие на территории Москвы еще двух объектов всемирного наследия, включенных в городскую среду, позволяет также рассматривать историческое поселение в качестве потенциально действенного инструмента защиты культурного и градостроительного контекста как Московского Кремля и Красной площади, так и церкви Вознесения в Коломенском и ансамбля Новодевичьего монастыря. Существующий опыт, связанный с определением морфотипов исторической застройки Москвы^{14, 15}, и возможности разработки для территории исторического поселения типовых архитектурных решений, учитывающих средовые характеристики, могут создать основу для преемственного развития непосредственного окружения объектов всемирного наследия и поддержания визуальной целостности городского ландшафта.

Это позволит как сформировать комплексную систему защиты самих столь отличных друг от друга объектов всемирного наследия, так и – с опорой на существующий природный каркас – обеспечить сохранение главных составляющих архитектурной композиции обоих городов – центра, плана и выразительного, узнаваемого силуэта, делающих эти города не только удобными, но и красивыми.

В конечном итоге это может определить и то, повторит ли Москва путь Лондона, сохранив лишь отдельные знаковые объекты вне среды, а Петербург – судьбу Ливерпуля, недавно исключенного из Списка всемирного наследия вследствие утраты ценных характеристик городского ландшафта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бунин А. В., Ильин Л. А., Поляков Н. Х., Шквариков В. А. Градостроительство. Изд-во Академии архитектуры СССР. М., 1945. 327 с.
2. Зитте К. Художественные основы градостроительства / Пер. с нем. Я. Крастиньша. М.: Стройиздат, 1993. 255 с.
3. Geddes. P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/stream/citiesinevolutio00gedduoft/citiesinevolutio00gedduoft.djvu.txt>.
4. Fritz J. Deutsche Statanlagen. Beilage zum Programm 520 des Lyzeums. Strasburg, Heitz & Mundel. 1894.
5. Schlüter O. Bemerkungen zur Siedlungsgeographie. Geographische Zeitschrift, 5. 1899.
6. Giovannoni G. L'urbanisme face aux villes anciennes, Éditions du Seuil (1998). 354 p.
7. Conzen M.R.G. Alnwick, Northumberland: A Study in Town-Plan Analysis. Institute of British Geographers Publication, 27. London, George Philip. 1960.
8. Мюллер-Менкенс Г. Новая жизнь старых зданий: Непрерывность развития архитектуры / Пер. с нем. Д. Г. Копелянского. М.: Стройиздат, 1981. 247 с.: ил.
9. Rodwell D. Urban Conservation in the 1960s and 1970s: A European Overview. Architectural Heritage XXI (2010): 1–18. Edinburgh University Press. DOI: 10.3366/arch.2011.0002.
10. Bandarin F., Van Oers R.. Historic Urban Landscape: Managing Heritage in an Urban Century. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012.
11. Marushina N., Nazarova A., Pasechnik I. Historical cities as an object of protection: approaches to the preservation of urban planning heritage in Russia // E3S Web of Conferences. Volume 164, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016405012>.
12. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. 2019. <https://whc.unesco.org/en/guidelines/>.
13. Закон Санкт-Петербурга от 19.01.2009 № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» (ред. от 29.07.2020, вст. в силу 01.02.2021). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=175928-0&req=doc&rnd=E7D778C922F04FBC9645DC46A2F0A92F&base=SPB&n=230238&stat=srcfld%3D134%26src%3D1000000001%26fld%3D134%26code%3D65535%26page%3Dinfo%26p%3D0%26base%3DSPB%26doc%3D175928#gkshkkSUBQnzKKhN>.
14. Кожаева Л. Б. Морфотипы застройки – в теории и на практике // Архитектурный вестник. 2011. № 2 (119). С. 51-55.
15. Постановление Правительства Москвы от 11.10.2005 № 773-ПП «О внесении изменений в МГСН 1.01.99 «Нормы и правила проектирования планировки и застройки Москвы» на территориях морфотипов застройки». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/14393220/>.

АЛЬМАНАХ
ICOMOS

II

СОХРАНЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Серпуховская площадь в Москве. Архитектурно-планировочная история

Пирогов В. Ю.

Серпуховская (в советское время Добрынинская) площадь – один из значительных градообразующих узлов в системе центральных магистралей Москвы. Эта площадь самая южная на Садовом кольце и служит транспортным перекрестком для сходящихся в нее восьми улиц: Коровьего Вала, Житной, Большой Полянки, Большой Ордынки, Пятницкой, Валовой, Большой Серпуховской, Люсиновской (Малой Серпуховской).

Рис. 1. План Москвы А. Олеария с обозначением места Серпуховских ворот. 1630-е гг. Фрагмент.

В Средневековье эта местность была дальней окраиной города и самым уязвимым плацдармом с военной точки зрения. Сюда с юга, из степных просторов, устремлялись полчища ордынских и крымских захватчиков для грабежа русских земель и Москвы. Назовем некоторых из них: Тохтамыш (1382), Едигей (1408), Улуг-Мохаммед (1445), Мазовша (1451), Девлет-Гирей (1571).

Долгое время дорога в Серпухов и далее на юг проходила среди выгонных полей и слабо застроенных территорий. По мере роста столицы Московского государства и уменьшения военной опасности постепенно начинает плотно застраиваться замоскворецкая часть города. Кварталы слободской застройки к концу XVI века дошли до линии нынешнего Садового кольца. Но набеги крымцев и их угрозы захвата города тревожили правителей Москвы весь XVI век – «почему жители привыкли строить здесь дома часто и на скорую руку. Оттого местность называлась "Скородом", хотя Забелин относит это название ко времени царя Фёдора Ивановича, когда уже была построена вокруг всех посадов деревянная крепостная стена, и название производит от скорой её постройки»¹.

Чтобы обезопасить жителей от набегов в начале 1590-х гг. была возведена деревянная стена

со множеством башен на земляном валу вокруг всех московских посадов и называлась она Скородом. О ней дает представление гравированный план-чертеж Москвы 1610 г., так называемый Сигизмундов план.

Рис. 2. План Москвы А. Мейерберга с обозначением места Серпуховских ворот. 1661 г. Фрагмент.

Стена была четвертым кольцом обороны столицы после стен Кремля, Китай-города, Белого города и имела в длину по окружности 14 верст. Её деревянные стены имели 58 башен, из которых 12 были каменными, в том числе Серпуховские ворота на будущей Серпуховской площади. «Ворота эти имели в большинстве по два сквозных арочных проезда, дававших возможность удобного двухпоточного движения. Над проездами имелось по три амбразуры фронтального действия, очевидно для пушек. Этажом выше виднеются бойницы для стрельцов. На боковых стенах, конечно, имелись они для фланкирующего огня вдоль стен. Выпуск башен перед линией городских стен свидетельствует о весьма существенном значении фланговой обороны с точки зрения горододелцев того времени»².

Стены Скородома имели высоту до 4 сажень и толщину до 3 сажень, сверху были закрыты односкатной кровлей.

Деревянная крепость просуществовала двадцать лет, когда была сожжена польско-литовскими захватчиками в Смутное время в 1611 г. Понимая, что не справятся с оборонявшимися свой город москвичами, поляки «по совету бояр изменников подожгли город. С юга по Замоскворечью ударил полковник Струсь. Солдаты зажгли стены Земляного города, и огонь расчистил путь полякам»³.

После изгнания интервентов, «в первые же годы царствования Михаила Фёдоровича, вместо

сгоревшей стены Деревянного города, вокруг всех посадов, ввиду ожидавшихся набегов крымских татар, был насыпан земляной вал со рвом и на валу устроен «острог» – тын. Вал укреплялся в 1618 г., во время прихода к Москве Владислава, и значительно подсыпан в 1633–1640 гг. С этого времени старое название «Деревянный город» заменилось новым – «Земляной город», или «Земляной вал»⁴.

Рис. 3. План Москвы П. Горихвостова с обозначением места Серпуховской площади. 1768 г. Фрагмент.

Земляной город, сменивший Скородом, имел вертикальные стенки земляных валов, укрепленных вертикальным деревянным частоколом. Валы имели разрывы в местах проездов и протекания рек. Судя по плану А. Олеария (1634) и Мейерберга (1661), укрепления Земляного города по южному фасу обороны имели дополнительные многогранные земляные бастионы, в том числе и перед каменными Серпуховскими проезжими воротами.

Тогда Москва получила законченную пространственно-планировочную схему компоновки основных осей улиц, подмеченную исследователем градостроительства XVII века М. П. Кудрявцевым: «Условно симметрично относительно оси север – юг построение южного замоскворецкого участка Скородома: на оси стоят Серпуховские ворота, и на равных расстояниях от них – Калужские и Коломенские ворота. Южная дозорная ось отклоняется от направления север – юг на юго-восток, а Серпуховские ворота расположены точно на юг от колокольни Ивана Великого. В системе улиц выделяется главное направление»⁵ – Серпуховская дорога.

Укрепления Земляного города постепенно приходили в ветхость. Склоны его оплывали, ров засыпался, а деревянный тын полусгнил. К такому состоянию укреплений привела утрата необходимости в их оборонной надобности для государ-

ства. «Торговое значение Серпуховской дороги резко возросло в XVII в., когда южные земли вошли в состав Русского государства и ослабела опасность татарских набегов. По дороге везли зерно и гнали на Мытный двор в Китай-городе у Москворецкого моста гурты скота. У городских ворот (Серпуховская пл.) "прощупывали" возы, ища контрабанду»⁶.

К XVIII веку все московские крепостные сооружения, в том числе Земляной вал, оставались лишь памятниками старинной фортификации. Однако вал сохранил экономическое значение: «здесь взимали пошлины со всякого ввозимого в город груза <...> Поэтому в воротах были сделаны шлагбаумы, на реке Москве зимою рогатки, на проломах – палисады, дабы никому проехать было невозможно»⁷.

Во время правления Алексея Михайловича московскими властями стало уделяться внимание и благоустройству городских улиц. Они покрывались бревенчатыми настилами. Так, есть свидетельство, что «в 1650 году было назначено к замощению 128 сажень за Москворецким мостом – на Болоте и у Серпуховских ворот»⁸.

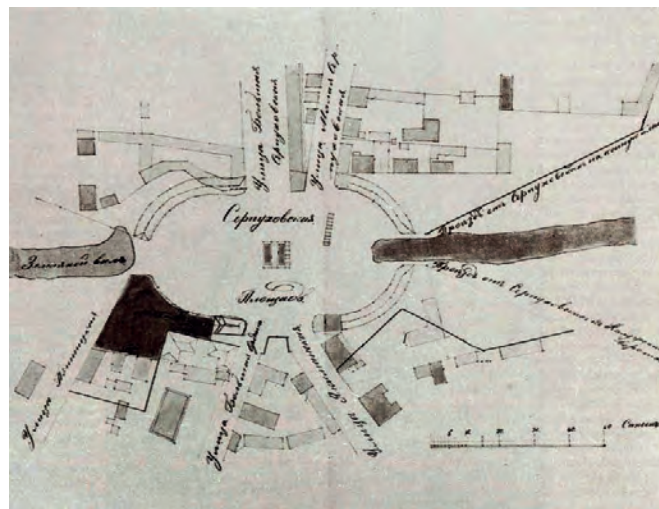

Рис. 4. План Серпуховской площади. Чертеж 1802 г. Копия с архивного чертежа конца XIX в. без обозначения нумерации зданий. В центре проектируемой овальной площади – башня каменных Серпуховских ворот. Улица Большая Полянка ошибочно обозначена Якиманской.

В первой половине XVIII века Московский сенат специальным постановлением разрешил торговлю на площадях по линии Земляного города крестьянам из окрестных деревень. На Серпуховской площади официально был организован торг вокруг каменной воротной башни. «Это постановление узаконило бывшее до 1722 г. фактическое положение, когда у ворот Земляного города останавливались крестьянские возы с сеном, дровами, углем и другими деревенскими товара-

ми, чтобы не платить в воротах таможенной пошлины. Теперь крестьян обязывали здесь располагаться со своими возами. Вероятно, к этому времени надо относить узаконение <...> привозных рынков на современных <...> Зацепе, Добрынинской, Октябрьской, Крымской и Зубовской площадях»⁹.

Ко времени правления Екатерины II Серпуховская площадь во многом сохраняла свои пространственно-архитектурные характеристики, сложившиеся в XVII веке. Это точка схождения многочисленных улиц Замоскворечья в единый узел, оплывшие остатки Земляного вала, стоящие в центре Серпуховские ворота, обстроенные торговыми шалашами и хаотичная деревянная застройка периметра площади. Такая ситуация была во многом характерна для всех градообразующих точек города.

Что касается Серпуховских ворот, то они значатся в ведомости строений на месте стены Белого и Земляного города, составленной П. Д. Еропкиным в 1790 г. Здесь ворота упоминаются как триумфальные. «13 дистанция – от Калужской улицы до Серпуховских триумфальных ворот. Название последних триумфальными встречается нам здесь впервые. Через Серпуховские ворота совершал триумфальное шествие Пётр I в 1696 г. после Азовского похода; но за сто лет память об этом вряд ли могла удержаться за воротами. Они приготавливались в 1775 г. для входа в Москву гр. Румянцева <...> отклонившего это предложение»¹⁰.

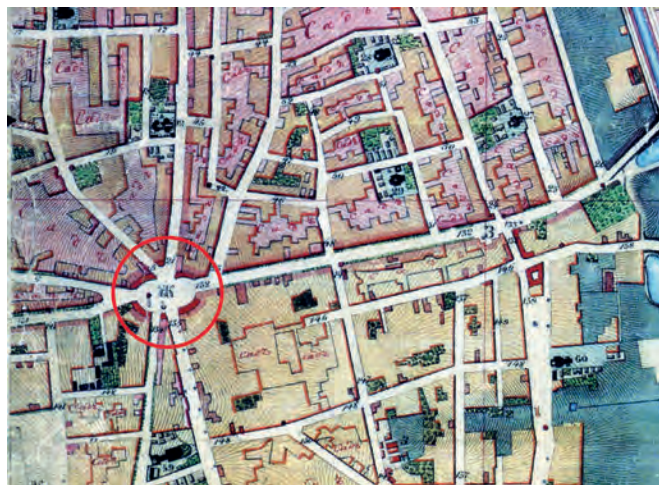

Рис. 5. План инструментальной топографической съемки города Москвы и ее окрестностей с обозначением Серпуховской площади. 1838 г. Фрагмент.

Воротная башня XVII века уже сильно обветшала, своды у нее были разобраны, и вся постройка уже воспринималась памятником ушедшей эпохи. Хотя в 1780-х гг. предполагалась реставрация ворот и приспособление под новые нужды. «Для устройства Серпуховской и Калужской площадей

надо было снести остатки каменных ворот, которые еще там находились. О Земляном городе вообще писалось так: «В оный был въезд через 34 ворота деревянные и двоя каменные: Серпуховские и Калужския, прочия и деревянный острог в некоторых местах сгорели, а в других местах от ветхости совсем разрушились, так что теперь тому и признаков не осталось»¹¹.

Рис. 6. План Москвы А. Хотева с обозначением Серпуховской площади. Середина XIX в. Фрагмент.

В начале XIX века это старое фортификационное сооружение было снесено. На плане площади 1806 года этой башни уже не существует.

На инструментальных планах Москвы, зафиксировавших планировку города XVIII века, – И. Мичурин (1739) и П. Горихвостова (1760-е) мы видим сформировавшийся в Средневековье планировочный каркас второй столицы с правительственно-сакральным центром, радиальными улицами и кольцами по линиям сохранявшихся тогда еще фортификационных сооружений.

Рис. 7. Конка на Серпуховской площади. На заднем плане начало улицы Большая Ордынка и водонапорная башня. Фото конца XIX в.

Район окружности Земляного города естественным образом входил в эту устоявшуюся планировочную схему. Серпуховская площадь с остатками земляных валов и бастиона была такой же, как и похожие на нее площади на трассе будущего Садового кольца.

Мысли об упорядочивании во многом стихийной застройки Москвы получили свое документальное воплощение во время правления Екатерины II. Тогда был принят властями города «высочайше подтвержденный» «Прожектированный план Москвы» 1775 г. «Этот план был составлен особым Департаментом Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, специально образованным для перепланировки древней столицы; во главе его стоял П. Н. Кожин, архитектурной частью руководил Н. Легран. Этот документ оказал значительное влияние на дальнейшее развитие города и <...> являлся первым обширным проектом перестройки Москвы»¹².

Рис. 8. Часовня иконы «Нечаянная радость» на Серпуховской площади постройки середины XIX в. Фото XIX в.

Земляной город – территорию между проектируемыми Бульварным и Садовыми кольцами – административно приписали к предместью, а территории до Камер-Коллежского Вала получили статус примыкающих к предместью – промышленно-выгонных земель. Следовательно, Серпуховская площадь, как и другие подобные узловые точки Земляного города, стала пограничной территорией между землями разного статуса.

По промежуточному проекту «регулирования» 1786 г. площадь должна была стать прямоугольной, длиной 170 м, однако впоследствии она получила округлый абрис, как и соседняя с ней Калужская площадь.

В конце XVIII века площади на трассе формируемого Садового кольца стали приобретать законченные геометрические композиции. В 1799 г. генерал-губернатором Москвы И. П. Салтыковым была утверждена планировка Серпуховской площади в виде овального контура, образованного торговыми зданиями.

Формирование застройки этого важного городского пространства производилось постепенно. Не все частные застройщики торопились реализовывать постановление властей. Препятствовали этому и сохраняющиеся по линии бывших укреплений остатки земляных валов.

Фиксационный чертеж 1802 г. четко показывает сложившуюся градостроительную ситуацию. В это время из четырех полукруглых корпусов, призванных сформировать овальный план площади, возведено только небольшое здание на углу Большой Полянки.

На рубеже XVIII–XIX веков среди владельцев окружавших площадь кварталов со стороны Замоскворечья преобладало дворянское сословие. Участки, примыкавшие к площади, принадлежали купцам и мещанам.

Рис. 9. Серпуховская площадь. Вид в сторону Вальной ул. Фото 1920-х гг.

В первой половине XIX века овальный абрис плана этого городского пространства начинает активно формироваться. Старые, хаотично расположенные постройки и существовавший здесь питейный дом разбираются. «Хозяевам участков, расположенных на границах площади, предписывалось строить новые, криволинейные в плане здания, определяющие ее форму. В корпусах размещались как жилые, так и торговые помещения. Первые этажи зданий, выполненные в классическом стиле, были акцентированы аркадами. Одновременно прокладывается трасса Житной улицы <...> Уточняются красные линии примыкающих улиц и переулков»¹³.

Пожар 1812 г. уничтожил большую часть домов Москвы, в том числе и район Серпуховской площади. Для скорейшего воссоздания города в 1813 г. создана Комиссия для строения города Москвы под началом архитектора О. И. Бове. Но фактически реальной городской планировкой и восстановлением сгоревших кварталов руководил приглашенный из-за рубежа опытный архитектор-градостроитель В. И. Гесте. В том же 1813 г. его план реконструкции был высочайше одобрен императором Александром I.

Рис. 10. Разборка часовни во имя иконы Нечаянная радость постройки начала 1880-х гг. на Серпуховской пл. Фото конца 1920-х гг.

«На пересечении основных радиальных улиц с границей Белого и Земляного города, а также у застав Камер-Коллежского вала В. И. Гесте были задуманы многочисленные площади, как правило, геометрически правильных очертаний. Таким образом, им был намечен целый ряд новых классических ансамблей в Москве, осуществление которых, безусловно, во многом преобразило бы древний город в соответствии с новой эстетикой»¹⁴.

Сохранение за Серпуховской площадью овального очертания не противоречило предложениям нового плана, который предусматривал создание цельного образа города, которому способствова-

ли «архитектурно-планировочные ограничения. Их применение в Москве придавало даже ее самой дальней окраине некий особый статус, отличающий ее от пригородных окрестностей, где этим правилам не следовали»¹⁵.

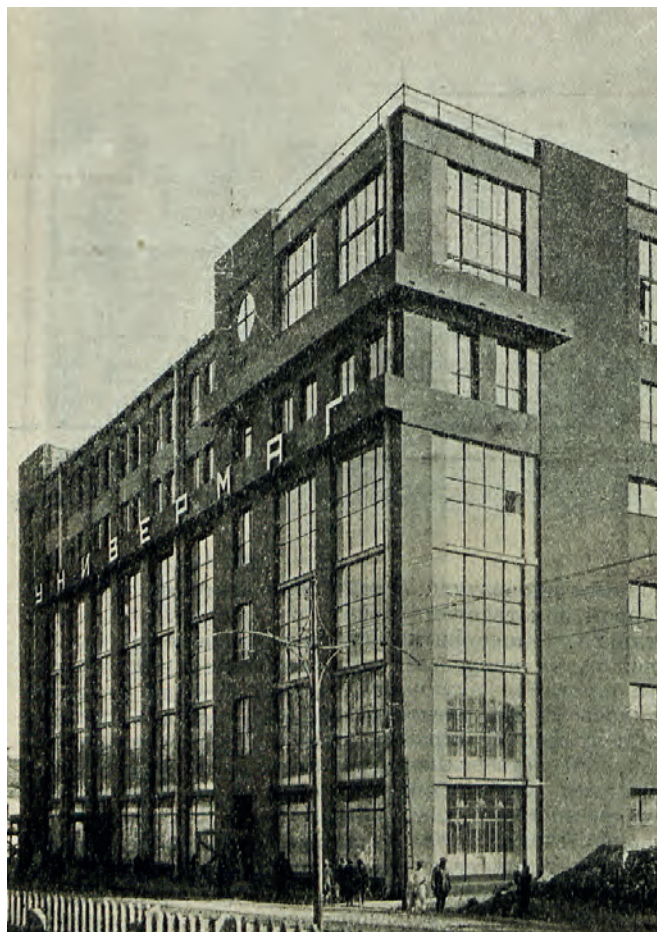

Рис. 11. Здание построенного крыла «Московско-Ленинского» универмага. Вид с ул. Коровий Вал. Фото конца 1920-х гг.

План Гесте и последующий за ним «проектированный план столичного города Москвы» 1817 г. были значительно дополнены планом 1826 г. Комиссии для строений который «показывает кристаллизацию основных градостроительных идей, выработанных на протяжении послевоенных лет. Четко выделены на нем Бульварное и Садовое кольца. На пересечении крупнейших радиусов с Садовым кольцом помечены регулярные или урегулированные площади, <...> особенностью которых после благоустройства стали выходящие на них палисадники перед фасадами домов, расположенных вдоль Садового кольца»¹⁶.

К середине XIX века овальная в плане Серпуховская площадь окончательно оформилась. Ее облик определяли двухэтажные торгово-жилые каменные корпуса.

В месте схождения на площадь трасс Большой и Малой Серпуховских улиц, у торцевого фасада

треугольного квартала была построена часовня Ферапонтова Лужецкого монастыря «Нечаянная радость». Ранее она принадлежала Николо-Перервинской обители. Впервые часовня упоминается в 1722 г. В 1825-м отстроена в камне, в 1859-м перестроена, а в 1884 г. снесена и возведена заново в неорусском стиле. «По воспоминаниям старожилов, в часовню вела лестница, а вокруг шла галерейка, на перила которой богомольцы вешали приносимые в дар полотенца или куски холста. Внутри часовни пользовалась славой чудотворения икона Божией Матери "Нечаянная радость"»⁷.

Рис. 12. Информационно-агитационный стенд на фоне застройки Добрынинской площади и здания универмага. Фото нач. 1930-х гг.

Напротив выхода на площадь улицы Большая Полянка была построена массивная и приземистая водонапорная башня, присутствующая на многих фотографиях этого места конца XIX – начала XX века.

В конце XIX века по Серпуховской площади проложены трамвайные маршруты конки. Рельсовые пути вели вдоль Садового кольца, с Большой Полянки, Большой Серпуховской и Пятницкой улиц. С 1907 г. конная тяга трамваев стала меняться на электрическую.

В 1913 г. в центре площади разбит сквер круглой формы с фонтаном, а водонапорная башня снесена.

Над невысокой застройкой Серпуховской площади в предреволюционный период возвышалось единственное многоэтажное здание, сохранившееся до наших дней на участке по улице Большая Полянка, д. 60/2. Это владение в 1904 г. приобрел дворянин и коммерсант А. Н. Крокос. Здесь, около оживленного перекрестка, находились магазины и склады известных московских фирм. Тогда же Крокос задумал построить на своем

участке крупный доходный дом. Для его реализации он пригласил опытного строителя подобного типа домов архитектора О. Г. Пиотровича. «В 1913 г. проект, созданный Пиотровичем, был согласован с Московской городской управой, однако через год разразилась Первая мировая война, и начинание <...> пришлось отложить. Финансовое положение купца пошатнулось, и он продал владение потомственному почетному гражданину Николаю Алексеевичу Терентьеву. <...> В 1914 г. проект Пиотровича доработал инженер путей сообщения Александр Васильевич Квартиров, и шестиэтажное здание наконец появилось на Большой Полянке»¹⁸.

Рис. 14. Празднично-агитационное оформление зданий на углу Добрынинской площади и улицы Большой Полянки. Фото нач. 1930-х гг.

Мрачный облик нового доходного дома оживляли только вертикали эркеров и скупая неоклассическая декорация уличного фасада. Его южный кирпичный глухой брандмауэр, примыкающий к двухэтажному дому, выходящему на площадь, господствует в видовых панорамах. Брандмауэрная плоскость впоследствии активно использовалась для разного рода рекламы и лозунгов.

К октябрьскому перевороту 1917 г. вокруг площади сформировалась плотная каменная застройка с некоторым вкраплением деревянных домов в глубине участков. Это был крупный транспортно-пешеходный узел южного отрезка Садового кольца, где пересекались важные магистрали города, соединяющие локальные направления – с севера на юг и с востока на запад.

В советское время площадь стала постепенно видоизменяться в русле градостроительных новаций, проводимых в городе новыми большевистскими властями.

В 1923 г. закрыли монастырскую часовню, а в конце 1920-х она была разобрана.

Волна революционных переименований коснулась и Серпуховской площади. В 1918 г. ее назвали в честь немецкого социал-демократа Карла Либкнехта, и она носила его имя до 1922 г. В тот год площадь получила очередное название – Добрынинская, в память Петра Добрынина, большевика, погибшего в революционных боях 1917 г. в районе Остоженки. Такое название сохранялось до 1994 г., когда ей было возвращено изначальное наименование.

«С площадью связан ряд событий революционной истории Москвы. 7 сентября 1905 г. рабочие типографии И. Д. Сытина <...> провели тут большой митинг, во время которого произошла стычка с казаками. 9 декабря 1905 г. здесь произошло столкновение с царскими войсками рабочих фабрики Цинделя <...>. В 1917 г., в дни апрельского кризиса, на площади происходили демонстрации рабочих и солдат 55-го пехотного полка»¹⁹.

Рис. 15. Карта-схема Москвы Генплана 1935 г. с обозначением планируемых магистралей и Добрынинской площади. Фрагмент.

В 1931 г. площадь лишилась круглого сквера, ликвидированного в целях оптимизации транспортных потоков, а к концу 1930-х гг. Садовое кольцо и площади на нем были полностью залиты асфальтом.

Москва после революции развивалась по двум параллельно разрабатываемым планам реконструкции и развития – плану «Новая Москва» и «Большая Москва». Оба они в той или иной степени учитывали историческую подоснову города, но с решительной переделкой основных трасс столицы. Так, по плану «Большая Москва» Садовое кольцо – кольцо «Б» получало значительную ширину до 120 м.

В русле этих реконструктивных мероприятий Добрынинскую площадь планировали расширить

более чем в три раза и обстроить внушительными по масштабу жилыми и общественными зданиями.

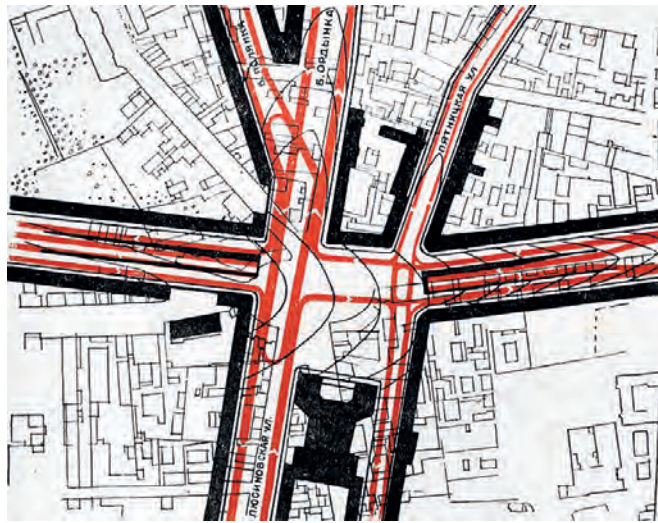

Рис. 16. Схема планировочно-транспортного решения Добрынинской площади. 1937 г. (По материалам С. Б. Ткаченко.)

Одной из первых построек на этом месте должен был стать универсальный магазин в конструктивистском стиле Управления торговли Моссовнархоза, предполагаемый к возведению на углу Люсиновской улицы и Коровьего Вала. «Здание универмага двумя симметричными крыльями охватывает угол одной из главных площадей Садового кольца. <...> Несомненно, новое пространство Серпуховской площади отвечало роли важнейшего транспортного узла по оси север – юг, надвое по центру делящей Москву, что будет закреплено в генеральном плане 1935 г. Высотная угловая секция универмага должна была стать одной из доминант нового облика площади»²⁰. Новый «дворец торговли» был один из девяти построенных по программе Мосторга, которые располагались на пересечении больших радиальных магистралей с кольцевыми трассами.

Рис. 17. Вид на Добрынинскую площадь со здания универмага. Фото конца 1930-х гг.

Универмаг на Добрынинской был возведен по проекту архитектора К. Н. Яковлева в 1928–1929 гг., но частично. Это было правое крыло здания по улице Коровий Вал. К сожалению, в начале 2000-х гг. некогда чистые конструк-

тивистские формы были нарушены неуместными металлическими фасадными панелями, грубо искажившими подлинную архитектуру 1920-х гг.

Первоначально универмаг назывался «Красное Замоскворечье», затем – «Московско-Ленинский», а чуть позже назван «Добрынинским». Он до сих пор служит важным архитектурным акцентом площади.

Очередной этап модернизации бывшей Серпуховской площади наступил после принятия нового плана реконструкции города.

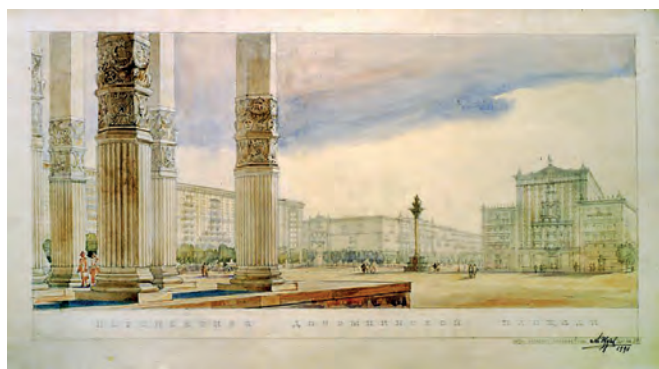

Рис. 18. Перспектива Добрынинской площади.
Проект академика архитектуры А. В. Щусева. 1940 г.
(По материалам С. Б. Ткаченко.)

«Генеральный план реконструкции Москвы был утвержден СНК СССР и ЦК ВКП (б) 10 июля 1935 г. Тем самым были подведены итоги долгим дискуссиям. Город получил наконец детально разработанный регулирующий документ – основу для решения любых конкретных проблем строительства. <...> Признание ценности и жизнеспособности радиально-кольцевой структуры плана города было краеугольным камнем работы над генпланом»²¹.

«Если в начале 1930-х гг. основной пафос этого проекта заключался в том, что он «охватывал абсолютно все стороны городской жизни», то к середине 1930-х гг. на первый план все более выступали проблемы создания целостного художественного образа города на основе единого ансамбля»²². В свете новых планировочных установок изменялся и южный отрезок Садового кольца.

Согласно новому генплану, Добрынинская площадь должна была стать составной частью грандиозного Третьего диаметра север – юг, проектируемого от Останкино до Серпуховского шоссе, и значительно расширяться. Фактически она должна была стать парадным въездом в центр города с юга.

В начале 1930-х гг. еще до утверждения Генплана Москвы по предложению первого секретаря МГК ВКП (б) Л. М. Кагановича в столице введено понятие «магистральный архитектор». Он должен был взять под свое проектное начало какую-либо основную магистраль и прилегающие к ней кварталы и быть ответственным за порученный ему участок города.

Рис. 19. Проект реконструкции Добрынинской площади.
Макет. 1952 г. «Моспроект», Мастерская № 5.
Руководитель архитектор Г. А. Захаров.
(По материалам С. Б. Ткаченко.)

«К 1940 г. проект застройки Садового кольца по всей его длине разрабатывался пятью магистральными архитекторами. <...> А. В. Щусев составлял проект реконструкции южной части магистрали <...> от Крымского до Краснохолмского моста. <...> Центральной площадью южного отрезка Садового кольца становилась Добрынинская (Серпуховская) площадь. Для площади первоначально был принят восьмиугольный вариант с минимальным сносом, что не вполне соответствовало ее парадной роли главной площади южной части Садового кольца, месту пересечения с диаметром Останкино – Серпуховское шоссе. В проекте А. В. Щусева площадь получила прямоугольные очертания, на ней намечалось строительство здания театра

с коринфским периптером и сквером перед ним. Портик здания театра формировался гранеными колоннами в стиле раннего Возрождения XV века, решенным по аналогии с ордером внутреннего двора флорентийского палаццо Веккио»²³.

Рис. 20. Застройки юго-западной части Добрынинской площади перед сносом. Фото конца 1950-х гг.

Новые планировочные решения требовали значительных сносов старой застройки, в том числе существующего крыла универмага. Но сталинская реконструкция допускала такие решения. Массированная переделка исторической структуры Москвы в конце 1930-х гг. шла полным ходом.

Великая Отечественная война несколько приостановила развитие амбициозных планов реконструкции исторического центра, и проекты создания обновленной Добрынинской площади были отложены.

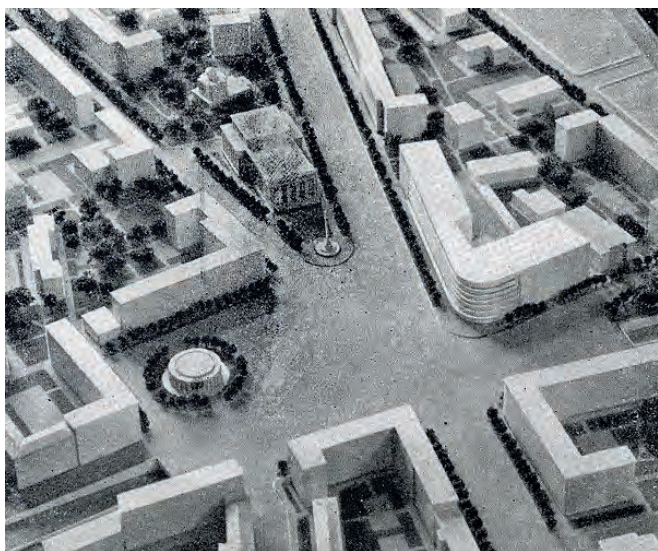

Рис. 21. Фото с макета застройки Добрынинской площади по проекту главного архитектора Москворецкого района З. М. Розенфельдта. 1955–1957 гг.

В послевоенное время был принят новый план развития и застройки города. «Генеральный план

на 1951–1960 гг., утвержденный правительством в феврале 1952 г., в основе своей ориентировался на представительную, «победную» архитектуру. Страна, несмотря на имевшиеся еще нехватки, жила славой великой Победы. Памятниками Победы были и строившиеся станции метрополитена, и высотные здания, создававшие новую систему доминант, в чем-то замещающих в градостроительном смысле утраченные или заслоненные новостройками церковные купола и шпили, столь характерные для Москвы»²⁴.

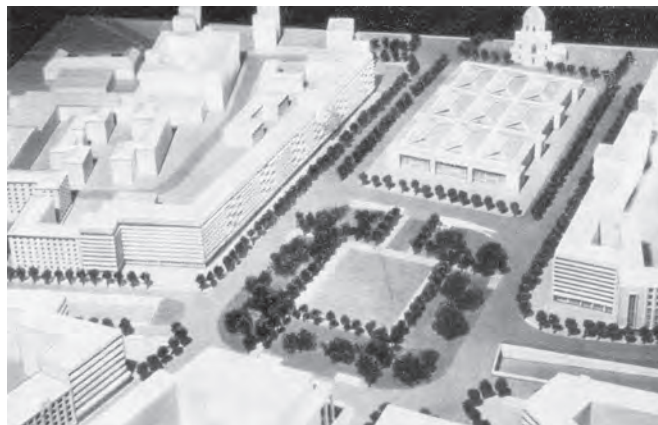

Рис. 22. Фото с макета застройки Добрынинской площади по проекту руководителя Мастерской № 10 «Моспроекта-1» архитектора Я. Б. Белопольского. Середина 1970-х гг.

Тогда же в 1951 г. архитектурно-проектные мастерские Моспроекта были закреплены за отдельными районами и часть Садового кольца от Парка культуры до Краснохолмского моста поделена на три зоны ответственности разных исполнителей. «Планировка Добрынинской площади велась в мастерской № 5 Моспроекта под руководством магистрального архитектора Г. А. Захарова. Проект овальной площади в 12 га, в 7,5 раза превышавшей существовавшую, с высотным зданием и обелиском посередине – реминисценция плана 1798 г. <...> Проект был одобрен архитектурно-строительным советом под председательством А. В. Власова на заседании в июле 1952 г.: «Добрынинская площадь, конфигурация площади, ее размеры и постановка высотного здания, обращенного своим основным фасадом по направлению к центру города, – возражений не встречает»²⁵.

Реконструкцию площади начали со сноса дугообразного здания в юго-западной части у Коровьего Вала. Дом с лавками формировал классический овальный абрис площади. Тогда же начала формироваться новая красная линия южного транспортного луча по Люсиновской улице в свете решений еще плана реконструкции 1935 г.

Первой ласточкой новой красной линии стала постройка павильона входа в метро «Серпухов-

ская» (ныне – «Добрынинская»). Станция открылась 1 января 1950 г. в составе первого участка Кольцевой линии от «Курской» до «Парка культуры». Эту станцию спроектировал коллектив авторов в составе архитекторов М. А. Зеленина, М. А. Ильина и Л. Н. Павлова. «В таком содружестве они создали станцию, совмещавшую современные конструктивные методы в построении наземного вестибюля, лишённого промежуточных опор, с историзмом внешних форм павильона и подземных залов. При входе в вестибюль неожиданным оказывается нерасчлененность на отдельные залы его обширного внутреннего пространства»²⁶.

Наземный павильон «Серпуховская» одновременно напоминает и парадные лоджии итальянского Возрождения, и триумфальные арки. Триумфальная тема глубоко органична в архитектуре победившей фашизм страны. Интерьер станции украшен огромными люстрами с красными звездами, высокими каменными торшерами светильников, мозаичными панно с гербами союзных республик СССР и ликующими советскими гражданами, идущими парадным шествием.

До начала 1960-х гг. пассажиров станции встречала гипсовая скульптура И. В. Сталина на трибуне и его портрет на одной из мозаичных композиций. После XX съезда КПСС все изображения с «вождем народов» были убраны или переделаны. Да и сама станция, открывшаяся как «Серпуховская», в 1961 г. была названа по тогдашнему названию площади – «Добрынинская». В 1967 г. перед входом в метро поставлен гранитный бюст П. Г. Добрынина работы скульптора Г. Д. Распопова.

Рис. 23. «Проект детальной планировки центральной части Москвы в пределах Садового кольца» с обозначением Добрынинской площади. Моспроект-2. Конец 1980-х гг. Фрагмент.

Двухарочный монументальный фасад станции метро хорошо просматривался с площади и задавал новый масштаб будущей застройке района.

Не всем архитектурным критикам нравилась эта станция. «На момент открытия "Серпуховская" являлась отрицательным примером оформления "сталинского метро". Критиковались порталы: якобы многократное повторение арки зрительно сокращает ее размер, что делает ее немасштабной человеку. Пассажир ощущает себя внутри макета, больше окружающих размеров»²⁷.

Рис. 24. Старый лозунг и новая реклама на Серпуховской площади. Фото автора. 1997 г.

По прошествии многих лет схлынули волны субъективных суждений, прошел запал борьбы с архитектурными излишествами, а прекрасный памятник своей эпохи и поныне украшает Серпуховскую площадь.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. началась транспортная реконструкция Добрынинской площади. Большая Серпуховская улица, выходящая на площадь в направлении Большой Ордынки, была перенаправлена в створ Пятницкой улицы. Ради этого сломали часть квартала со старой застройкой, на месте которой устроен ныне существующий треугольный сквер.

В связи с произведенными сносами на углу вновь образованного пространства расширенной площади, ставшей не овальной, а более прямоугольной, открылись дореволюционные производ-

ственные постройки хлебозавода № 1 (Валовая улица, 35). Эти довольно безликие здания невольно заменили собой снесенный дугообразный дом начала XIX века, формировавший юго-восточный фасад площади.

Также разобрана постройка с вогнутым фасадом, которая примыкала к южному брандмауэру дома Крокоса-Терентьева.

Рис. 25. Вид на Серпуховскую площадь с высоты птичьего полета. Фото автора. 2005 г.

Добрынинская площадь в мыслях советских градостроителей всегда виделась как обширное пространство, сформированное крупномасштабной «столичной» застройкой. Подобное планировочное решение в проекте 1955 г. предлагал главный архитектор Москворецкого района З. М. Розенфельд. Он объединял в монолитный г-образный блок здание универмага и станцию метро, создавал обширный рекреационный карман в сторону Валовой, а Большие Ордынку и Полянку сливал в единый широкий выход на площадь. Но этот проект, как и все предыдущие, остался на бумаге.

К концу 1950-х гг. на первый план градостроительных концепций развития вышли более утилитарные вопросы, во многом оттеснив на второй план эстетическую составляющую архитектуры. В 1955 г. выходит известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «об устранении излишеств в проектировании и строительстве». В нем говорилось, «чтобы избежать излишеств и кустарщины, наши архитекторы и инженеры должны стать проводниками всего нового, прогрессивного в проектировании и строительстве. <...> Советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений»²⁸.

Во главу угла городского планирования ставится дорожно-транспортный вопрос. Он выходит на первый план в локальной схеме развития Садового кольца. В монографии о застройке

Москвы, выпущенной к V конгрессу Международного союза архитекторов, говорится: «Садовое кольцо в настоящее время – важнейшая магистраль столицы. Здесь распределяются транспортные потоки, поступающие с основных радиальных направлений, а также пропускаются пассажирские и грузовые транспортные потоки местного значения. <...> Из 23 перекрестков Садового кольца 18 имеют транспортное значение. Среди них выделяются площади: Маяковского, Октябрьская. Смоленская, Добрынинская»²⁹.

Рис. 26. Фрагмент фасада здания Хлебозавода № 1 на Валовой ул., 37. Фото автора. 2008 г.

В довершение всех градостроительных пертурбаций в рамках транспортной реконструкции Садового кольца в 1965–1967 гг. под площадью был проложен широкий тоннель с разветвленной сетью подземных пешеходных переходов, что превратило площадь в банальную двухуровневую пыльную транспортную развязку. Многочисленные сносы и подземные трассы окончательно уничтожили оригинальную овальную, почти камерную планировку площади конца XVIII – начала XIX века. На смену ей пришло вытянутое вдоль Садового кольца аморфное пространство, зрительно закрепленное сохранившейся старой застройкой по северной и южной границе.

Единственный дом с вогнутым фасадом сохранился по адресу: Серпуховская площадь, 36/71, с. 1, между улицами Большой Ордынкой и Пятницкой.

Это здание, приспособленное сегодня под нужды Малого театра, в реестре объектов культурного наследия значится как «Ансамбль застройки Серпуховской площади (фрагмент). – Доходный дом с лавками, 1856 г., 1889 г., 1897 г., 1904 г., арх. В. Гамбурцев. – Доходный дом с лавками, 1800–1810-е гг., 1827 г., 1883 г., арх. С. Тропаревский»³⁰.

Любопытна история монументальной барельефной композиции на брандмауэре дома Крокоса-Терентьева под названием «Мы строим коммунизм». Она играет активную визуальную роль в пространстве площади и видна с далеких перспектив Люсиновской и Большой Серпуховской улиц.

В конце 1960-х гг. городские власти решили украсить прогрессивным панно с изображением рабочего, колхозницы и инженера пустующий торец дома. Барельеф на площади – это фрагмент монументального скульптурно-мозаичного панно из цемента и майолики «Энергия – миру, труду, прогрессу», созданного в 1960 г. на стене Волжской ГЭС под Волгоградом местными художниками. После похвальных слов Н. С. Хрущёва по поводу этого произведения на открытии ГЭС через несколько лет «три фигуры из волжской композиции перекочевали на стену доходного дома Терентьева. <...> Пышта, один из создателей панно возле ГЭС, считал, что московская реплика является признанием качества работы, которую проделал он и его коллеги: «В то время заметная пафосность не считалась зазорной. Мы, видимо, угадали дух времени, не случайно три моих фигуры позже были повторены на торце одного из зданий Москвы»³¹.

Рис. 27. Вид на здания Хлебозавода № 1 от Зацепского тупика в сторону Серпуховской площади. Фото автора. 2008 г.

С 1990-х гг. доходный дом с панно, формирующий силуэтный контур площади, находится под угрозой реновации. Но при всех условиях композиция «Мы строим коммунизм», ставшая неотъемлемым символом места, должна быть сохранена. (Несмотря на то что коммунизм мы уже не строим.)

В конце 1960-х гг. был подготовлен новый «Генеральный план, одобренный ЦК КПСС и Советом Министров СССР в 1971 г. Как известно, еще в плане 1935 г. была заложена широкая програм-

ма градостроительных преобразований, во многих случаях предусматривающая, что новые магистрали, пересекая город, потребуют сноса многих памятников архитектуры. <...> В новый план внесены значительные изменения в трассировку магистралей, позволяющие максимально избежать ликвидации ценных зданий и территорий. Большую роль играет в этом отношении создание полицентрической системы планировки Москвы, чего не было ранее».³² В этой цитате М. В. Посохин, главный архитектор Москвы в 1960–1980-м гг., на словах признает уникальность старой застройки города. Но на деле проектировщики того времени не слишком-то считались с дореволюционными зданиями, безжалостно снося их, если того требовали градостроительные задачи.

Подобный неизжитый радикализм в решении транспортно-планировочных проблем виден и в новом проекте реконструкции Добрынинской площади середины 1970-х гг., выполненный под руководством известного зодчего, главного архитектора юго-западной планировочной зоны Я. Б. Белопольского. Претворяя в жизнь идеи нового генплана в своем проекте, он окончательно «убивал» еще сохраняющиеся там исторические кварталы.

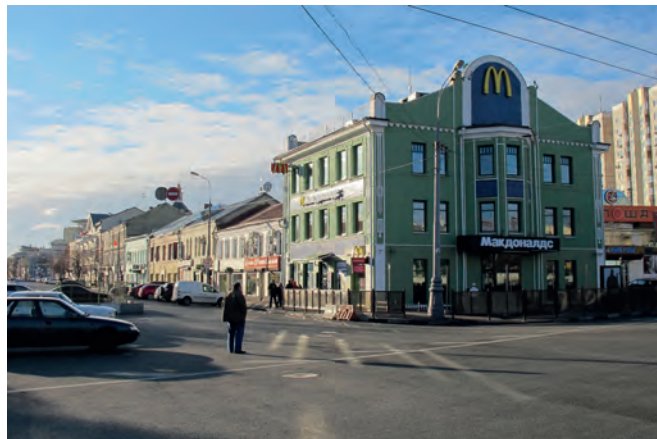

Рис. 28. Вид на здание, замыкающее квартал между Большой Серпуховской и Люсиновской улицами. Фото автора. 2011 г.

«Коренной реконструкции подвергнется участок Добрынинской площади, где ныне размещаются универмаг и станция метро. Они будут включены в крупный общественно-торговый центр, который проектируется здесь создать. Таким образом, Добрынинская и Октябрьская площади создадут своеобразную анфиладу площадей по Садовому кольцу»³³. Этот проект не был реализован.

В конце существования Советского Союза «в 1985–1989 гг. исходя из принципов сохранения исторически сложившегося облика центра был разработан "Проект детальной планировки центральной части Москвы в пределах Садового

кольца"»³⁴. Этот проект был одобрен правительством Москвы 17 сентября 1991 г. Рассматриваемая нами площадь тоже попала в зону влияния новых градостроительных разработок: «Преемственная архитектурно-пространственная организация площадей Садового кольца предусматривает их реконструкцию как основных композиционных узлов в коммуникационно-планировочной системе общегородского центра, в том числе площадей Таганской, Серпуховской, Сухаревской»³⁵.

Рис. 29. Сохранившееся здание с вогнутым фасадом по адресу: Серпуховская пл., 36/71, с. 1 и бывший дом Крокоса-Терентьева. Фото автора. 2011 г.

Но до детальной реализации проекта дело не дошло. Наступили новые времена, и глобальные планы по перестройке городских пространств были отодвинуты на неопределенное время.

Серпуховская площадь дошла до XXI века в виде сформировавшегося крупного транспортно-рекреационного пространства.

Вид на северо-западную часть Серпуховской площади в сторону Пятницкой улицы. Фото автора. 2012 г.

В 2011 г. были снесены кирпичные здания хлебозавода № 1. Здесь произведены археологические исследования. В одном из раскопов найден интересный артефакт – запечатанная бутылка, набитая плотными свитками бумажных купюр разного достоинства начала XX века. Вероятно, этот своеобразный клад был спрятан в погребке одного из домовладений в период революционных потрясений 1917 г.

К 2013 г. на этом месте отстроен комплекс многоэтажных зданий бизнес-центра Wall Street работы известного бюро ТПО «Резерв» архитектора В. И. Плоткина.

Рис. 30. Сквер с памятником Алишеру Навои у Серпуховской площади. Справа – здание офисного центра Wall street. Фото автора. 2012 г.

Бизнес-центр, состоящий из двух корпусов, ориентирован на площадь и Валовую улицу. Он имеет подчеркнuto современный нейтральный облик из стекла и бетона. Архитектурный обозреватель А. В. Мартовицкая подробно характеризует его градоформирующие и пластические особенности: «Угол, которым объем обращен к перекрестку, минимально, но все-таки сглажен, что элегантно и ненавязчиво подчеркивают использованные здесь изогнутые стекла. Расходящиеся от этой оси две плоскости главного фасада образуют широкий угол, в точности вторя красным линиям пересекающихся улиц, а динамика этого

разлета подчеркнута с помощью доминирующих в оформлении здания горизонталей. <...> Облицовка выполнена не из камня, а из панелей стеклофибробетона, интегрированных в модульную систему. <...> Кроме того, в проекте сразу была учтена декоративная подсветка фасадов»³⁷.

Рис. 31. Доходный дом Крокоса-Терентьева с панно 1960-х гг.: «Мы строим коммунизм». Фото автора. 2017 г.

Автор в данном случае выступил как честный застройщик, не апеллируя к «духу места», профессионально компоуя стандартные архитектурные формы. Это подтверждают слова самого В. И. Плоткина: «В мое кредо принципиально не входит сохранение исторической среды. По моему глубокому убеждению, контекстуальность ведет к деградации контекста, что неминуемо, если каждый последующий архитектор старается быть скромнее и пластически беднее своих предшественников. <...> Для меня главное – пристрастие к форме. Культ эстетики архитектурной формы. Перфекционизм как результат непрерывных поисков в формообразовании»³⁸.

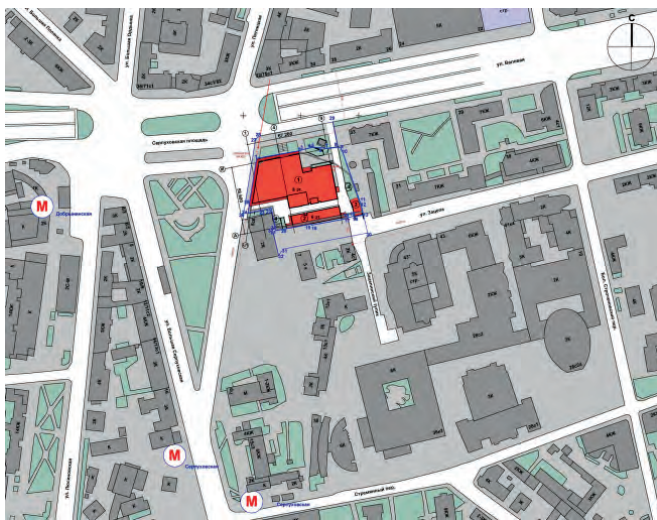

Рис. 32. Ситуационный план застройки Серпуховской площади с месторасположением здания офисного центра, построенного по проекту архитектора В. И. Плоткина. 2012 г.

В общем-то довольно заурядное в архитектурном отношении сооружение, подобным которому построено за последнее время множество, волею судьбы стало одной из крупных доминант Серпуховской площади.

В конце 2016–2017 гг. по программе благоустройства «Моя улица» выполнена более современная вертикальная планировка площади в виде плиточного покрытия и бордюров из натурального камня с активным применением наземных пешеходных переходов и оптимизацией транспортных потоков.

Торец дома в квартале между старым проездом Большой Серпуховской и Люсиновской улицами получил новое архитектурное оформление, а в здании открылось заведение фастфуда известного американского бренда.

В центре треугольного сквера образована небольшая площадка, обсаженная пирамидальными тополями. На ней в 2002 г. установлен памятник великому тюркскому поэту и мыслителю XV века Алишеру Навои работы скульптора Р. Т. Миртаджиева и архитекторов А. В. Кузьмина и И. Н. Воскресенского.

Рис. 33. Работы по программе благоустройства «Моя улица» на Серпуховской площади. Фото 2017 г.

Абрис Серпуховской площади сейчас окончательно сформировался и состоит из разновременных, относительно невысоких построек на первой фасадной линии. Высокие объекты единичны и образуют второй план панорамы. Это: шестиэтажный доходный дом № 67 1914 г. по Большой Ордынке, массивный объем колосников здания филиала Малого театра, корпус типографии Сытина на Пятницкой, бизнес-центр Lighthouse на Вальной, 26 2012 г., описанный выше бизнес-центр Wall Street, жилой панельный 14-этажный дом серии П55 1987 г. за ст. метро «Добрынинская» и бизнес-центр «Оазис» 2014 г. по ул. Коровий Вал, 5.

Радикальные проекты реконструкции сталинского и брежневского типа, переделки старых городских пространств при явной недооценке реальных условий канули в Лету.

Хочется верить, что на этом этапе своего развития площадь сохранит свои уже сформировавшиеся очертания и на ней больше не будет неоправданных сносов исторической застройки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. М., 1950. С. 58.
2. Фальковский Н. И. Москва в истории техники. М., 1997. С. 36.
3. Шокарев С. Ю. Москва и преодоление смуты. 1612 год. М., 2002. С. 134.
4. Сытин П. В. Указ. соч. 1950. С. 92.
5. Кудрявцев М. П. Москва – третий Рим. М., 1994. С. 93.
6. Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города века. М., 2000. С. 188.
7. Фальковский Н. И. Указ. соч. С. 40.
8. Сытин П. В. Указ. соч. 1950. С. 106.
9. Сытин П. В. Указ. соч. 1950. С. 288.
10. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 2. М., 1954. С. 242.
11. Сытин П. В. Указ. соч. 1954. С. 212.
12. Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков. Принципы художественного единства. М., 1997. С. 210.
13. Историко-архитектурное обследование. Квартал № 414. Домовладение по адресу: Б. Полянка д. 60/2. ГУП Моспроект-2. Маст. № 17. М., 2003. С. 78 // Архив Мосгорнаследия.
14. Архитектурные ансамбли Москвы... С. 270.
15. Архитектурные ансамбли Москвы... С. 279.
16. Архитектурные ансамбли Москвы... С. 297.
17. Часовня на Серпуховской пл. Из альбома Ютановых. [Электронный ресурс]. URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/2028692.html>.
18. Дроздов Д. П. Большая Полянка. Прогулка по Замоскворечью от Малого Каменного моста до Серпуховской площади. М., 2021. С. 465.
19. Имена московских улиц. М., 1975. С. 131.
20. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1910–1935 гг. М., 2012. С. 184.
21. Иконников А. В. Архитектура Москвы XX век. М., С. 83.
22. Косенкова Ю. Л. Градостроительство советской эпохи. Опыт прошлого и уроки на будущее // Архитектура изменяющейся России: Состояние и перспективы. М., 2010. С. 94.
23. Ткаченко С. Б. Планировка южной части Садового кольца в 1935–1955 годах по генплану реконструкции Москвы 1935 года. С. 7, 14. [Электронный ресурс]. URL: <https://elima.ru/articles/?id=978>.
24. Москва. 850 лет. II т. М., 1997. С. 130.
25. Ткаченко С. Б. Указ. соч. С. 22.
26. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1941–1955 гг. М., 2020. С. 236.
27. Серпуховская (ныне Добрынинская). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/279347>.
28. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».
29. Москва. Планировка и застройка города (1945–1957). М., 1957. С. 45.
30. Московское наследие. № 5. М., 2023. С. 76.
31. Дроздов Д. П. Указ. соч. С. 472.
32. Посохин М. В. Единство ценного старого и прогрессивного нового в архитектуре Москвы // Памятники Отечества. Кн. 4. М., 1979. С. 82.
33. Белопольский Я. Именем Октября // Москва. Какой она будет. М., 1976. С. 115.
34. Архитектура Москвы. 1985–1995. Моспроект-2. М., 1995. С. 13.
35. Указ. соч. С. 13.
36. Археологические работы на объекте в 2011 г. проводило ООО «Археологические изыскания в строительстве». В Акте приема на временное хранение кладового комплекса обнаруженного на Вальной ул., 37, с. 1–6, в 2011 г. значатся Государственные кредитные билеты выпуска от 1898 до 1915 гг. общей суммой 1324 р. 50 коп.
37. Мартовицкая А. В. Бизнес-центр «Wall street» на Вальной улице. [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/russia/56935/v-finalnoi-redakcii>.
38. Владимир Плоткин: Культ эстетики архитектурной формы. [Электронный ресурс]. URL: <https://cih.ru/orlova/s42.html>.

Семёновское. В поисках утраченного места

Гиршевич М. А.

История Преображенского района и района Сокольная Гора в Москве известна практически всем, кто хоть немного интересовался их прошлым. В историографической литературе довольно много места отведено под историю создания молодым царем Петром Алексеевичем так называемых потешных войск. Со временем один из этих полков стал именоваться лейб-гвардейским Семёновским. Существует некоторое количество научно-популярных работ, описывающих их предысторию создания, но во всех них схожей остается история возникновения Семёновской солдатской слободы в Москве. Вот как она представляется. Во второй половине XVII столетия на левом берегу реки Яузы для государя Алексея Михайловича создается Потешный двор в селе Семёновском. В нем помещались сокольники, конюхи и зверовщики, обслуживающие царскую охоту. И именно здесь в конце XVII века появилась Семёновская солдатская слобода, в которой была построена Съезжая изба, где разместилось управление Семёновского полка¹.

Такой порядок исторических событий основан только на схожести в названиях Семёновского села с его Потешным двором и Семёновской солдатской слободой. Некоторые исследователи обращали внимание на то, что к 1644 г. на левом берегу Яузы уже находился приселок села Покровского, Новое Введенское, который упоминается в Переписной книге 1646 г.² При этом они утверждали, что именно рядом с приселком был построен Потешный Семёновский двор, после чего сам приселок «стал чаще прозываться Семёновским»³. Однако довольно частое упоминание в документах Семёновского потешного двора никак не указывает на то, что двор находился в приселке Новое Введенское или рядом с ним. Только в 1728 г. в прошении в Синодальный казенный приказ, где говорилось о пожаре церкви Введения Пресвятой Богородицы, сообщается, что находился сгоревший храм в «Семёновской солдатской слободе, Введенское тож»⁴. Несомненно, Семёновская солдатская слобода и Семёновский Потешный двор не тождественные понятия. В РГАДА хранится чертеж, датированный второй половиной XVII века, где изображены земли и сами села Черкизово, Введенское и Измайлово, и села Семёновского там нет (рис. 1). В сборнике выписка из архивных бумаг о Петре Великом есть документ о присылке в Семёновское на Потешный двор двух белых медведей в 1716 г., где говорится, что присланы те медведи государю «к Москве в **старое** Семёновское на потешный двор»⁵. Где же тогда располагалось то старое Семёновское государя Алексея Михайловича, куда были доставлены из Архангельска для Петра Алексеевича белые медведи?

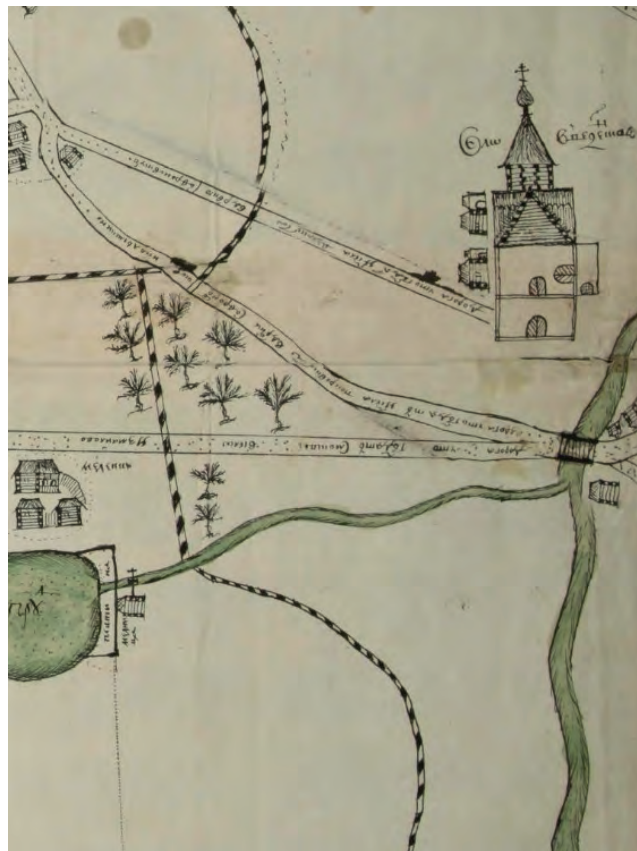

Рис. 1. Фрагмент плана расположения сел Черкизово, Введенского и Измайлово. РГАДА. Ф. 27, оп. 1, д. 484, ч. 2, № 3.

О времени возникновения и обустройства старого Семёновского нам мало что известно. Впервые село упоминается в личном письме государя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину, датированном июнем 1650 г. Алексей Михайлович писал своему ловчему, заведующему царской охотой, что при оборудовании Коломенского потешного двора необходимо купить сушило такое ж, что в Семёновском «и поставить так ж что в Семёновском, и чуланы перенести против товож что в Семёновском, и запасов всяких половину из Семёновского перевести в Коломенское на потешной двор»⁶. Несмотря на то что государь, без сомнения, успел посетить Семёновское и ознакомиться там с устройством двора до июня 1650 г., в Дворцовых разрядах до 1665 г. нет упоминаний о Семёновском. А среди документов Приказа тайных дел сохранились только «списки сакольником и Семёновского Патешного двора всяким людем, и росписи птицам и всякие дела того Потешного двора со [7]159-го по [7]184-й год» (1651–1676)⁷. По мнению профессора И. Я. Гурлянда, «Потешный двор в Семёновском существовал еще при Михаиле Федоровиче», но подтверждения это предположение не находит⁸.

О самом селе Семёновском нам известно не так много, хотя в опубликованных Дневальных записях Приказа тайных дел с 1657 по 1675 г. Семёновское упоминается довольно часто. Государь Алексей Михайлович тешился в Семёновских полях, в Семёновской роще, регулярно посещая само село. «На Семёновском потешном дворе имелись царские хоромы, по-видимому, нередко служившие местопребыванием царской семьи»⁹. Позже на Семёновском поле устраивал свои баталии молодой Пётр Алексеевич. Документы Приказа тайных дел дополняют картину окружающего пейзажа, сообщая о наличии при селе Семёновского большого пруда. В июле 1664 г. «на ево государев Потешной Двор в Семёновское, на мельничное плотинное строенье» выдано двести рублей¹⁰. В 1676 г. «Под Семёновской Поташной двор к плотинному делу на исток, что пошел от Потешного двора от передних ворот к прудку, которой ниже Семёновского большого пруда» было выдано 150 бревен и 30 дубин на 17 рублей, 8 алтын и 2 денги¹¹. А саму мельницу на прудовую плотину привезли «из Алексеевского на Семёновской пруд»¹².

Однако информация о наличии пруда, поля и рощи при Семёновском не позволяет определить местоположение села. Такой пейзаж можно было наблюдать практически в любом селе Московского уезда.

Из документов Приказа тайных дел можно представить, что Семёновский потешный двор занимал довольно большое пространство. В нем, помимо потешных экзотических животных (включая львов)¹³ и птиц, содержались лошади (на Потешном конюшенном дворе)¹⁴, которые затем передавались в другие вотчины государя. В Потешном дворе находились большие запасы различных продуктов, так называемых столовых запасов. Только в один день 1662 г. было послано в Семёновское на Потешный двор из Казанского приказа две тысячи чети ржи (около 200 тонн)¹⁵. Записные книги Тайного приказа позволяют предполагать наличие на территории Потешного двора «складов», загонов и, по всей видимости, ледников. «С (города) Романова писано (в Тайный приказ), что животные 225 коров готовы да прислано мяса свиных 1455 пуд, и те мяса посланы в Семёновское на Потешной двор»¹⁶. Помимо этого, на Потешный двор в Семёновское в большом количестве поставляются: бараны, утки, гуси, сушеные куры, рыба, вино (доброе и расхожее), мед, соль, овес¹⁷.

Известно, что в 1664 и в 1671 гг. царь Алексей Михайлович на Семёновском поле устраивал смотр «стольников, и стряпчих, и дворян Московских, и жилцов, и дворовых людей, и монастырских слуг и боярских людей»¹⁸.

По всей видимости, в Семёновском, в селе, подведомственном Приказу тайных дел, хранилась так называемая разинская «телега» (рис. 2), изготовленная в 1671 г. для транспортировки разбойника Степана Разина¹⁹. В 1674 г. ею воспользовались повторно для доставки на место казни самозванца Воробьева, называвшего себя царевичем Симеоном Алексеевичем, «а ныне тот вор привезен и стоит в Семёновском»²⁰.

Рис. 2. Отправление на казнь Степана Разина.
Английская гравюра. 1670-е гг.

Из хозяйственных расходов Приказа тайных дел можно почерпнуть еще незначительный штрих к нашим знаниям о Семёновском. В марте 1666 г. «великий государь указал дать ис Каменного Приказу в Семёновское на Потешной двор 6000 кирпичу на починку печей»²¹. В сентябре 1667 г. «великий государь указал дать ис Каменного Приказу на починку печей 20000 кирпичу да 10 бочек извести в Семёновское на Потешной двор»²².

Дневальные записи Приказа тайных дел дают косвенную информацию, где могло располагаться село Семёновское с Потешным двором. Маршрут государя, описанный в записях, таков: из села Танинского «изволил великий государь итти в село Покровское, и идучи заходил на Потешной двор, что в Семёновском»²³. Село Танинское располагалось в районе современных Мытищ, путь из Танинского должен был пролегать по Троицкой дороге, по землям села Алексеевского, Копытово тож (современная территория в районе проспекта Мира, д. 130), до Покровского (район современной Бакунинской улицы, д. 83). И Алексеевское, и Покровское находились на правом берегу реки Яузы, поэтому нет необходимости посещать левый берег Яузы, где, по мнению исследователей, находилось Семёновское. Еще один маршрут описан так: «из Измайлова в Семёновское и в Копытово»²⁴. В РГАДА хранится «Чертеж селу Алексеевскому что на речке Копытовке», датируемый 1663 г., где изображена дорога, ведущая в село, с подписью: «Дорога от Семёновского» (рис. 3).

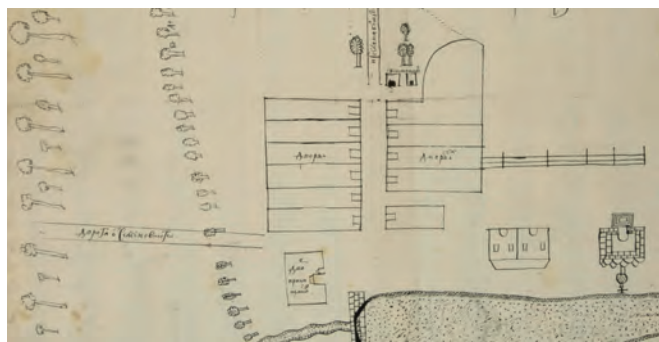

Рис. 3. Фрагмент плана «Чертежа селу Алексеевскому что на речке Копытовке». РГАДА. Ф. 27. Оп. 1, д. 484, ч. 2, № 117.

После кончины государя Алексея Михайловича в 1676 г. Приказ тайных дел прекратил свое существование. Семёновское с Потешным двором перешло в ведение Приказа Большого дворца, а позже – в Преображенский приказ²⁵. С этого времени, после кончины Алексея Михайловича, Преображенское, соседняя резиденция Алексея Михайловича, находящаяся на правом берегу Яузы, было отдано царице Наталье Кирилловне Нарышкиной с сыном Петром на жилье²⁶. На реке Яузе, на острове напротив Преображенского была построена крепость Презбург/Прешбург²⁷.

Если в 1684 г. на Семёновском потешном дворе насчитывалось до 300 человек сокольников и других чинов царской охоты, то к 1695 г., ко времени, когда уже был сформирован Семёновский потешный полк, на дворе оставалось менее 50 человек²⁸.

В Ружной книге 1681 г., опубликованной И. Е. Забелиным в 1891 г., есть запись о «Церкви Воздвижения Честного Креста Господня, что в селе Красном. Попу с причетники 43 руб. 29 алт[ын] 5 ден[ьги] и в том числе 40 руб[лей] из Приказу Большого Дворца до указа давать не велено для того, что у них взята была к селу Семёновскому их церковная земля и те денги учинены им за тое взятую землю, а после того тое землю велено им отдать попрежнему»²⁹. Но, судя по всему, земля, взятая к селу Семёновскому, так и не была возвращена церкви. Уже при государе Петре Алексеевиче в Ружной разметной книге в 1699 г. писалось, что при церкви Воздвижения Честного Креста в селе Красном в приходе насчитывались «государева потешного Семёновского двора сокольнических и зверовщиковых 28 дворов»³⁰. В это же время в селе Введенском, на левом берегу Яузы, при церкви Введения Пресвятой Богородицы во храм, переписчики наблюдали: «на крестьянских местах ныне поселясь живут Семёновского полку солдаты 18 дворов, а крестьяне сведены в розные места. А по справке с Приказом Большого дворца в том селе было крестьянских и бобыльских 22 двора»³¹.

Из приведенных выше записей становится понятно, что село старое Семёновское времен Алексея Михайловича располагалось вблизи Красного, у северной части села, где находилась церковь Воздвижения Честного Креста. Сопоставление топографических планов Москвы XVIII столетия с межевными записями выгонных земель города позволяет утверждать, что село Семёновское с Потешным двором находилось к востоку от села Красного. На «Плане императорского столичного города Москвы, сочиненного под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году», старое Семёновское изображено под цифрой 78 «Фуражный двор. Житный двор»³². При межевании эти земли, принадлежащие селу Красному, описывались так: «Внутри оной дачи фуражные и житные дворы с караульными светлицами ведомства дворцовой Конюшенной канцелярии»³³. Сохранилась межевая книга, составленная в 1766 г., показывающая границу земельного участка с соседними территориями: «Межевая книга в Московском выгоне суконной фабрики, с принадлежащими к оной землями содержателя капитана Василья Андреева с[ына] Выродова. Межевание с смежным Семёновским потешным дворцом, Сокольничьей слободой, на берегу Гнилушки речки»³⁴ (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент плана Москвы из книги: Колосовский А. Д. План Москвы XVII и XVIII столетий. 1885. Описание к плану: № 19 – Красный пруд ведомства вотчинной Ея Величества конторы; № 22 – Село Красное дворцовых крестьян и разного чина людей; № 22а – Выделенные из этой дачи фуражный и житный дворы с караульными светлицами ведомства дворцовой конюшенной канцелярии; № 23 – Суконная фабрика, бывшая во владении Василия Андреева сына Выродова, а ныне ведомства главного Кригс-комиссариата; № 24 – Сокольничья слобода ведомства обер-егермейстерской конторы; № 25 – Земля старого Преображенского дворца ведомства Главной дворцовой канцелярии; № 28 – Село Покровское, Рубцово тож, ведомства Главной дворцовой канцелярии.

Определение местоположения села Семёновского на бывших землях села Красного позволяет взглянуть по-другому на ближайшую округу села и его историю. Смотры дворянскому войску, проводимые Алексеем Михайловичем, военные баталии, которые устраивал в начале 90-х гг. XVII века молодой государь Пётр Алексеевич, происходили на пространстве между Семёновским и Преображенским, вдоль современной Русаковской улицы. Известная так называемая Семёновская баталия, или второй Семёновский поход 6–9 октября 1691 г., прошла именно здесь, на месте будущего Сокольничего поля. Подтверждением местоположения баталии служит упоминание речки, на которой расположились войска генералиссимуса Ромодановского, – Красная³⁵. Единственная река, которая могла носить такое название, – это речка, позже называемая Чечёра, протекавшая вдоль села Красного.

В начале следующего столетия, в 1701 г., «на Семёновском потешном дворе (значились): начальных сокольников 2, рядовых 20, ястребников 9, подъячей один, ларевник 1, зверовщиков 2, сторожей 2, поваров 2, хлебник, клубушечник. Всего 41 челов[ек]»³⁶. Уже в 1716 г. Семёновский потешный двор упоминается как старый, куда должны были быть доставлены белые медведи. Получается, что к этому времени уже существовал новый потешный двор – это так называемый впоследствии Егермейстерский потешный двор, находящийся к востоку от Сокольнической слободы. На этом Потешном дворе содержались только птицы.

Со временем строения старого Семёновского потешного двора перейдут в ведение дворцовой Конюшенной канцелярии, а нового потешного двора будут в подчинении Обер-Егермейстерской канцелярии³⁷.

Семёновское с его потешным двором дало название сперва потешному полку молодого государя Петра Алексеевича, а затем уже полк, разместившийся в Введенском, передал свое название здешнему населенному пункту. Так, со временем Семёновская солдатская слобода, Введенское тож, стала восприниматься как родина лейб-гвардейского Семёновского полка.

Если принять во внимание близость села Красного с Семёновским потешным двором, то совсем не удивительным выглядит упоминание в описании московского пригорода в 1785 г.: «Красная слобода над Красным прудом, в коей есть деревянной дворец»³⁸. Бывший потешный двор, а в то время уже Фуражный двор, судя по планам Москвы, был чуть меньше старого Преображенского дворца, по крайней мере так они выглядят на «Плане столичного города Москвы, гравированного и печатанного на иждивении московского купца Тимофея Полежаева в 1796 г.».

Путаница с дворцами вокруг села Красного была отмечена еще в 30-е гг. прошлого века московским краеведом П. Н. Миллером. В своей статье, посвященной застройке между Комсомольской площадью и Сокольниками, он обратил внимание, что, по заверениям старожилов, во времена императрицы Екатерины на берегу Красного пруда находился Краснопрудский дворец, а также Каланчёвский дворец при Каланчёвском поле. Историк оставил разрешение вопроса их местоположения на потом, пока не появятся новые данные, уточняющие их нахождение³⁹.

К настоящему времени можно с уверенностью утверждать, что Краснопрудским, Каланчёвским и дворцом Цесаревича назывался один и тот же дворец, построенный рядом с бывшим двором Шейнина (в районе современного владения 21 на Большой Спасской улице)⁴⁰. Составитель описания Москвы 1775 г. В. Г. Рубан, называл его «Дворец Ея Императорского Величества Краснопрудской»⁴¹. Л. М. Максимович в 1788 г. писал в своем «Новом и полном географическом словаре Российского государства...»: «В ветхом загородном Ея Императорского Величества Дворце, именуемом Цесаревичем, состоящем на Каланчёвском поле, находится выкопанный пруд»⁴². А через некоторое время, в начале XIX столетия, Л. М. Максимович совместно с А. М. Щекатовым пишет, что на землях «бывшего Краснопрудского Дворца, что на Каланче» размещались оранжереи⁴³.

Рис. 5. Фрагмент «Плана императорского столичного города Москвы, сочиненного под смотрением Ивана Мичурина в 1739 году».

Единственным дворцом при селе Красном, упоминаемым в 1785 г., можно было бы назвать бывший Потешный двор – Семёновское, превращенный в Фуражный, а название Краснопрудского двора на Каланчёвом поле, скорее всего, получено от указания направления в сторону Красного, бывшего Великого пруда (рис. 5).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Забелин И. Е. Преображенское или Преображенск московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883. С. 41; Романюк С. К. Москва. Утраты. М., 1992. С. 329, 330; Бугров А. В. Преображенское и окрестности. М., 2004. С. 100–104.
2. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 666; Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1884. Стб. 808.
3. Забелин И. Е. Преображенское или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883. С. 8, 9.
4. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1884. Стб. 811.
5. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 330.
6. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. М., 1856. С. 32.
7. Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXI. СПб., 1907. Стб. 693.
8. Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 190.
9. Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Т. III. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб., 1902. С. 222.
10. Дела Тайного Приказа. Кн. 3 // Русская историческая библиотека. Т. XXIII. СПб., 1904. Стб. 519.
11. Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXI. СПб., 1907. Стб. 309, 310.
12. Дела Тайного Приказа. Кн. 3 // Русская историческая библиотека. Т. XXIII. СПб., 1904. Стб. 1378.
13. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 313, 322.
14. Дела Тайного Приказа. Кн. 3 // Русская историческая библиотека. Т. XXIII. СПб., 1904. Стб. 738.
15. Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXI. СПб., 1907. Стб. 1007.
16. Там же. Стб. 1014.
17. Там же. Стб. 1033, 1051, 1063, 1076, 1084, 1102, 1114, 1117–1119, 1143, 1146, 1147, 1154, 1158, 1160, 1161, 1165, 1210, 1221, 1235, 1243, 1262, 1449.
18. Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXI. СПб., 1907. Стб. 39; Татищев С. С. Род Татищевых. 1400–1900. Историко-генеалогическое исследование. СПб., 1900. С. 35, 53.
19. Лаврентьев А. В., Майер И. Четвертование как публичная церемония и пенальная практика в правление царя Алексея Михайловича: письменные и изобразительные источники // Очерки феодальной России. Вып. 20. М-СПб., 2017. С. 261.
20. Акты исторические собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 4. СПб., 1842. С. 528.
21. Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXI. СПб., 1907. Стб. 1161.
22. Там же. Стб. 1348.
23. Белокуров С. А. Дневальные записи Приказа тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908. С. 34.
24. Там же. С. 264.
25. Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Т. III. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб., 1902. С. 14, 15.
26. Забелин И. Е. Преображенское или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883. С. 23.
27. Там же. С. 28.
28. Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Т. III. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб., 1902. С. 18.
29. Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стб. 407.
30. Там же. Стб. 528.
31. Там же. Стб. 534.
32. Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. М., 1875. С. 215.
33. Колосовский А. Д. План Москвы XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 13.
34. Межевые книги города Москвы XVIII столетия. М., 1891. Стб. 47, 48.
35. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. Л., 1940. С. 126.
36. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 248.
37. Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Т. III. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб., 1902. С. 190.
38. Состояние столичного города Москвы 1785 г. М., 1879. С. 5.
39. Миллер П. Н. Застройка по трассе от Комсомольской площади до Сокольников с XV по XX вв. // По трассе первой очереди московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Л., 1936. С. 85.
40. Евангулова О. С. Московская архитектура и ее создатели. Первая половина XVIII века. М., 2014. С. 289, 290.
41. Рубан В. Г. Описание императорского, столичного города Москвы: Содержащее в себе звание государских ворот, казенных и деревянных мостов больших улиц и переулков монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов, и покоев, рядов и рынков фабрик, заводов и прочая. СПб., 1775. С. 29.
42. Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, Описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически политически, хронологически, генеалогически и геральдически, Наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясашная зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежняя и новая иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочия достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроенном; с объяснением и тех мест, которая в прежние войны и прошедшую Турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростию российскою или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которая в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены; Из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный Ч. 3. М., 1788. С. 234.
43. Щекатов А. М., Максимович Л. М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 4. М. 1805. С. 385.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб.: Типография II-го отделения собственной Е.И.В. канцелярии. 1842.
2. Белокуров С. А. Дневальные записи Приказа тайных дел 7165–7183 гг. М.: Изд. Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1908.
3. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. Л.: ОГИЗ, 1940.
4. Бугров А. В. Преображенское и окрестности: очерки истории. М.: Научно-технический центр «КВАН», 2004.
5. Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль. Тип. Губернского правления, 1902.
6. Дела Тайного Приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека. Т. XXI. СПб.: Типография главного управления уделов, 1907.
7. Дела Тайного Приказа. Кн. 3 // Русская историческая библиотека. Т. XXIII. СПб.: Сенатская типография, 1904.
8. Евангулова О. С. Московская архитектура и её создатели. Первая половина XVIII века. М.: Издательство «Прогресс-Традиция». 2014.
9. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М.: Типография Грачева и Комп, 1869.
10. Забелин И. Е. Преображенское или Преображенск. Московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1883.
11. Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М.: Московская городская типография, 1891.
12. Колосовский А. Д. План Москвы XVII и XVIII столетий. М.: «Русская» типо-литография, 1885.
13. Кутепов Н. И. Императорская охота на Руси. Т. III. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902.
14. Лаврентьев А. В., Майер И. Четвертование как публичная церемония и пенальная практика в правление царя Алексея Михайловича: письменные и изобразительные источники // Очерки феодальной России. Вып. 20. М-СПб.: Альянс-Архео, 2017.
15. Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, Описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически политически, хронологически, генеалогически и геральдически, Наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясажные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежняя и новая иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроенном; с объяснением и тех мест, которые в прежняя войны и прошедшую Турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростию российскою или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которые в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены; Из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный Ч. 3. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1788.
16. Миллер П. Н. Застройка по трассе от Комсомольской площади до Сокольников с XV по XX вв. // По трассе первой очереди московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Л.: ОГИЗ, 1936.
17. Межевые книги города Москвы XVIII столетия. М.: Московская городская типография, 1891.
18. План расположения сел Черкизова, Введенского и Измайлова, и местности между дорогами Большой Стромьинской, Большой Владимирской и дорогой из Черкизова в Москву. РГАДА. Ф. 27, оп. 1, д. 484, ч. 2, № 3.
19. План «Чертеж селу Алексеевскому что на речке Копытовке». РГАДА. Ф. 27. Оп. 1, д. 484, ч. 2, № 117.
20. Романюк С. К. Москва. Утраты. М.: ПТО «Центр», 1992.
21. Рубан В. Г. Описание императорского, столичного города Москвы: Содержащее в себе звание государских ворот, казенных и деревянных мостов больших улиц и переулков монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов, и покоев, рядов и рынков фабрик, заводов и прочая. СПб.: Типография Х.Ф. Клеэна, 1775.
22. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1872.
23. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1872.
24. Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. М.: Издание А. Мартынова. 1875.
25. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою 26. С.Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. М.: Типография В. Готье, 1856.
27. Состояние столичного города Москвы 1785 г. М.: Типография М.П. Щепкина и Ко, 1879.
28. Татищев С. С. Род Татищевых. 1400–1900. Историко-генеалогическое исследование. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1900.
29. Холмогоров В. И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М.: Московская городская типография, 1884.
30. Щекатов А. М., Максимович Л. М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 4. М.: В Университетской типографии, у Лубия, Гария и Попова, 1805.

Коллекция археологических предметов в музее Златоустовского монастыря: опыт правового взаимодействия государственного музея и местной религиозной организации

Святицкая Е. Н.

ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"» и Центр изучения истории и наследия Златоустовского монастыря связывают несколько лет плодотворного сотрудничества, результатом которого стало оформление археологической коллекции, сформированной по результатам археологических исследований 2011–2018 гг. на территории, ранее принадлежавшей монастырю, в качестве части выставочного проекта «Разрушенный, но живой».

Подобный опыт организации взаимодействия между государственным музеем и религиозной организацией является одним из первых в России и фактически уникальным по своей сути. Мы воспринимаем это сотрудничество как пилотный проект, который в дальнейшем послужит в определенном смысле, «методичкой» для тех церковных музеев, которые имеют свои не «легитимизированные» археологические коллекции.

Проблема, связанная со статусом предметов в коллекциях церковных музеев, ранее поднималась на научной конференции, посвященной памяти протоиерея Покровского собора И. И. Кузнецова (Кузнецовские чтения ГИМ), в докладе О. Г. Кирьяновой¹. В своем обзоре музейных учреждений приходов Русской православной церкви она озвучила тот факт, что с начала 1990-х гг., в связи с возвращением церкви в общественную жизнь России образовалось значительное количество церковных музеев. Наряду со всемирно известным музеем-ризницей Троице-Сергиевой лавры, в силу своей уникальности существовавшим и в советское время, появились и маленькие общественные музеи, которые создаются при приходах различных храмов. Тематика подобных приходских музеев может быть самой разнообразной, иногда даже не связанной непосредственно с церковной жизнью, с историей самого храма. Так, в городе Королёве есть церковный музей, который, помимо прочего, рассказывает и о тех жителях города, которые связаны с авиацией. Казалось бы, история освоения человеком воздушного пространства достаточно далека от церковной жизни, но люди, внесшие свой вклад в создание советской авиации, являются прихожанами храма, и экспонаты музея собраны их трудами и рассказывают про дело всей их жизни.

Важно отметить, что этот процесс общероссийский: члены многих приходов активно собирают

различные древности, артефакты, предметы, которые становятся в дальнейшем экспонатами приходских музеев и позволяют вести разговор об истории храмов и приходов, мест и людей, с ними связанных. Не всегда эти предметы получают какой-либо официальный статус, чаще всего даже само название «музей» является условным обозначением некоего помещения при приходе, в котором экспонируются предметы, не имеющие никакого официального музейного статуса и, следовательно, могущие в любой момент из этого помещения быть изъятыми по воле владельца, сдатчика, главы прихода, церковного старосты и т. д.

В связи с этим процессом комплектования общественных музеев возникает определенное затруднение юридического характера, связанное с археологическими предметами. Собираемые коллекции живописных и графических полотен, фотографии, предметов церковного обихода и даже церковных предметов, вещей культового назначения может законно производиться как частными коллекционерами, которые потом разместят свои собрания в приходском музее, так и любыми общественными организациями, в том числе и приходами – учредителями приходских музеев. Однако статус предметов археологии не позволяет им законно попадать в общественные музеи таким образом (через частные руки). Согласно Федеральному закону РФ № 73-ФЗ, все предметы археологии должны передаваться только в государственные музеи, пополняя Государственный музейный фонд Российской Федерации.

Федеральный закон № 73-ФЗ определяет процедуру передачи археологических коллекций в музеи РФ следующим образом: исполнитель археологических полевых работ – физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо, в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) обязаны передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, все изъятые археологические предметы (включая антропические, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть Музейного Фонда РФ².

В связи с этим хочу высказать осторожную надежду, что наш пилотный проект особого взаимодействия между государственным музеем и религиозной организацией, который я подробно разберу ниже, в дальнейшем послужит тому, что наши церковные музеи и те археологические коллекции, которые располагаются в церковных музеях, получают свой официальный статус.

С 2011 г. на территории, прилегающей к Большому и Малому Златоустинским переулкам, ООО «Археологические изыскания в строительстве» проводились археологические наблюдения за различными работами по строительству и благоустройству. В результате этих работ была собрана коллекция белокаменных надгробий и архитектурных деталей, составившая монастырский лапидарий при сохранившемся келейном корпусе, в котором размещается Центр изучения истории и наследия Златоустовского монастыря. Описание лапидария опубликовали в своей статье В. А. Беркович и К. А. Егоров³.

В последние годы работы московских археологов на территориях московских монастырей привели к складыванию следующей практики, еще не нашедшей отражения в официальных документах, но принятой научным сообществом. При архитектурно-археологических исследованиях монастырских комплексов найденные остатки монастырских некрополей принимаются за часть архитектурного комплекса монастыря и в качестве этой части остаются на месте своей находки. Для специалистов, занимающихся охраной памятников архитектуры, это означает необходимость включения в перечень описания предмета охраны наряду с отдельными архитектурными постройками или архитектурным ансамблем, территориями и лапидария или отдельных его элементов. Это обусловлено самим определением предмета охраны как «объемно-пространственных, планировочных, архитектурно-стилистических характеристик памятника и его отдельных элементов, в том числе особенности интерьера, его историческое функциональное использование (например, жилое, торговое, промышленное, религиозное и иное), подлежащее обязательному сохранению». В данном случае функциональное существование некрополя как неотъемлемой части монастырской жизни делает его одним из элементов вышеперечисленных характеристик памятника⁴.

15 мая 2019 г. приказом № 405 Департамента культурного наследия Правительства г. Москвы территория бывшего Златоустовского монастыря была включена в государственный реестр объектов культурного наследия регионального значения как «Достопримечательное место. Здесь

с н. XV в. и до 1930-х гг. располагался Московский Златоустовский монастырь»⁵. Некрополь монастыря содержал значительное количество белокаменных надгробных плит, часть которых, дошедшая до нас, в настоящий момент включена в лапидарий и должна сохраняться в неотрывной связи с тем достопримечательным местом, где надгробия исторически находились. Их формальный статус в этой связи не вызывал у нас опасения.

Вместе с тем в процессе археологических исследований на территории самого монастыря и прилегающих улиц сотрудниками ООО «Археологические изыскания в строительстве» была сформирована коллекция археологических предметов, состоявшая из предметов быта, монет, культовых предметов, изразцов. Некоторые из находок были описаны исследователями⁶. Материалы исследований проходили реставрационную и научную обработку, в 2018 г. часть предметов экспонировалась на выставке ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"» «Находки моей улицы», в том числе «перстень Лазарянов» из Армянского переулка, ранний двустворчатый крест-энколпион, глиняная поливная птичка.

В 2019 г. специалистами ООО «Археологические изыскания в строительстве» была окончательно сформирована коллекция археологических находок для создания выставочного проекта «Разрушенный, но живой» Центра изучения истории и наследия Златоустовского монастыря, который мы уже традиционно называем музеем Златоустовского монастыря. Однако археологические предметы, полученные непосредственно из культурного слоя в результате археологических раскопок или наблюдений, имеют свой особый статус. Ранее мы уже упоминали положения Федерального закона № 73-ФЗ, который определяет, что за три года после окончания раскопок или наблюдений археологи должны провести все необходимые мероприятия по обработке коллекции. В этот период они являются, условно говоря, «ответственными держателями» полученного в результате археологических работ материала. В этом качестве полевые археологи могут обрабатывать эти коллекции, проводить необходимые анализы, реставрировать, фиксировать, составлять описи, могут отдавать предметы для временного экспонирования в какие-то проекты, но по истечении указанного срока они должны, они обязаны передавать коллекции предметов археологии в государственные музеи для включения в Государственный музейный фонд РФ.

В связи с вышесказанным было ясно, что ООО «Археологические изыскания в строительстве» как юридическое лицо, проводившее археологи-

ческие исследования, не может передать Центру изучения истории и наследия Московского Златоустовского монастыря эту коллекцию для экспонирования или хранения на сколько-нибудь длительное время по причине его негосударственного статуса, тем более для создания на ее основе постоянно действующего музея.

После обсуждения со всеми заинтересованными сторонами было выработано следующее решение. Коллекция, включающая в себя предметы, найденные в Златоустинском переулке во время работ по благоустройству 2018 г. и некоторые находки более ранних годов, происходящие в том числе из Армянского переулочка, была описана сотрудниками ООО «Археологические изыскания в строительстве». Полевая опись была передана в отдел «Археология» ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"», археологическая коллекция в установленном порядке была представлена на ЭФЗК (Экспертной фондово-закупочной комиссии) музея, на которой было принято решение о включении предметов коллекции в количестве 242 единиц хранения в научно-вспомогательный фонд Музея Москвы с присвоением учетных номеров ММ НВФ-17718/1-242⁷. Держатель Открытого листа на проведение археологических исследований получил справку о том, что коллекция сдана в музей. Таким образом, были выполнены требования законодательства о включении предметов археологии в Государственный музейный фонд Российской Федерации.

Следующим этапом должна была стать выдача предметов коллекции в Музей Златоустовского монастыря на временное экспонирование. Однако стороной, принимающей музейные предметы в случае их внешней выдачи, может быть только юридическое лицо. Центр изучения истории Златоустовского монастыря на тот момент не имел юридического статуса.

После многочисленных консультаций с юристами Патриархии РПЦ было решено, что нет необходимости создания нового юридического лица в ситуации, когда уже существует юридическое лицо – местная религиозная организация «Православный приход храма святых бессребренников Космы и Дамиана на Маросейке» гор. Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) (далее – МРО). Начался процесс по внесению в Устав религиозной организации изменений, точнее – дополнений, связанных с прописыванием в Уставе культурно-просветительской и выставочной деятельности. По решению приходского собрания и благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла деятельность Центра

изучения истории и наследия Московского Златоустовского монастыря была юридически оформлена в статусе структурного подразделения местной религиозной организации «Православный приход храма святых бессребренников Космы и Дамиана на Маросейке».

После этого все дальнейшие переговоры о передаче археологической коллекции Златоустовского монастыря велись между МРО и Музеем Москвы. Результатом переговоров стал совместный договор между ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"» и местной религиозной организацией «Православный приход храма святых бессребренников Космы и Дамиана на Маросейке». Пункт 1.1 договора гласил: «Направляющая сторона безвозмездно предоставляет Принимающей стороне музейный предмет (далее – Экспонаты) из собрания Направляющей стороны в соответствии со списком (Приложение № 1), являющимся неотъемлемой частью Договора, на временное хранение и во временное пользование для экспонирования на экспозиции "Разрушенный, но живой" (далее "Выставка") сроком на 1 год». Двусторонний договор временный, сроком на один год, но пролонгировать его можно и дальше.

Местной религиозной организацией «Православный приход храма святых бессребренников Космы и Дамиана на Маросейке», как принимающей стороной, были собраны следующие документы:

1. Письмо от руководителя принимающей стороны на имя руководителя организации (государственного музея), хранящей предметы археологии с приглашением принять участие в выставочном проекте музея Златоустовского монастыря «Разрушенный, но живой».
2. Устав МРО, в котором прописана культурно-просветительская и выставочная деятельность.
3. Facility report – типовой отчет об объекте, включающий в себя данные принимающей организации, характеристику и описание здания и помещений, пожаробезопасности здания, охраны и сигнализации, обеспечения сохранности и безопасности экспонатов, выставочного оборудования.
4. Гарантийное письмо на имя руководителя организации (государственного музея – «хозяина» предметов археологии), в котором гарантируется сохранность и своевременный возврат предметов, от руководителя принимающей стороны.
5. Доверенность от руководителя принимающей стороны на своего сотрудника, который будет принимать и хранить предметы.

6. Полис страхования культурных ценностей (список предметов со страховой стоимостью представляет музей как приложение к договору). Это стандартный документ, сопровождающий все перемещения музейных предметов. Он оформляется практически всеми крупными страховыми компаниями, которые работают со страхованием музейных предметов. Для этого им предоставляется договор между двумя организациями, в нашем случае – между музеем и местной религиозной организацией. К нему прилагается составленный музеем список экспонатов с указанной музеем их страховой стоимостью. Оплачивает страховку принимающая сторона (в нашем случае МРО).

В свою очередь, Музей Москвы, как направляющая сторона, произвел следующие действия:

1. Заключение договора с МРО о предоставлении предметов археологии для экспонирования.
2. Проведение ЭФЗК и научно-реставрационного совета для получения заключения о возможности выдачи музейных предметов для экспонирования.
3. Получение разрешения на выдачу музейных предметов для экспонирования от учредителя организации (для ГБУК МО «Музей Москвы» учредителем является Департамент культуры города Москвы).
4. Оформление акта выдачи предметов во временное пользование.

Весь комплект документов, собранный и переданный принимающей стороной (местной религиозной организацией «Православный приход храма святых бессребренников Космы и Дамиана на Маросейке»), внутримузейная учетная документация на коллекцию (коллекционная опись) и договор между музеем и религиозной организацией поступили в отдел учета Музея Москвы. Начальник отдела учета направил весь пакет документов на утверждение в Департамент культуры города Москвы. После получения разрешения был оформлен акт № 1241 выдачи предметов во временное пользование от 23.01.2023 г. – финальный документ, на основании которого археологическая коллекция получила законные основания своего экспонирования в Музее Златоустовского монастыря.

Подписание экземпляров этого акта стало фактическим завершением всего этого достаточно долгого бумажного процесса; в результате археологические предметы теперь уже на законном основании заняли свое место на выставке музея

«Разрушенный, но живой». Еще раз хочу подчеркнуть, что вся описанная выше процедура касается исключительно предметов археологии. Экспозиция музея истории Златоустовского монастыря не ограничена только ими, здесь представлены и предметы быта, мебель, документы и фотографии, все те вещи, которые могут поступать в музей, организованный местной религиозной организацией, без ограничений, накладываемых законодательством на археологические артефакты. Хочется, с одной стороны, еще раз подчеркнуть особый статус археологического предмета в работе с ним негосударственного музея, а с другой стороны, призвать все заинтересованные стороны не бояться правильно оформленного взаимодействия государственных и негосударственных институций в деле экспонирования предметов археологии в церковных музеях. По моему глубокому убеждению, это можно и нужно делать, так как именно археологические экспонаты способны наиболее наглядно, достоверно, научно представить многие аспекты церковной истории. Надеюсь, что история создания Музея Златоустовского монастыря в его археологической части в дальнейшем может послужить своего рода методическим материалом для тех, кто захочет пройти вслед за нами путем официального оформления археологических предметов в своих музейных экспозициях и выставках.

Святицкая Е. Н.

Коллекция археологических предметов в музее Златоустовского монастыря: опыт правового взаимодействия государственного музея и местной религиозной организации

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирьянова О. Г. Музейные учреждения приходов Русской Православной Церкви начала XXI в. // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры. Чтения памяти И. И. Кузнецова. Выпуск 1. (Материалы научной конференции, посвященной памяти протоиерея Покровского собора (храма Василия Блаженного), историка Иоанна Иоанновича Кузнецова и 550-летию рождения блаженного Василия, Московского чудотворца (12–13 ноября 2019 г., г. Москва). М., 2020. С. 280–288.
2. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 45.13.
3. Беркович В. А., Егоров К. А. Новые находки белокаменных надгробий московского Златоустовского монастыря // II Златоустовские чтения. Сборник докладов историко-богословской научно-практической конференции. М., 2018. С. 7–34.
4. Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13 января 2016 года № 28 «Об утверждении порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». П. 6. Ст. 18, Ст. 47.3.
5. Хондзинская А. П., Зиброва Т. В. Отчет о работе Центра изучения истории и наследия Московского Златоустовского монастыря // V Златоустовские чтения. Сборник докладов научно-практической конференции 06-07 февраля 2020 г. М., 2020. С. 19.
6. Беркович В. А., Егоров К. А., Маралов Е. А. Опыт музеефикации: фрагменты ограды Златоустовского монастыря и храма Николая Чудотворца в Столпах // IV Златоустовские чтения. Сборник докладов историко-богословской научно-практической конференции 12–13 февраля 2019 г. М., 2020. С. 141, 143.
7. ММ НВФ-17718 – Коллекция археологических предметов: «Предметы, найденные в Златоустинском переулке во время работ по благоустройству в 2018 году», в количестве 242 ед. Категория ценности музейного предмета: «Прочие культурные ценности». Собственность Субъекта РФ. Протокол ЭФЗК №25 от 21.12.2020 г.

ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных в городе Брянске – единственный в России выявленный нацистский концлагерь

Прокопишин Р. В.

На территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны находилось 44,5 тысячи лагерей и мест принудительного содержания, созданных немцами. Такую цифру, со ссылкой на американский институт изучения Холокоста, назвал руководитель Фонда Александра Печерского Илья Васильев.

ДУЛАГ-142 является единственным в России выявленным нацистским концлагерем, в котором сохранились 22 строения (барак для содержания узников, карцер, лазарет, общежития для немецких солдат и офицеров, конюшни и т. д.), элементы планировочной структуры (планировка дорожно-тропиночной сети, месторасположения сторожевых вышек, периметра проволочных заграждений зоны содержания военнопленных и мирных жителей и т. д.), места массовых захоронений узников (около 50 га), дошедшие до наших дней.

Это открытие стало возможным благодаря историко-культурным исследованиям, проведенным специалистами и экспертами НК ИКОМОС в 2019–2021 гг. в рамках включения «ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных в городе Брянске» (Брянская область, г. Брянск, бульвар Щорса) в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия федерального значения – достопримечательное место (Приказ Министерства культуры Российской Федерации № 1742 от 27.10.2021 г.).

В результате исследований выявлены основные исторические этапы формирования планировочной и объемно-пространственной структуры территории достопримечательного места:

1. 1924–1941 гг. – база по ремонту бронепоездов и автомобилей, с 1932 г. танкоремонтный завод – рембаза № 6 (специальная военная часть 75100);

2. 1941–1943 гг. – фашистский концентрационный лагерь ДУЛАГ-142;

3. 1943–1962 гг. – танкоремонтный завод – рембаза №6 (специальная военная часть 75100);

4. 1962–2020 гг. – 85-й Центральный ремонтный завод ракетного вооружения РВСН (85-й ЦРЗ, в/ч 75100). В разные годы существования менялась организационная форма. В настоящее время Открытое акционерное общество «85 ремонтный завод»;

Новым историческим этапом стало включение в Единый государственный реестр объектов культурного наследия в статусе объекта культурного наследия федерального значения – достопримечательное место.

5. 2021 г. – н. в. – объект культурного наследия федерального значения – достопримечательное место «ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных в городе Брянске» (Брянская область, г. Брянск, бульвар Щорса).

Наибольшую и особую историческую и мемориальную ценность для будущих поколений представляет период существования фашистского концлагеря ДУЛАГ-142 как подлинного памятника трагических страниц истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и свидетеля огромного количества человеческих жертв.

Исследуемый объект культурного наследия находится в северо-западной части Володарского района города Брянска, на территории бывшей воинской части 75100 – ремонтного завода № 85, недалеко от ж/д платформы Мальцевская. До 1919 г. на этом месте располагался поселок – Мальцовская слобода, который возник в 1870-х гг. как один из заводских поселков при Сергиево-Радицком паровозостроительном заводе.

В 1919 г. поселок переименован в память бывшего председателя Петроградской ВЧК Моисея Соломоновича Урицкого. 28 сентября 1924 г. Постановлением Революционного Военного Совета Республики на территории поселка Урицкий была создана специальная военная часть 75100 (АО «85 ремонтный завод») – как база бронепоездов

и автобронедрезин РККА (ремонтная база № 6). Когда в 1932 г. на вооружение Красной Армии поступили отечественные танки, предприятие быстро освоило технологию их ремонта и модернизации.

В августе сорок первого ремонтная база № 6 была эвакуирована в город Богородск Горьковской области. Уехали специалисты, рабочие. Было вывезено все оборудование, материалы, запасные части.

Осенью 1941 г. территория Брянской области была полностью оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. В результате гитлеровского геноцида Брянщина, как и другие оккупированные советские территории, понесла огромные людские жертвы.

Концентрационные лагеря Третьего рейха (нем. Konzentrationslager) стали местами массового заключения и уничтожения властями гитлеровской Германии советских военнопленных и гражданских лиц по политическим или расовым соображениям. Организация лагерей советских военнопленных на Востоке была регламентирована военным приказом «О службе содержания военнопленных по плану "Барбаросса"» от 16 июня 1941 г.

Примером крупнейшего концлагеря Третьего рейха стал Освенцим (Аушвиц), который был организован на территории Польши. Изначально Освенцим предназначался для содержания польских политзаключенных. Затем туда стали отправлять евреев, цыган, советских военнопленных. Территория была окружена заборами из колючей проволоки, находившейся под напряжением.

В 1947 г. на месте двух сохранившихся лагерей комплекса – Аушвиц I и Аушвиц II – Биркенау был создан музей. В 1979 г. Освенцим (Аушвиц) был включен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Лагерь в пригородном поселке Урицком (в настоящее время входит в границу территории Володарского района города Брянска) был основан оккупационными немецкими властями осенью 1941 г. Этот самый крупный концлагерь на Брянщине расположился на территории в несколько квадратных километров эвакуированной вглубь страны базы № 6 по ремонту бронетехники. Носил официальное название Durchgangslager 142. Durchgangslager в переводе с немецкого – пересыльный (этапный) лагерь, сокращенно – Dulag (далее по тексту ДУЛАГ-142).

В Брянске ДУЛАГ-142 находился самое продолжительное время, до осени 1943 г. В Орджоникидзеграде (современная территория Бежицкого района города Брянска), Жиздре и Осиповичи (Белоруссия) находились филиалы ДУЛАГА-142.

В настоящее время основным историческим источником для исследований территории объекта культурного наследия достопримечательное место «ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных в городе Брянске» (Брянская область, г. Брянск, бульвар Щорса) являются документы по истории концентрационного лагеря ДУЛАГ-142, содержащиеся в фондах Государственного архива Брянской области, Архива города Брянска, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации «Мемориал», Немецкого федерального архива (Бундесархив), Государственного архива Российской Федерации.

Имеющиеся материалы специалисты разделяют на два периода. Первый период относится ко времени деятельности концлагеря: документы Брянского штаба партизанского движения. Документы второго периода собраны на основе послевоенной деятельности городской и областной комиссий ЧГК: показания узников лагеря (военврача Д. И. Миминошвили, граждан А. М. Сахненко, Лукашевой, Прудникова). Дополняют сведения очевидцев опубликованные воспоминания малолетних узников.

После освобождения Брянщины во всех районах были созданы государственные комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов. По оценкам комиссии, в лагере ДУЛАГ-142 одновременно содержалось до 80 тысяч человек, убито и погибло от голода и болезней более 40 тысяч человек, которые были захоронены в братских могилах на территории лагеря.

В то время как факт ужасающей массовой смертности в лагере ДУЛАГ-142 безусловно подтверждается имеющимися документами и свидетельствами очевидцев, источники, которые позволили бы более точно подсчитать количество жертв, отсутствуют. Установление более точных данных о погибших в нацистских лагерях представляется проблематичным, так как случаи смерти в концлагерях фиксировались в основном только в начале войны. После начала массовой гибели людей регистрация смертей была прекращена по причине того, что списки якобы переполнены и что в большинстве случаев личности умерших советских военнопленных

Рис. 2. Материалы аэрофотосъемки территории концлагеря ДУЛАГА-142 сделаны немецко-фашистскими захватчиками 16.04.1943 г.

структура, дорожно-тропиночная сеть, оборонительные сооружения, место содержания военнопленных, хорошо просматриваются границы из нескольких рядов колючей проволоки. Следует отметить, что данные аэрофотосъемки полностью совпадают с данными, указанными в разведсводках брянских партизан.

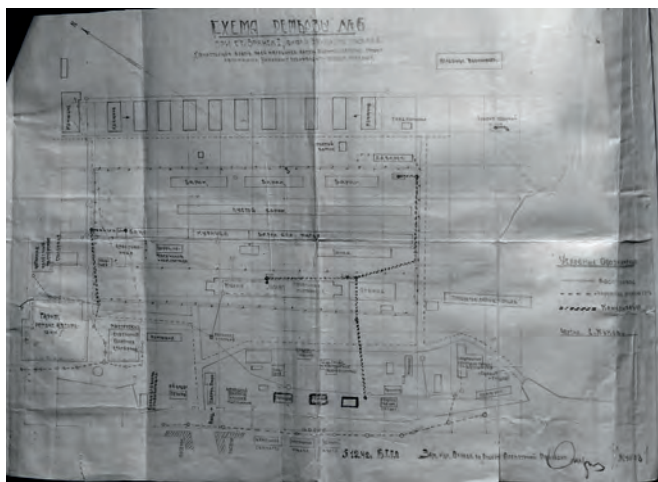

Рис. 3.

Схема рембазы № 6 – копия (ЦДНИБО, ф. П. 1650, оп. 1, д. 72).

Все имеющиеся сведения о сохранившихся и утраченных объектах концлагеря, изменениях его планировочной структуры приведены в разработанном историко-культурном опорном плане (рис. 1). Также для подтверждения сведений о точном местоположении и определения координат границ территорий 22 сохранившихся строений концлагеря разработана Сводная карта (схема) с отображением фактической съемки топографическим методом (2023 г.) сохранившихся строений концлагеря, находящихся в границах территории объекта культурного наследия федерального значения – достоприме-

чательное место «ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных (1941–1943 гг.) в городе Брянске», выполненная на подоснове немецкой аэрофотосъемки территории концлагеря ДУЛАГ-142 от 16.04.1943 г. (рис. 4).

В результате историко-архивных и библиографических исследований, анализа собранных историко-архивных документов в 2023 г. специалистами и экспертами НК ИКОМОС подготовлены материалы о включении 22 выявленных сохранившихся строений концлагеря:

1. Конюшня № 1;
2. Конюшня № 2;
3. Конюшня № 3;
4. Лазарет;
5. Барак № 1;
6. Барак № 2;
7. Барак № 3;
8. Барак № 4;
9. Барак № 5;
10. Баня/Кузница/Барак № 6;
11. Барак перебежчиков и комсостава;
12. Карцер;
13. Кухня/Лазарет/Мебельные мастерские;
14. Гараж ремонта автомашин и бронетехники;
15. Немецкие сапожные и пошивочные мастерские;
16. Женское общежитие;
17. Общежитие немецких солдат № 1;
18. Общежитие немецких солдат № 2;
19. Немецкий продуктовый склад;
20. Строение для технических нужд;
21. Уборная № 1 (канализационная шахта);
22. Уборная № 2 (канализационная шахта)

в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, входящих в состав объекта культурного наследия федерального значения – достопримечательное место «ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных (1941–1943 гг.) в городе Брянске».

Единственный в России выявленный сохранившийся нацистский концлагерь ДУЛАГ-142 обладает непреходящей историко-культурной и мемориальной ценностью, имеет особую уникальную значимость для истории Российской Федерации и всего международного сообщества как подлинный источник информации о трагических страницах истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и об огромном количестве ее жертв, имеет огромное значение для патриотического воспитания молодежи.

Прокопишин Р. В.
 ДУЛАГ-142 – мемориальный комплекс жертв узников фашистского концентрационного лагеря с массовыми захоронениями мирных граждан и военнопленных в городе Брянске – единственный в России выявленный нацистский концлагерь

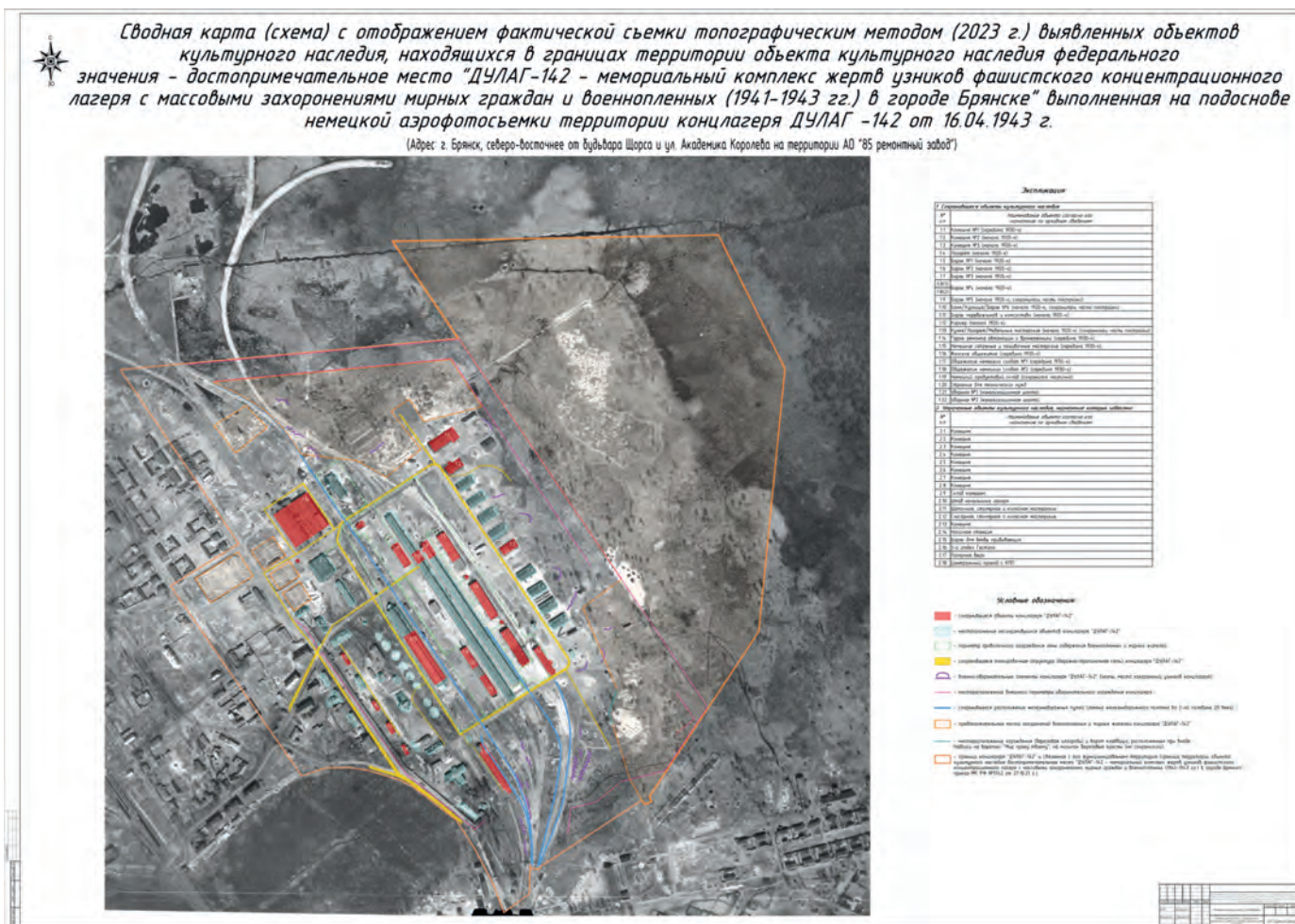

Рис. 4. Сводная карта (схема) с отображением фактической съемки топографическим методом (2023 г.) сохранившихся строений концлагеря.

К вопросу определения границ объекта «Исторический центр города Гороховца», номинированного в Список всемирного наследия, и границ его буферной зоны

Журин В. Е., Иванов М. Э.

Город Гороховец, впервые упоминаемый в источниках с 1239 г., сейчас административный центр Гороховецкого района Владимирской области. С 1778 г. – уездный город, а с 1929 г. – районный центр. В наше время в городе проживает 12656 человек.

В 2017 г. исторический центр города Гороховца включен в предварительный Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, после чего было подготовлено номинационное досье объекта, при разработке которого определялись границы территории объекта, а также границы его буферной зоны.

Одним из важных методических приемов описания номинируемого объекта является сравнительный анализ.

Были выделены следующие характеристики исторических центров Гороховца и других городов, такие как:

- хронологическая атрибуция памятников и городской планировки;
- взаимодействие с окружающим ландшафтом;
- сохранность дорегулярной планировки;
- наличие значительного числа памятников церковной и гражданской архитектуры (проведен их сравнительный анализ).

Помимо демонстрации особых ценностей Гороховца, это позволило выделить следующие атрибуты, характеризующие номинированный объект.

1. Четко локализуемая хронологическая атрибуция памятников и городской планировки исторического центра Гороховца, город наглядно воплощает историко-архитектурный ландшафт периода второй половины XVII – начала XVIII века.

При том, что во Владимирской области имеется большое количество известных памятников русского зодчества, в целом в России гражданская архитектура XVII века не представлена ни в одном из исторических центров городов в таком объеме, как в Гороховце.

В центре Гороховца сконцентрированы выдающиеся памятники архитектуры XVII – начала XVIII века: ансамбль Сретенского монастыря, Благовещенский собор с церковью Иоанна Предтечи

и приходская Воскресенская церковь. Все эти объекты – узловые точки в планировке древнего посада, сюда же отнесем жилые палаты Ершова-Сапожниковых, Судоплатова, Опарина-Селиных, Канонниковых, Турулова-Румянцевых, Карманова-Белова, Ширяевых.

Во взаимодействии с этим уникальным комплексом памятников вступают доминанты ансамблей Никольского монастыря на Пужаловой горе и заречного Знаменского монастыря, а также расположенная на некотором отдалении Всехсвятская церковь.

Уникальная застройка исторического центра, играющая ведущую роль в панораме города, особенно живописно раскрывается от реки и с Пужаловой горы.

Рис. 1. Вид на город с колокольни Никольского монастыря на Пужаловой горе.

2. Органично объединяется с окружающим природным ландшафтом. Противоположный берег реки Клязьмы никогда не застраивался, что само по себе уникально и способствует визуальному раскрытию исторических панорам, соответствующих видам XVII – начала XVIII века.

Гороховец является выдающимся образцом взаимосвязи городского ансамбля второй половины XVII века с хорошо сохранившимися образцами гражданской и церковной архитектуры в сочетании с холмистым нагорьем и речной поймой.

Особенное качество объекта – наличие хорошо организованной и обладающей целостной символикой и поэтикой структуры.

Для русских городов до XVIII века, как новых, так и построенных в XVI–XVII веках, свойственны черты, которые позволяют называть их ландшафтными городами свободной планировки.

Сохранившиеся планы русских городов XVII века показывают, что их застройка зависела в значительной мере от топографических условий. Направление дорог, ведущих к городу, наличие оврагов, склонов, берегов рек и ручьев определяли естественное расселение.

Эта система предполагает соответствие расположения строящихся зданий, их комплексов, этажности (высоты) и ориентировки по естественному ландшафту – низким и высоким местам, косогорам и оврагам, предполагает связь с естественными водоемами, выделение зданий-доминант, видимых из всех точек соответствующего района города, достаточные расстояния между зданиями и кварталами застройки, образующие «прозоры» и противопожарные зоны. Этим особенностям в значительной степени было лишено строительство по регулярной планировке.

Отличительной чертой свободной планировочной системы являлось внимание к художественному облику города. Красота была доминирующим принципом градостроительства. Положенная в основу формирования облика города, она обеспечивала гармоническую увязку городской застройки со спецификой природных ландшафтов.

Такой подход не сковывал творческую индивидуальность зодчих и способствовал разнообразию планов и силуэтов русских городов. Это говорит о большой гибкости системы нерегулярного строительства городов, притом что оно велось не на глазок, а с использованием четких закономерностей.

Застраивая города, русские зодчие руководствовались законом соблюдения и сохранения видов на природные и архитектурные красоты (византийский закон апопсии, отразившийся в русском законодательстве в Кормчих книгах). Наиболее четко прозоры, соблюдение разреженности прослеживаются в планировке городов: Гороховца, Вязников, Смоленска, Вязьмы, Владимира, расположенных на высоких берегах рек. Стремлением соблюдать закон апопсии объясняется отсутствие в русских исторических городах улиц с домами, стоящими строго по красной линии.

Например, в Гороховце дома на набережной то отступают в глубину участка, то выходят на ее красную линию. Такой прием, во-первых,

визуально расширяет уличное пространство, во-вторых, позволяет каждому дому иметь свой вид на окружающий ландшафт.

Тот же принцип уличной застройки использовался в Вязниках, Яропольце, Торжке, Торопце. Отступая вглубь участка или выступая вперед, здания создают живописные кулисы, разбавляющие монотонность, характерную для улиц со смыкающейся застройкой.

Рис. 2. Вид на набережную Гороховца с левого берега Клязьмы.

3. Регулярный план для реконструкции Гороховца 1788 г., в отличие от подавляющего количества городов, не был реализован в полной мере: изменения коснулись только развивающейся части города, лишь слегка затронув часть исторического центра номинируемого объекта.

Городские перепланировки в малых и крупных городах Российской империи приобрели систематический характер начиная со второй XVIII века. В 1763 г. издан Указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо».

Указ послужил началом масштабной градостроительной реформы Екатерины II – стандартизации застройки российских городов в духе классицизма, как одного из проявлений русского Просвещения.

Среди городов, для которых в 1778–1779 гг. были разработаны и воплощены регулярные планы, – Санкт-Петербург, Москва, Казань, Чебоксары, Петрозаводск, Великий Новгород и многие другие. За 34 года были подготовлены генеральные планы, предусматривавшие формирование застройки регулярного типа для 416 городов из 497 существовавших на 1787 г.

В результате этой и последующих реформ, к настоящему моменту в России сохранены единичные локальные планировки городов, демон-

стрирующие городские ландшафты XVII – середины XVIII века с принципами свободной планировки.

Для Гороховца также был разработан регулярный план 1778 г., но он был реализован лишь частично, не в полной мере, в результате чего значительная часть исторического центра сохранила черты поселения XVII века.

Хорошая сохранность и подлинность архитектурных объектов и городского ландшафта в целом подчеркивают историко-культурную ценность и уникальность исторического центра Гороховца.

Рис. 3. Нереализованный регулярный план города, 1836 г. (ГАВО).

4. В Гороховце на территории исторического центра расположено большое количество зданий, представляющих церковную и гражданскую архитектуру XVII – начала XVIII века, образующих единый стилистически выдержанный ансамбль.

После падения Византии Русь становится проводником византийской культуры на своей территории.

В XVI–XVII веках печатаются византийские сборники церковного и светского права, которые касаются и городов. В городах строятся здания, копирующие идеализированный итальянский дворец (палаццо).

Застройка Гороховца в это время имела фактически мессианский характер. Русская церковь считала, что возможно обращать людей к вере не силой, а вот таким убеждением и демонстрацией красивых зданий.

Это было обращение со стороны православной веры к проживающим по соседству лесным и кочевым народам. В том числе строительство на месте бывших укреплений Никольского монастыря является свидетельством культурной политики христианизации населения.

В последней четверти XVII века заметно увеличивается число жилых каменных построек. Двор (владение) боярина, служилого человека или торгового гостя (богатого купца) занимал большой участок. Помимо жилых зданий, здесь помещался огород, в котором росли фруктовые деревья. Вокруг всего владения (и со стороны улицы) высилась ограда. Через ворота вошедший попадал во внутренний двор, в глубине которого располагались каменные палаты или деревянные хоромы. Широкое крыльцо обычно было далеко вынесено. Вокруг двора размещались избы челяди и прочие хозяйственные постройки. Двор, имевший первоначально утилитарное назначение, с течением времени превратился в своеобразную парадную часть ансамбля, где происходили торжественные встречи гостей. Богатое декоративное убранство сосредоточивалось на фасадах, обращенных к улице.

Выразительным примером такого двора является двор палат Ершова (Сапожникова) в Гороховце. Особенно живописны были далеко выдвинутые вперед крыльца. Многие из сохранившихся зданий украшены ордерными деталями, встречающимися в архитектуре храмов.

Рис. 4. Палаты Ершова (дом Сапожникова), ул. Нагорная, д. 4.

При разработке досье вышеперечисленные аспекты сравнительного анализа Гороховца стали основой формирования границ номинируемого объекта, а также границ буферной зоны объекта. Границы включают в себя территорию, сформировавшуюся к концу XVII века, в том числе место основания города – Никольскую гору, часть Пужаловой горы и месторасположение Посада.

Проектный размер территории объекта составляет более 23 гектар.

Формирование территории буферной зоны направлено также на сохранение вышеперечисленных уникальных качеств и характеристик города и городской среды, которые являются значимой частью описания выдающейся универсальной ценности объекта.

Прохождение границ буферной зоны ориентировано прежде всего на установленные и утверж-

денные границы исторического поселения (утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 18.03.2015 г. № 415). Таким образом, в границах буферной зоны объекта хозяйственная деятельность регулируется ограничениями исторического поселения, обеспечивающими как сохранность объектов культурного наследия, так и предмета охраны исторического поселения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аверьянов К. А. Гороховец в истории России: сборник статей. Москва: ИРИ, 2016.
2. Андреев, Н. И. Гороховец: Историко-краеведческий очерк. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1988.
3. Андреев, Н. И. Гороховецкая историческая хроника: сборник историко-краеведческих очерков / Владимир: Транзит-ИКС, 2018.
4. Анкудинов А. И. Гороховец – столица каменных палат России. История объектов гражданской архитектуры г. Гороховца XVII–XVIII вв. Гороховец: ГБУК ВО ГИАМ, 2018.
5. Анкудинов А. И. Прогулки по Гороховцу: путеводитель. Москва: Научный мир, 2016. Перетокин Н. Г. История г. Гороховца, Гороховецкого уезда и района. Дзержинск: [б.и.], 2013.
6. Анкудинов А. И., Колесников А. И., Павлухина М. П. и др. (ред.) Зодчество Гороховца по материалам историко-архитектурных и реставрационных исследований. Москва, 2017.
7. Брунов Н. И. (ред.) История русской архитектуры. Москва: Госстройиздат, 1956.
8. Бунин А. В. История градостроительного искусства. Москва: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953.
9. Грабарь И. Э. (ред.) Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материалы. Москва: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1954.
10. Гуляницкий Н. Ф. Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. Москва: Стройиздат, 1994.
11. Давыдова А. С. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Владимирская область. Труды № 68. Москва, 1978.
12. Добровольская В. Е. (сост.) Традиционная культура Гороховецкого края: Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: В 2-х тт. Москва : Государственный республиканский центр фольклора, 2004.
13. Локтионов Е. Г., Никитин Ю. А. По владимирским проселкам. Владимир: Транзит-ИКС, 2017.
14. Милованов С. И. (сост.) Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв. История и археология: материалы научной конференции / Российская академия наук, Институт археологии, Институт российской истории. Москва: ИА РАН, 2017.
15. Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936.
16. Соловьева Т. Б. (сост.) Описания городов европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг. Москва: Федеральное архивное агентство. Российский государственный архив древних актов. Древлехранилище. 2005.
17. Столетов А. В. Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир: Владимирское кн. изд-во, 1958.
18. Тиц А. А. По окраинным землям Владимирским. Дороги к прекрасному. Москва: Искусство, 1969.
19. Хамматова В. История искусства XVII века. Москва: БИБКОМ, 2013.
20. Щеболева Е. Г. (ред.) Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область, ч. 2. Москва: Наука, 2009.
21. Янин В. Л. Новгород. Москва: Планета, 1991.
22. ГОСТ Р 58204-2018 «Проект охранных зон объекта всемирного наследия». Москва: Стандартинформ, 2018.

АЛЬМАНАХ
ICOMOS

III

СПАСАТЕЛЬНЫЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В ИСТОРИЧЕСКОМ
ГОРОДЕ

Из истории улицы Сретенки

Лихтер Ю. А., Фролов Н. В., Егоров К. А.

В 2021 году при раскопках по адресу: улица Сретенка, 13/26 – Пушкарёв переулок, 26 – был обнаружен свинцовый четырехгранный волчок с еврейскими буквами на каждой грани (№ оп. – 637).

Находка происходит из **сооружения 9 (9а)**, которое состоит из собственно сооружения 9 (горизонт разрушения), ямы над ним и сооружения 9а – засыпанного колодца, значительно заглубленного в материк. Фиксируется на границе квадратов 29К и 30К. На уровне фиксации (-65...-70 см) имеет вид пятна плотной обожженной глины. Зафиксированные размеры сооружения 9 составили 70 x 45 см. В структуре отмечены отдельные кирпичи. С сооружением 9 связаны слои битого кирпича и глины, отмеченные к востоку от сооружения. На уровне -160 см сооружение 9 выглядело как прямоугольное пятно светло-коричневой супеси с щебнем, известью, битым кирпичом, находилось на границе квадратов 30К/31К. Размеры пятна составляли 200 x 180 см. К северу от пятна, примыкая к нему, был зафиксирован верхний венец нижней части сооружения 9а (гл. -151...-153 см). Внешнее заполнение сооружения представлено глиной с битым кирпичом. В нижней части, с уровня -151 см, сооружение представляет собой яму колодца. Заполнение до уровня -260 см (в среднем) представлено темно-коричневой супесью с щебнем, битым кирпичом, известью; до уровня -280 см (в среднем) светлокоричневым суглинком; ниже – темно-коричневая супесь с битым кирпичом и известью. Функциональное назначение сооружения – выгребная яма. Датируется рубежом XIX–XX веков.

Из всего разнообразия находок в этом комплексе помимо волчка упомянем гладкие расписные изразцы – белые с синей кобальтовой рамкой, датирующиеся XIX веком (Киселев, 2005, с. 141, 145), и с мраморовидной поливой, датирующиеся второй половиной – концом XVIII века (Полюлях, 2019, с. 428).

Волчок состоит из длинной вертикальной граненой ручки, ребристого тулова и короткой граненой ножки. Общая высота волчка 2,89 см; высота ручки – 1,68; ширина ручки вверху – 0,33 x 0,31; ширина ручки внизу – 0,41. Высота тулова – 1,18; ширина тулова вверху – 1,85 x 1,82; ширина тулова внизу – 1,83 x 1,80. Размер лопасей: высота – 1,14; ширина – 0,71; толщина – 0,20. Высота ножки – 1,68; ширина ножки вверху – 0,60 x 0,48; ширина ножки внизу – 0,35 x 0,40. Тулово составлено из четырех лопастей, имеющих вид страницы книги. В месте соединения лопастей ивритские буквы: **нун; гимел; эй; шин** (рис. 1). Волчок отлит в рельефную форму с буквами.

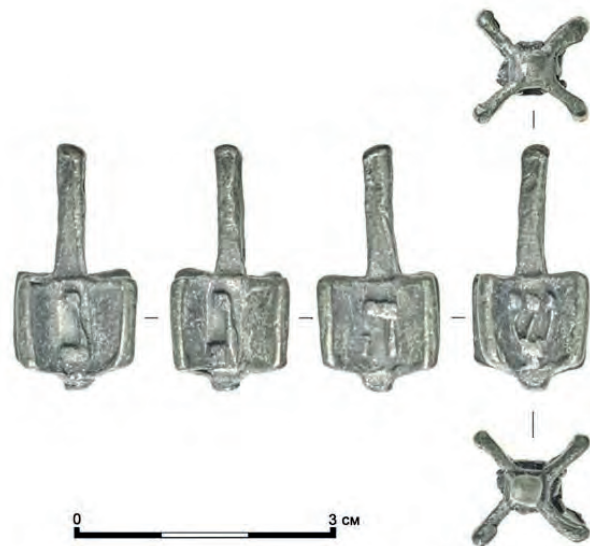

Рис. 1. Волчок.

Такие волчки – принадлежность еврейского религиозного праздника Ханука. На идиш волчок называется дрейдл, на иврите – сэвион. Происхождение Хануки связано с историей государства Иудея. После смерти Александра Македонского Иудея входила в состав царства Селевкидов. Во время правления царя Антиоха IV (II) евреям было запрещено исповедовать иудаизм, а в Храме были установлены статуи греческих богов. Это привело к восстанию под руководством Маккавеев. В 165 г. до нашей эры царские войска были изгнаны из Иерусалима и храм очищен от статуй, поклонение которым запрещает иудейская религия. Храм необходимо было освятить заново и наполнить светильники освященным маслом. В храме был найден небольшой сосуд с освященным маслом, запечатанный еще первосвященником Йохананом. Он один не был вскрыт и тем самым осквернен солдатами. Его должно было хватить на один день, а для приготовления новой порции масла требовалось 8 дней. По религиозному преданию, Всевышний сотворил чудо, и масло в меноре горело 8 дней. В память об этом чуде на праздник Хануки зажигают свечи: в первый день одну, во второй – две и так до восьмого дня, когда горят 8 свечей. В праздничном светильнике – ханукии предусмотрено место еще для одной свечи, называемой «шамес» – служба, от которой зажигают все остальные. Поэтому фактически каждый день горит на одну свечу больше: в первый день две, во второй – три, в последний – девять.

По религиозному преданию, власти империи запрещали евреям изучать Тору (Пятикнижие Моисеево), являвшуюся важной частью еврейской истории и религии. Дети все равно собирались на занятия, но приносили с собой волчки. И когда появлялись стражники, делали вид, что играют. В память об этом в Хануку играют в дрейдл. Игра и связанные с ней обычаи у евреев России в XIX – начале XX века описаны в рассказе «Ханукальные деньги» классика литературы на идиш Шолом-Алейхема (Шолом-Алейхем, 1961. С. 372–386).

На каждую из четырех граней волчка нанесено по букве из еврейского алфавита. Первые три постоянные – нун, гимел, эй. Последней на земле Израиля пишется буква **пей**, а в диаспоре – буква **шин**. Эти буквы представляют собой аббревиатуру фразы «Нэс гадоль ая по (шам)» – «Чудо великое было здесь (там)». За пределами Израиля, в диаспоре (на иврите – галут), говорят «Чудо великое было там» и пишут **нун, гимел, эй, шин** (Телушкин, 1992). На нашем волчке нанесена буква **шин** (рис. 2). В самом Израиле говорят «Чудо великое было здесь» и пишут **нун, гимел, эй, пей** (рис. 3).

Рис. 2.
Буквы еврейского алфавита:
нун, гимел, эй, шин, пей.

Евреи начали селиться в Москве в XVII веке. Среди первых жителей Мещанской слободы в Москве, согласно переписям 1676 и 1684 гг., было несколько евреев-выкрестов. Жили выкресты и в московской Новоиноземной слободе. К 1890 г. число евреев в городе возросло до 40000. В этот период также были построены в Москве главные синагоги, гимназии и благотворительные заведения общины. Большинство из этих зданий находились в районе Марьиной Рощи, в бывшей Немецкой слободе и в Зарядье. На Сретенке существовала Межевая синагога (Мясной переулок, 1 – сейчас Последний переулок). (Лобовская, 2003, с. 10).

Все синагоги, а также молельные дома были расположены, как сейчас принято говорить, в шаговой доступности от мест проживания еврейского населения Москвы XIX века, что важно в том числе для религиозной традиции шаббата, когда запрещено производить определенные действия, например, передвигаться на дальние расстояния.

Рис. 3.
Современный волчок из Израиля
(фото Ю. А. Лихтер).

Скорее всего, с учетом археологической и исторической составляющей ситуации находки волчок мог принадлежать одному из членов еврейской диаспоры – жителей Москвы в конце XIX – начале XX века. Согласно архивным документам, в исследуемом квартале часть земли, принадлежавшей почетной потомственной гражданке Е. М. Котовой, в 1914 г. арендовал Давид Аронович Шустер¹. По данным 1900 г., в доме, выходявшем фасадом на улицу Сретенку, было несколько торговых заведений, среди которых значился табачный магазин Зуслевича².

Таким образом, этот небольшой и на первый взгляд невыразительный предмет открывает нам еще одну страничку истории Сретенки и всей Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 63. Д. 13130.
2. Историко-градостроительные исследования территории по адресу: улица Сретенка, 13/23/26 (квартал № 266). М., 2005. С. 11–12 // ГУОП г. Москвы. Научно-исследовательский методический центр. Документальные фонды. Шифр 139/05.
3. Киселёв И. А. Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков. М., 2005.
4. Лобовская М. А. Путеводитель по еврейской Москве. Евреи в Москве: исторический очерк // Москва еврейская. Сборник статей и материалов. М., 2003.
5. Полюлях А. А. Об одном из видов московских изразцов: изразцы с мраморовидным декором // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Выпуск 15. М., 2019.
6. Телушкин Й. Еврейский мир: Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. М.: Еврейский университет, 1992. 574 с.
7. Шолом-Алейхем. Ханукальные деньги // Шолом-Алейхем, Собрание сочинений. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1961. С. 372–386.

Дьяковские грузики, новое прочтение

Гусаков М. Г., Мешканцев Р. А.

Резюме

Вот уже много лет археологи, занимающиеся эпохой железного века Восточной Европы, пытаются определить назначение и рабочую принадлежность так называемых грузиков дьякова типа. За более чем 150-летний период с времен первой находки были высказаны различные версии предназначения этого предмета. В своей статье мы пытались проанализировать высказанные ранее главные версии принадлежности грузиков и, в свою очередь, предложили свой вариант решения. Для этого мы проделали ряд опытов с грузиками и сковородками и поняли, что наша версия имеет право на существование. По нашему мнению, грузик в комбинации со сковородкой является масляными «жировым» светильником.

«Когда речь идет о дьяковских городищах, трудно умолчать о глиняном грузике дьякова типа. Эта вещь, к сожалению, пока загадочная, но, несомненно, очень важная, ведь это самая частая находка при раскопках городищ. Спереди такой грузик похож контуром на многолепестный цветок, сбоку на грибок. Надо надеяться, что какой-нибудь догадливый археолог со временем объяснит назначение этих предметов, и тогда мы будем лучше понимать быт дьяковцев».

(А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. Материалы и исследования по археологии СССР, № 7, М.-Л., 1947. С. 13.)

Еще раз о грузиках «дьякова типа»

Самый первый вопрос, который задают археологам, – а сколько на самом деле лет Москве. Ну никак не хотят верить, что городская жизнь в нашем городе началась ровно в 1147 г. А ведь до этого что-то было, кто-то жил? Конечно, археологам хорошо известны памятники, оставленные дославянским населением на территории нынешней Москвы. Это городища и селища, многие из которых возникли еще в I тысячелетии до н. э., когда наступила новая эпоха – железный век. Большинство памятников раннего железного века, известных в Москве и Подмосковье, относится к так называемой дьяковской археологической культуре, получившей свое название по имени первого исследованного памятника – Дьякова городища, которое находится на территории музея-заповедника «Коломенское».

В древности памятники дьякова типа занимали значительную часть лесной полосы. Арчал

ее распространения охватывал Верхнюю Волгу, Валдай и Волго-Окское междуречье. Южная граница проходила по Оке. На востоке дьяковское население соседствовало с носителями городецкой культуры. На сегодняшний день на территории современной Москвы известно в общей сложности 40 дьяковских памятников. Их «адреса» знакомы каждому москвичу: Кунцево, Фили, Сетунь, Химки, Тушино, Нижние Котлы, Капотня и др.

История изучения дьяковских памятников Москвы и Подмосковья насчитывает не один десяток лет и связана с именами многих известных отечественных археологов. Слава первооткрывателя принадлежит З. Я. Доленга-Ходаковскому. Это имя стало известно любителям отечественной старины в 1819 г., когда в журнале «Вестник Европы» была опубликована его статья под названием «Разыскания касательно русской истории», где автор впервые обратил внимание читателей на «городки», укрепленные поселения, городища, которые он считал языческими святилищами славян. Статья вызвала большой интерес, и в 1821 г. Зориан Ходаковский отправился в «ученое путешествие», целью которого было выявление и описание древних памятников. Однако сенсационных открытий не случилось, и З. Я. Ходаковский был вынужден прекратить полевые исследования.

Но вопрос остался открытым, что же такое «городки» – языческие святилища или древние поселения? Ответить на этот вопрос могли результаты археологических раскопок, которые начались во второй половине XIX века, и первым исследованным памятником стало Дьяково городище. С тех пор прошло более ста лет. За это время были изучены десятки дьяковских памятников. Особенно интенсивно раскопки стали проводиться после Великой Отечественной войны. Тогда многие городища были раскопаны практически полностью, среди них Щербинское, Троицкое, Кунцевское, Кузнечики, Луковня. Появились научные труды, обобщающие результаты исследований.

В настоящее время наряду с традиционными археологическими методами часто используют методы естественных наук. Применяется радиоуглеродный метод датирования, к археологам присоединяются почвоведы, остеологи, палеоботаники, биологи. Научные исследования позволяют по-новому взглянуть на более чем полутора-тысячелетнюю эпоху, которая предшествовала появлению славян на этой территории.

Начальная фаза раннего железного века (IX–VI века до н. э.) являлась своеобразным переходным периодом между бронзовым веком и эпохой раннего железа. Археологические данные указывают на то, что на рубеже IX–VIII веков до н. э. в бассейне Москвы-реки появилось новое население. Колонизация шла от низовьев реки вверх по ее течению. Судя по данным археологии, поселения раннедьяковского времени были небольшими, располагались близко к реке, невысоко над водой и не имели мощных валов и укреплений, характерных для дьяковских городищ последующего этапа.

В этот период при изготовлении посуды часто использовали ткань, отчего на поверхности сосудов оставались отпечатки «сетки». Другая черта того времени – орнаментация посуды с помощью гребенчатого штампа, зубчатого предмета, оставившего на поверхности керамики характерные отпечатки. И, конечно, одной из характерных находок при исследовании городищ являются многочисленные так называемые грузики.

Грузики дьякова типа (ГДТ) занимают второе место после фрагментов керамики по количеству находок из городищ и поселений железного века лесной полосы Восточной Европы. Долгое время наряду с сетчатой керамикой глиняные грузики считались типичной находкой дьяковской культуры.

Пожалуй, нет городища или селища эпохи железного века, где не находили бы грузики, которые стали известны благодаря раскопкам Дьякова городища В. И. Сизовым в 1897 г. (Сизов, 1897; Кренке, 2011)¹.

Впоследствии А. А. Спицын составил карту распространения грузиков не только из дьяковской культуры, но из всех известных ему в то время памятников, и получилось, что грузики были не только в дьяковской культуре, а на огромной территории. П. Н. Третьяков предложил называть их грузиками балтского типа, но археологам оказалось привычным первое название (Третьяков, 1966, б).

В начале 70-х гг. прошлого века развернутую сводку и систематику в печати грузиков дьякова типа дал К. А. Смирнов. По его представлениям, хронология грузиков вписывается в пространство от IV–III веков до н. э. – V–VI веков н. э. (Смирнов, 1961, 1971). Правда, автор ограничился только грузиками дьяковской культуры (в частности, материалами Троицкого городища). Тем не менее в его сводке были также зафиксированы памятники за пределами дьяковской культуры.

Автор приводит 1427 грузиков из 89 памятников эпохи раннего железного века (далее РЖВ), из пяти археологических культур: культуры штрихованной керамики (далее КШК), днепро-двинской (ДДК), верхнеокской (ВОК), милоградской (МК), дьяковской (ДК). Больше всего грузиков происходило из дьяковской культуры (Смирнов, 1971, с. 89–90). По данным О. Н. Мельниковской, исследователя памятников милоградской культуры, – синхронной раннему периоду ГДТ и распространенной на территории Северной Украины и Белоруссии, – грузики, только извлеченные из городища Горошков, исчисляются цифрой 600 единиц (Мельниковская, 1967. С. 116–122). Однако значительная часть грузиков МК имеют свои специфические особенности, достаточно четко отличающие их из общей массы грузиков РЖВ. Речь прежде всего идет о форме грузиков, подражающих глиняным сосудам. Больше всего грузиков представлено в ДК – 1362 единиц, по последним данным (может быть, и не совсем точным).

В днепро-двинской культуре их насчитывается 158 единиц, такое же число грузиков было опубликовано Мельниковской по материалам МК. Всего численность грузиков, по расчетам М. Г. Гусакова, в то время, когда он писал свои статьи, колеблется в пределах от 1581 (точно зафиксированных) до 2000 единиц.

Обращает внимание тот факт, что при обилии вариантов грузиков есть их общие типы, присущие всем культурам. В первую очередь это грузики так называемой грибовидной формы. Они представлены во всех культурах и легко узнаваемы. Также много грузиков конической формы или в виде усеченного конуса. Часто встречаются грузики типа «катушки», биконические грузики или грузики, у которых форма как бы сделана из двух грибовидных грузиков, соединенных большими основаниями. Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на значительные территориальные расстояния и некоторые различия в материальной культуре, все культуры имеют общие типы форм глиняных грузиков. Из этого вывода следует утверждение, что грузики являются общим признаком для всех «лесных культур».

Дискуссия о происхождении и назначении грузиков ведется уже более 150 лет. По-видимому, она закончится только тогда, когда сумма аргументов будет настолько очевидной для всех, что продолжение темы станет бесполезным.

Одному из авторов этой статьи не раз приходилось обращаться к теме истории и назначения грузиков дьякова типа в печати и в выступле-

ниях на археологических конференциях (Гусаков, 1999, 2003, 2005, 2008), тема эта большая и весьма непростая в своем решении.

Кратко перечислим, чем «называли» грузики. Давно устоялось мнение, что грузики представляют ритуальные предметы, связанные с обрядовой деятельностью древних обитателей лесной полосы в эпоху ЖВ. Главным доводом в пользу версии об их культовом назначении служило наличие орнаментов с изображением солярных знаков и лапидарные изображения животных (Смирнов, 1971; Гусаков, 2003). К этому определению о культовой роли ГДТ добавим еще, что грузики могут являться частью обрядово-религиозной практики (элементом), наряду с глиняными зооморфными и антропоморфными фигурками, миниатюрными сосудиками, глиняными плитками с точками на плоскостях и сковородками, которых встречалось достаточно много (но они были все в фрагментированном состоянии и редко попадали в издания и тем более в экспозиции музеев). Весь этот набор предметов обычно относился археологами к предметам языческого культа (культов). Надо также отметить, что этот «ритуальный реквизит» присутствует (может быть, не всегда в полном наборе) на многих городищах «лесных культур» эпохи РЖВ.

Версия, что грузики имеют отношение к ткачеству (Черная, 1993; Савенкова, 2017) основана на наличии «потертостей от нитей» в сквозном канале и по основанию грузика. Озадачивает один вопрос, возможно ли нанести такие «потертости» с помощью нити, учитывая твердость поверхности керамического грузика и что при этом произойдет с самой нитью.

Также грузики считали пуговицами, гирьками-разновесами, рыболовными грузиками, пряслицами для веретен, крышками сосудов-светильников, деталями первобытного календаря.

Не станем сегодня долго использовать свои старые размышления, им тоже уже много лет, но время идет, а идея решить проблему принадлежности грузиков продолжает волновать археологов.

Мы давно обратили внимание, что важным элементом для нового подхода стал сквозной канал, и, надо признать, мы не первые в своем предположении, что грузик может являться составной частью светильника. Но вместе с ГДТ предлагаем обратить внимание на такой предмет, как сковородка, который мы уже упоминали ранее.

Нет сомнений, что основным источником света и тепла в жилище ЖВ являлся открытый очаг.

Но был ли он единственным источником света, достаточным для ведения хозяйственной жизни в темное время суток, был ли необходим в теплое время года – маловероятно, соответственно, дополнительное освещение было просто необходимо. Многочисленные археологические источники ответа на этот вопрос не дают.

Массовое присутствие грузиков, исходя из площади городищ, заставляет задуматься о функционально-бытовом использовании данных изделий и возможном их пребывании в жилище далеко не в единственном экземпляре. Достаточно сказать, что только в Троицком городище было найдено 595 грузиков (Гусаков, 2008).

К сожалению, из-за фрагментарности, сковородки почти «избежали» пристального внимания археологов, о них удивительно скудная информация, конкретная статистика по сковородкам не редко отсутствует («многочисленные глиняные сковородки». «Стенки их не высокие, орнаментированы насечкой. Иногда днище с верхней стороны украшено ямками», «найденны в верхних слоях», так пишет А. В. Успенская в своем отчете по городищу Подмоклово (Успенская, 1958, С. 18). И. Г. Розенфельдт приводит следующие сведения о сковородках в Щербинском городище: «Нам представляется, что в первой половине I тыс. н. э. глиняные сковородки еще не были распространены, и мнение об их раннем появлении могло возникнуть в результате суммарного анализа материалов из нестратифицированных комплексов многослойных памятников» (Розенфельдт, 1974. С. 131–133). И еще одно замечание, И. Г. Розенфельдт в первой своей публикации о керамике дьяковской культуры (речь шла о Троицком городище), сообщает, что в этом первом, раскопанном в послевоенное время дьяковском городище сковородок не найдено.

На городищах: Надежда, Мужитино, Николо-Ленивец, Свинухово, Гремячево, Огубское – есть сковородки. В памятниках 2-й группы: Свинухово, Мощины, Огубское, Федяшево, Серенск, хронология которых II–III века н. э. (Никольская, 1959. С. 37–57), – сковородки также присутствуют.

Приведем примеры хронологии сковородок в мощинской культуре, которые приводятся в книге А. М. Воронцова. Мы находим, что в период середина II – 2-я пол. III века н. э. о сковородках ничего не сказано, но в период конец III – середина IV века сковороды уже представлены. Аналогичная картина повторяется в период 2-й пол. IV века. В период IV–V веков глиняные сковороды представлены достаточно широко (Воронцов, 2013, С. 26–42; Воронцов, Столяров, 2015. С. 9–56). Таким образом, мы видим, что хронология грузиков и сковородок частично совпадает.

Рис. 1. Грузики дьякова типа.
Фото Музей археологии Москвы.

Заметим, что даты, или хронология предметов, все время поправляются.

У грузика ДТ есть сквозной канал (диаметр 5–7 мм), который можно снабдить фитилем, смоченным в масле. Мы предлагаем установить его в сковороду – предмет, который может служить емкостью под масло (жиры растительного либо животного происхождения с необходимой текучестью для впитывания фитиля). Так получается, что в дьяковской культуре сковородки не всегда присутствуют, и мы не настаиваем на ней как на единственно возможной. Сковорода, конечно же, сформировалась не сразу у дьяковцев, ее путь до них был весьма долгим с берегов Припяти, Сейма и Десны.

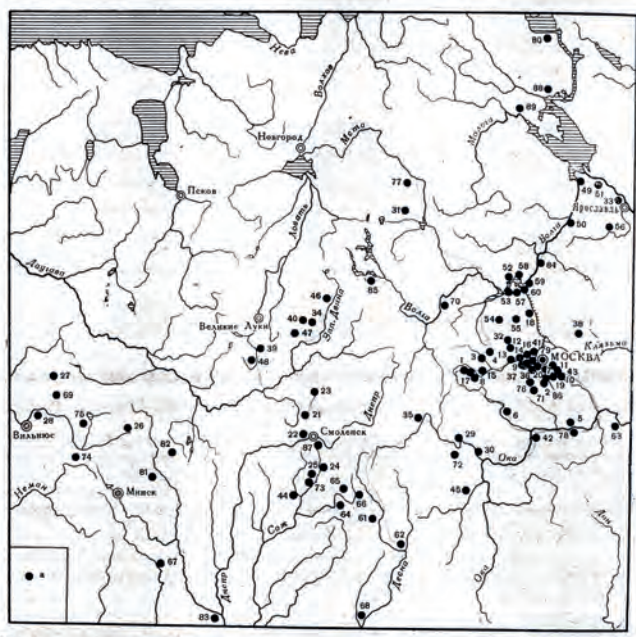

Рис. 2. Карта распространения грузиков дьякова типа. Фото из интернета.

Вероятнее всего, первоначально грузик, т. е. держатель фитиля, устанавливался в миску либо горшок баночной формы, небольшой высоты, чтобы данная комбинация сохраняла устойчивость. Тем не менее в своем эксперименте мы сосредоточились именно на сковородке, т. к. мы можем констатировать: сковорода гораздо проще в производстве, низкий бортик сковородки способствует большей отдаче света, в то же время в научной среде нет описаний присутствия нагара на внешней стороне сковородки, что дает нам основание предположить, что данный предмет обихода не использовался в том качестве, которое ему приписывают, т. е. как сковорода.

Рис. 3. Реконструкция городища Березняки.
Рисунок.

Также мы хотим указать на ряд обстоятельств – грузик в верхней части часто находят с налетом локального нагара, верхний выход канала часто бывает поврежден – «глиняные грузики со следами сработанности в канале» (Кренке 2010. Рис. 70, с. 368), вероятно, это вызвано постоянной прочисткой канала, протяжкой в процессе горения и установкой нового фитиля. Грузик, как правило, имеет вогнутость основания и достаточно часто тонкие желобки на нем, проходящие по диагонали через сквозной канал (рис., табл., Смирнов, 1971), нанесенные осознанно с помощью инструмента, эти особенности конструкции могли бы способствовать подтоку масла к фитилю. Известны случаи находок грузика со шнуром, который, по нашему мнению, сохранился благодаря пропитке маслом, которое послужило веществом, замедлившим процесс разложения органической структуры шнура.

Исходя из вышеуказанных наблюдений, можно предположить, что перед нами представлен комплекс светильника, в который включены держатель фитиля, т. е. ГДТ, и емкость для масла, представленная в виде так называемой сковородки.

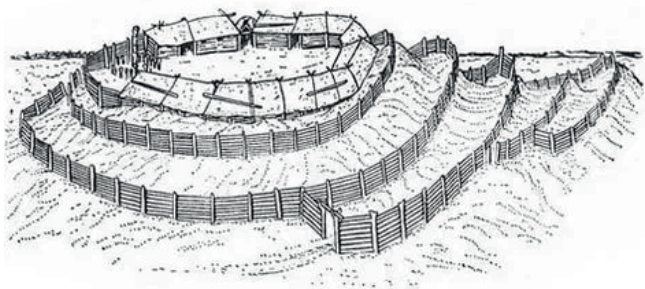

Рис. 4. Реконструкция городища
Тушемля. Рисунок.

Для того чтобы убедиться в своем предположении, мы решили изготовить грузики и сковородки и применить их в качестве «светильников» в бытовой обстановке. Все предметы были обожжены в костре, чтобы имитировать очаг жилища.

Рис. 5. Дьяково гор. Изделия из кости.
Собрание ГИМ. Фото.

Как часто пишут в литературе, обжиг «дьяковцы» проводили в «костровой яме», и мы, в сущности, сделали то же самое (Розенфельдт, 1974, С. 127–182). После того как был закончен обжиг, сделаны шнуры из льняной пакли, а в качестве пропитки шнура и топлива, налитого в сковородку, было использовано льняное нерафинированное масло. (Вероятно, у дьяковцев были и иные источники топлива, но мы использовали наиболее доступный и, как нам кажется,

простой вариант, предположительно существовавший как в исторический период дьяковской культуры, так и сейчас.) В ходе эксперимента составленный светильник дал достаточно большую площадь освещения, низкий бортик сковородки способствовал большей отдаче света, масло в сковороде в то же время выполняло функцию отражателя света, пламя устойчиво и стабильно, время горения без дополнительного обслуживания (протяжки фитиля и долива масла) составило 55 минут, а сам светильник был устойчивой конструкцией, что гарантировало низкую пожароопасность и позволяло легко перемещать его в пространстве.

Рис. 6. Дьяково гор. Посуда из глины.
Собрание ГИМ. Фото.

Учитывая возможные диаметры сковородок – «диаметр их 17–20, иногда 25 см» (Успенская, 1959. С. 18), мы попробовали установить в нее одновременно три грузика, т. е. держателя фитиля, светильник продолжал функционировать (фото 6), площадь освещения его, соответственно, увеличилась.

В результате проведенных экспериментов мы убедились, что вариант комбинации грузика и сковородки в качестве светильника жизнеспособен и нуждается в дальнейшем рассмотрении. В ходе изысканий мы получили экономичный, относительно пожаробезопасный, достаточно простой в производстве и эксплуатации, эффективный масляный светильник.

Рис. 7. Дьяково гор. Фигурки и грузики из глины.
Собрание ГИМ. Фото.

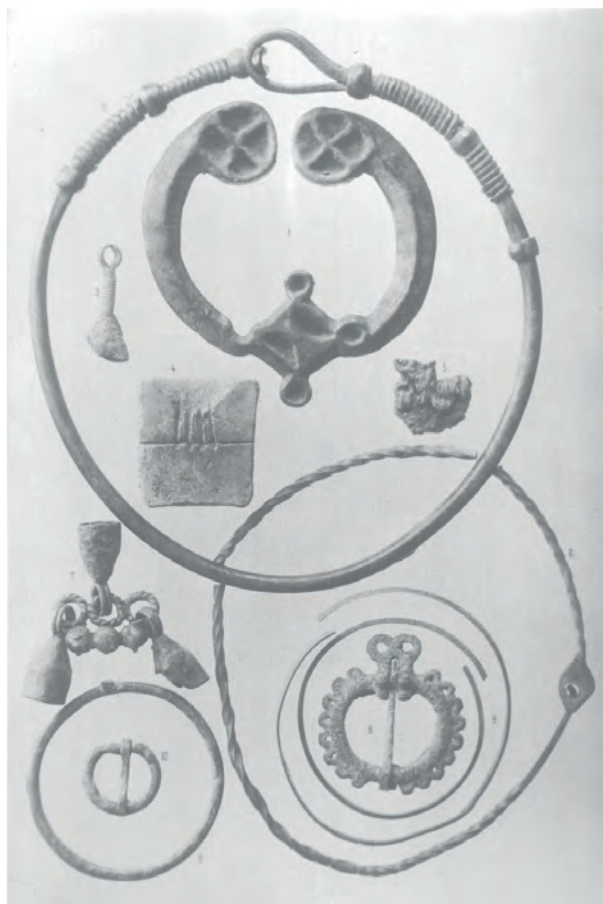

Рис. 8. Дьяково гор. Изделия из металла.
Собрание ГИМ. Фото.

Рис. 9. Реконструкция грузиков дьякова типа.
Фото автора.

Рис. 10. Реконструкция грузиков дьякова типа.
Фото автора.

Рис. 11. Реконструкция использования грузиков дьякова
типа в качестве светильников. Фото автора.

Рис. 12. Реконструкция использования грузиков дьякова типа в качестве светильников.
Фото автора.

Рис. 13. Реконструкция использования грузиков дьякова типа в качестве светильников.
Фото автора.

Рис. 14. Реконструкция использования грузиков дьякова типа в качестве светильников.
Фото автора.

Рис. 15. Реконструкция использования грузиков дьякова типа в качестве светильников.
Фото автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула, 2013. С. 24–42.
2. Воронцов А. М., Столяров Е. В. Городище Велегож на правом берегу Верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть I. Тула, 2015. С. 9–56.
3. Гусаков М. Г. «Грузики дьякова типа»: проблема назначения // Тезисы докладов на конференции «Развитие цивилизации и Новый Свет: Первые Кнорозовские чтения. РГУ». М., 1999. С. 85–87.
4. Гусаков М. Г. О грузиках «дьякова типа» (к вопросу о систематизации и назначении). Ст. 49–60 в сборнике «Матэрыялы на археалогіі Беларусі» №7 Минск, 2003).
5. Гусаков М. Г. Грузики «дьякова типа» в бассейнах Днепра и Волги в железном веке // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005. С. 69–71.
6. Гусаков М. Г. Глиняные грузики и таблички дьяковской культуры / К вопросу об их назначении // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 2. Тверь, 2008. С. 51–64.
7. Кренке Н. А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.: ИА РАН, 2011. – 548 с.
8. Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
9. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в 1 тысячелетии н.э. МИА. № 72. М., 1959. С. 37–57.
10. Розенфельдт И. Г. Древнее поселение в Подмоскowie // МИА. № 184. М., 1971. С. 64.
11. Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 90–182.
12. Савенкова М. М. Экспериментальная реконструкция текстильных технологий у населения Восточной Европы начала железного века на основе дизайн-анализа керамического археологического материала // Археология евразийских степей (эпоха бронзы и ранний железный век. № 4. Казань, 2017. С. 297–303.
13. Сизов В. И. Дьяково городище близ Москвы // Труды IX Археологического съезда. Т. 2. М., 1897.
14. Смирнов К. А. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа // СА. № 3. М., 1961. С. 45–55.
15. Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // МИА. № 184. М., 1971. С. 80–98.
16. Третьяков П. Н. а. Финны – угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. –Л., 1966.
17. Третьяков П. Н. б. О ранних и поздних городищах дьякова типа // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966. С. 19–197.
18. Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 40–118.
19. Успенская А. В. Отчет о раскопках на городище Подмоклово. 1958.
20. Чернай И. Л. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1993. С. 35–47.

Новые памятники эпохи неолита и бронзы на территории Москвы

Беркович В. А., Пономаренко А. К., Фролов Н. В., Ушакова Н. А.

В процессе исследований культурного слоя Москвы, производимых ООО «Археологические изыскания в строительстве» на объектах в разных районах города, среди находок периодически встречаются изделия эпохи камня и бронзы. Как правило, они переотложены в процессе активной строительной и хозяйственной деятельности, сопровождавшей формирование культурного слоя Москвы. Нет сомнений в том, что такие находки местного происхождения «подняты» из разрушенного культурного слоя эпохи камня или бронзы. На сохранившихся участках неолитического культурного слоя в раскопах на Гоголевском бульваре, владение 12, строение 1 и в Китайгородском проезде, вл. 9/5 комплексы находок зафиксированы *in situ*.

Ключевое значение для определения культурной принадлежности московских находок имеет корреляция находок с территории Москвы с аналогами из опорных комплексов находок датированных культурных слоев многочисленных стратифицированных памятников эпохи неолита и бронзы междуречья Волги и Оки, в том числе бассейна Москвы-реки.

Такие находки привлекают внимание уже более двух веков. Впервые попытку обобщения значительного объема материала по археологическим памятникам Москвы и ее окрестностей предпринял О. Н. Бадер (Бадер, 1947). В большом и подробном каталоге описанных памятников разного времени есть несколько местонахождений каменных изделий и фрагментов керамики эпохи неолита и бронзы.

Хотя в первой половине XX века такие находки были малочисленны, О. Н. Бадер считал, что в пойме Москвы-реки неолитические стоянки есть, и в немалом количестве. (Бадер, 1947. С. 157).

Одна из неолитических стоянок была расположена на левом берегу Москвы-реки в 800 м от бывшей д. Шукино. Она была осмотрена Н. О. Криштафовичем в 1890-е гг., С. К. Богоявленским в 1903 г., Б. А. Куфтиным, М. В. Воеводским, М. В. Таликим в 1924–1933 гг., Б. Е. Янишевским в 1990-е гг. О. Н. Бадер приводит сообщение М. В. Воеводского о том, что в мае 1924 г. им с Б. А. Куфтиным эта стоянка была обследована. В заложенном шурфе были найдены обломки глиняной посуды – 57 фрагментов, принадлежавших одному сосуду. Форма сосуда полуяйцевидная, диаметр венчика 31,5 см, толщина стенок 7 мм. Венчик прямой. Край слабо скошен с внут-

ренней стороны наружу, с внутренней и наружной стороны покрыт рядом частых, коротких, косо поставленных отпечатков зубчатого штампа. Все поле наружной поверхности сосуда без промежуточных покрыто глубокими круглоямочными вдавлениями, расположенными густыми рядами. Каждое вдавление имеет коническое дно и выступает на внутренней поверхности сосуда в виде полугорошины. На сплошном ямочном поле сосуд опоясывался в нескольких местах узкими поясками из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа и, в другом случае, стержнем, обвитым шнуром. Кроме керамики были найдены кремневые наконечники стрел, фрагменты ножей и другие кремневые изделия. Время существования Шукинской стоянки по керамике, по мнению О. Н. Бадера, поздний неолит, конец III тыс. до н. э. или начало II тыс. до н. э. (Бадер, 1947. С. 121–122, рис. 5; АКР, часть 1, 2020. № 42. С. 117).

Находки у д. Шукино были первыми зафиксированными находками льяловской керамики еще до открытия льяловской культуры Б. С. Жуковым, производившим в 1925 г. раскопки стоянки Льялово (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 173).

О. Н. Бадер отметил в каталоге также случайные находки изделий из кремня эпохи неолита. В Москве между Перовым и ст. Фрезер (ныне ст. Андроновка), на правом берегу речки Нищенки были найдены «кремневые осколки, среди которых В. А. Городцовым определен один нуклеус» (Бадер, 1947. С. 104).

На правом берегу Москвы-реки «у воды немного выше Крымского моста на территории Центрального парка культуры и отдыха им. Горького в 1921 или 1922 г. студентом кафедры антропологии МГУ Н. В. Шмидтом был найден кремневый нуклеус красно-коричневого цвета, очень тонкий, с восемью гранями и отбитой площадкой основания» (Бадер, 1947. С. 129).

О редькинской неолитической стоянке О. Н. Бадер приводит описание Коняшина: «Расположена на мысу, образуемом р. Пахрой и оврагом, идущим от деревни Редькино, на левом берегу р. Пахры. Пахотный слой пепелистого цвета насыщен осколками кремня с несомненными признаками искусственного откола. В этом месте собрано много тонких ножевидных пластинок, один кусок кремня, похожий на нуклеус, скребок и еще одно кремневое орудие...» (Бадер, 1947. С. 155).

В 1886 г. у с. Косино (сейчас это восточная окраина Москвы) раскопки курганов производил

Н. И. Лыжин. В отчете он писал, что «на месте распаханных курганов... находят на пашнях кремневые наконечники стрел. Два наконечника стрел найдены у погребения одного из курганов...» У черепа найден кремневый наконечник стрелы и точно такой же – у ног. Н. О. Бадер предположил, что курганные группы на берегах Святого озера у с. Косино были сооружены на месте неолитических стоянок (Бадер, 1947. С. 105).

Рис. 1. Места находок изделий эпохи неолита и бронзы на геоморфологической карте г. Москвы.

В 1973–1974 гг. в Москве на территории Крутицкого дворцового комплекса XV–XVIII веков археологические исследования были проведены сотрудником Экспериментальной специальной научно-реставрационной производственной мастерской Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Э. А. Юркевичем (Юркевич, Отчет... М., 1974). Отчет о раскопках попал в непрофильный архив и до 2021 г. был неизвестен исследователям. В этой статье впервые публикуются материалы отчета о кремневых изделиях эпохи неолита, найденных при раскопках на Крутицком подворье.

Крутицкий ансамбль памятников расположен на всхолмленной поверхности третьей надпойменной террасы левого берега реки Москвы в 3 км к юго-востоку от Московского кремля и в 2 км южнее устья реки Яузы. Вершина прибрежного холма, на которой расположен дворцовый комплекс, ограничена двумя лощинами, по дну которых два века назад текли ручьи Сара с северной стороны (теперь проезд от Новоспасского моста к Крестьянской площади) и Подон с южной стороны (ныне Арбатецкий переулок) (Юркевич, Отчет... 1974. С. 2) (рис. 1).

УСЛОВНЫЕ
 ОБОЗНАЧЕНИЯ к рис. 1.

1. М. и Б. Харитоньевские переулки.
2. Соймоновский проезд.
3. Китайгородский проезд.
4. Гоголевский бульвар.
5. Поварская улица.
6. Покровский бульвар.
7. Сретенка улица.
8. Софийская набережная.
9. Парк «Зарядье».
10. Колпачный переулок, 9А
11. Крутицкий дворцовый комплекс XV–XVIII вв.

▲	Находки эпохи неолита (2015-2019 гг.)	Флювиальный аккумулятивно-денудационный рельеф
■	Находки эпохи бронзы (1997, 2015-2016 гг.)	пойма рек Москвы и Яузы и их притоков по воорстановленному рельефу
□	современная гидросеть (площадные, в масштабе карты, объекты) реки, пруды, озера	1 надпойменная терраса (Серебряноборская)
—	современная гидросеть (линейные, в масштабе карты, объекты) мелкие речки и ручьи	2 надпойменная терраса (Мневниковская)
▨	реконструкция погребенной гидросети (площадные, в масштабе карты, объекты) реки, пруды, озера	3 надпойменная терраса (Ходынская)
---	реконструкция погребенной гидросети (линейные, в масштабе карты, объекты) мелкие речки и ручьи	Гляциальный аккумулятивный рельеф
—	талъеги существующих оврагов	пологоувалистая равнина на моренных отложениях московского возраста
---	реконструкция талъегов погребенной овражно-балочной сети	склоны различной крутизны, сформированные на выходах моренных отложений
—	городская дорожная сеть	Флювиогляциальный аккумулятивный рельеф
		плоские поверхности на флювиогляциальных отложениях
		склоны различной крутизны по флювиогляциальным отложениям различного возраста
		рельеф сформированный современной и верхнечетвертичной озерной и болотной аккумуляцией
		Гравитационный аккумулятивный рельеф
		крутые склоны, обнажающие выходы коренных пород

Раскоп 1 площадью 80 м² был расположен на площади перед северной стеной Воскресенской церкви. Раскоп был доведен до материка. Мощность исследованного напластования составила до 150 см. Раскоп 2 площадью 144 м² был расположен во дворе между Митрополичьими и Набережными палатами, примыкал к Набережным палатам. Раскопки были остановлены на глубине 80 см (рис. 2).

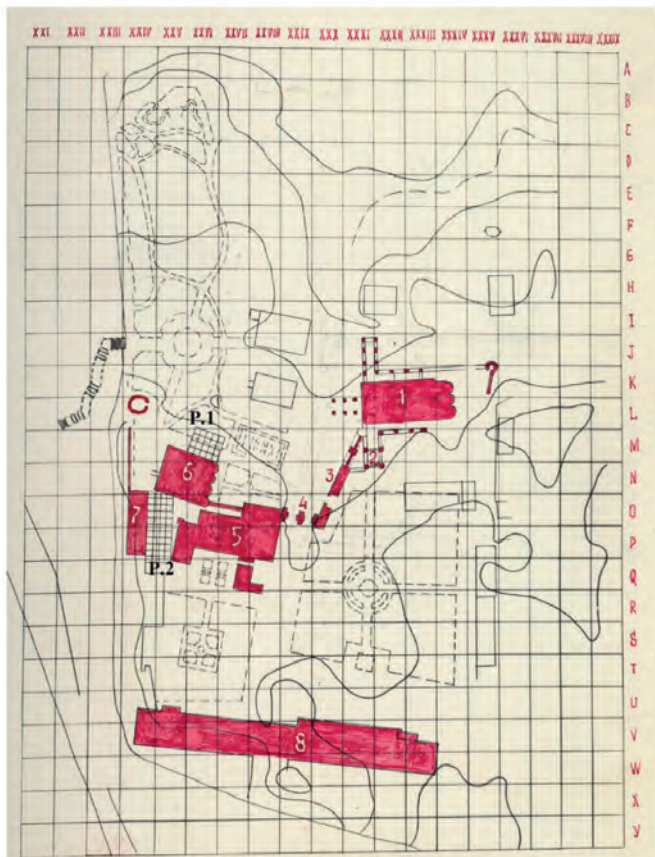

Рис. 2. Крутицкий дворцовый комплекс.
 Ситуационный план (Юркевич, Отчет..., М., 1974 С. 57).

1. Успенский собор. 2. Колокольня. 3. Переходы. 4. Теремок.
5. Митрополичьи палаты. 6. Воскресенская церковь.
7. Набережные палаты. 8. Приказные палаты.
9. P1; P2 – раскопы 1 и 2.

Структура слоя, зафиксированная в раскопах, – супесь мешаная, разноцветная, темноокрашенная, включавшая прослойки и слои угля, строительного мусора (разные фракции битого кирпича, извести, песка, глины). В нижнем горизонте слоя в раскопе 1 зафиксированы разрушенные погребения. Культурный слой подстилали стерильные отложения материка, поверхность которого была изменена в XV веке с началом там строительной и хозяйственной деятельности (рис. 3).

В культурном слое на разных глубинах были обнаружены переотложенные, предположительно, из существовавшего там, но разрушенного неолитического культурного слоя фрагменты «кремневых желваков со следами искусственной обработки, а также вполне законченные орудия – скребки, которые, по определению О. Н. Бадера, посетившего раскопки в марте 1974 г. вместе с М. Г. Рабиновичем и А. Г. Векслером, могут быть отнесены к эпохе неолита – III–IV тыс. до н. э.» (Юркевич. Отчет... 1974. С. 23; с. 144, рис. 90).

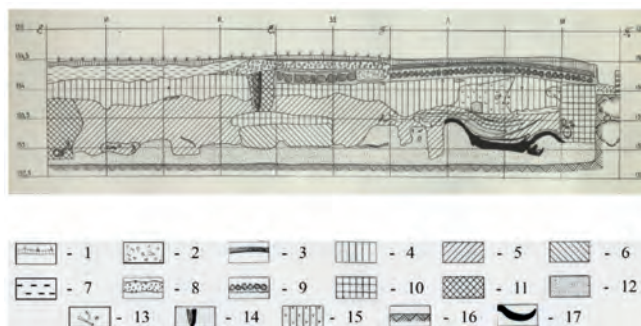

Рис. 3. Крутицкий дворцовый комплекс.
 Разрез культурного слоя
 (Юркевич, Отчет..., М., 1974 С. 59)

1. Дерн. 2. Кирпичная крошка. 3. Асфальт.
4. Гумусированная супесь. 5. Коричневая запесчаненная супесь. 6. Зеленовато-коричневые прослойки. 7. Глина. 8. Известь. 9. Камни мостовой.
10. Древняя траншея. 11. Перекоп. 12. Материк.
13. Человеческие кости. 14. Деревянный столб.
15. Темно-серая супесь. 16. Граница раскопа.
17. Углистый слой.

В отчете на рисунках девяти изделий из кремня, на которых, к сожалению, не указан масштаб, графически зафиксирована вторичная обработка отщепов крутой отжимной ретушью.

На дорсальной стороне одного из скребков сохранились негативы предшествующего снятия ножевидных пластин с призматического нуклеуса. Вероятно, этот скребок был изготовлен на отщепе подправки фронта скалывания призматического нуклеуса (рис. 4).

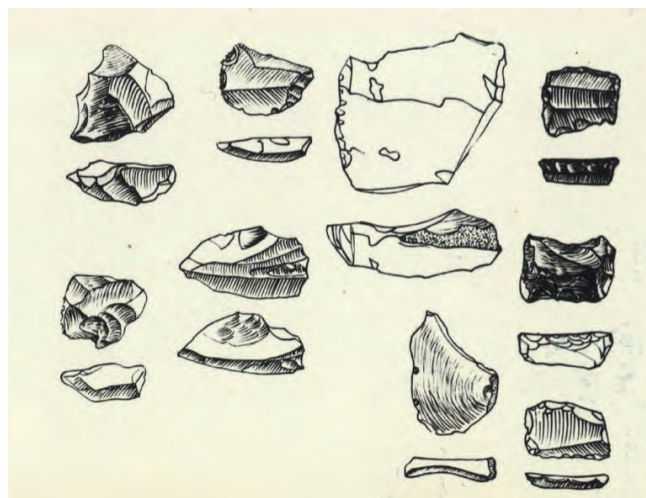

Рис. 4. Крутицкий дворцовый комплекс.
 Изделия из кремня, найденные в культурном слое на разных глубинах (Юркевич, Отчет..., М., 1974 С. 144).

В каталоге памятников Москвы и ее окрестностей кроме неолитических стоянок О. Н. Бадера называл несколько местонахождений каменных сверленных «боевых топоров фатьяновской культуры», существовавшей на территории всего Подмосковья. Фатьяновские и поздненеолитические памятники, по мнению О. Н. Бадера, сосуществовали (Бадер, 1947. С. 157).

В 1928 г. «при земляных работах на Боровицком холме в Кремле, на месте церкви Гермогена, на большой глубине был найден сверленный, шлифованный топор из серого кремня, простой формы, типичный для фатьяновской культуры» (Бадер, 1947. С. 129).

При земляных работах на Софийской набережной в 1931 г. был найден «каменный ладьевидный топор». Топор «обушкового типа» был найден в 1934 г. на Русаковской улице (Бадер, 1947. С. 130). В 1997 г. топор со сверлиной был найден на Софийской набережной сотрудником Центра археологических исследований Н. П. Пахомовым в процессе наблюдений за земляными работами.

В 1936 г. при земляных работах на глубокой выемке трассы канала Москва – Волга между реками Клязьма и Химка и при разработке гравийного карьера на высоком берегу реки Учи перед впадением в нее речки Скалбы, напротив фабричных корпусов Ивантеевки были найдены «каменные сверленные шлифованные топоры, типичные для фатьяновской культуры» (Бадер, 1947. С. 95, 96, 101).

На территории Москвы подобных находок известно более 20 (Культура средневековой Москвы..., 2004, рис. 3). В подавляющем большинстве это единичные находки на прибрежных участках (Крылатское, Алёшкино, Дорогомилово, Воробьёвы горы, Нагатино, Измайлово и др.).

В 1999–2000 гг. межрегиональная археологическая экспедиция исследовала на территории Нескучного сада памятник эпохи камня (Воронин, 1999, 2000).

В 2004 г. Н. А. Кренке была опубликована карта и каталог археологических памятников Москвы, в котором указаны, кроме известных уже по сводке О. Н. Бадера, новые находки и памятники эпохи неолита и бронзы (Культура средневековой Москвы, т. 1. 2004. С. 326–378, рис. 3). А в 2020 г. Б. Е. Янишевским, Н. А. Кренке, С. З. Черновым опубликован полный каталог археологических памятников Москвы в серии «Археологическая карта России» (Археологическая карта России. Москва. Часть 1. ИА РАН. М., 2020). В каталоге названы памятники эпохи бронзы и несколько памятников, на которых были найдены изделия эпохи камня.

Селище Коломенское-1. Расположено на надпойменной террасе правого берега Москвы-реки высотой до 16 м над урезом воды на территории музея-заповедника «Коломенское». Найден «один фрагмент лепной неолитической керамики с ямочным орнаментом» и более поздняя керамика (Культура средневековой Москвы, т. 1. 2004. С. 342).

Там же, на территории музея-заповедника «Коломенское», в поверхностном слое аллювиальных отложений на правом берегу реки Москвы в устье Городищенского (Дьяковского) ручья расположена стоянка Дьяково. Обследована С. Е. Армяговым в 1975–1976 гг. Найдены фрагменты лепной неолитической керамики с ямочно-гребенчатыми отпечатками, кремневые отщепы, обломок костяного гарпуна, датированные кон. IV – нач. III тыс. до н. э. (АКР, часть 1, 2020. № 244. С. 216).

Дьяково городище. Расположено также на территории музея заповедника «Коломенское» на правом берегу Москвы-реки высотой 42 м над урезом воды, при излучине реки. Памятник обследовался К. Ф. Калайдовичем до 1821 г., З. Я. Ходаковским в 1821 г. Исследовался Д. Я. Самоквасовым в 1872 г., Г. Д. Филимоновым в 1875 г., В. И. Сизовым в 1889, 1890, 1893 гг., Ю. В. Готье в 1921 г., О. Н. Бадером в 1926 г., К. Я. Виноградовым в 1935 г., Н. А. Кренке в 1980–1987 гг., А. Г. Векслером, И. А. Бойцовым, А. О. Ладыченко в 2001–2003 гг. В переотложенном культурном слое были найдены тесло неолитического возраста, пластина с ретушью и нож на пластинчатом отщепе, обломок тесла (Бадер О. Н. 1947. С. 141–145; Культура средневековой Москвы, т. 1. 2004. С. 343; АКР, часть 1, 2020. № 246. С. 218).

В 50 м к востоку от городища на «оползневом всхолмлении в пойме правого берега реки Москвы» расположено поселение Дьяково – пойма, исследованное Н. А. Кренке в 1983, 1985 гг. и А. Г. Векслером в 2002 и 2003 гг. Среди находок разного времени – неолитический кремневый наконечник дротика (Культура средневековой Москвы, т. 1. 2004. С.343; АКР, часть 1, 2020. № 245. С. 217).

В 2006 г. Н. А. Кренке, Т. Н. Бакуновой, П. Е. Русяковым было исследовано поселение Борисово, расположенное на правом берегу реки Городня (ныне – Борисовский пруд) правого притока реки Москвы, в урочище Овражки. Среди находок разного времени – кремневый нуклеус и орудие на пластине, датированные неолитом – эпохой бронзы (АКР, часть 1, 2020. № 227. С. 207).

Поселение Алёшкино также датировано неолитом – эпохой бронзы. Оно расположено на терра-

се правого берега руч. Чернавка, правого притока реки Химка (ныне – Химкинское водохранилище). Памятник обследован С. Е. Армяговым в 1971 г., Н. А. Кренке в 1990-х гг. и Б. Е. Янишевским в 2014 г. Найдены кремневые скребки, наконечники стрел и дротика, полированный топор-клин, фрагменты лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, датированные III–II тыс. до н.э., а также керамика и каменный топор фатьяновской культуры эпохи бронзы (АКР, часть 1, 2020. № 1. С. 101).

Городище Царицыно. Расположено на территории музея заповедника «Царицыно». Обследовано В. В. Мильковым в 1985 г., Л. Л. Галкиным в 2000 г., исследовано Н. А. Кренке в 2002–2006 гг. «В северо-западной части мыса найдены фрагменты керамики фатьяновско-балановской культуры бронзового века с вертикальным или немного отогнутым венчиком, орнаментированные мелкозубчатым или линейным штампом, зигзагами или прямыми линиями, «елочкой»; кремневые орудия: листовидные острия-перфораторы, обломок наконечника стрелы, орудия на пластинах и другие кремневые изделия, а также осколки каменных полированных топоров эпохи бронзы» (АКР, часть 1, 2020. № 293. С. 244).

Городище Капотня, расположенное в Капотне на мысу коренного левого берега Москвы-реки высотой 21–25 м над урезом воды. Обследовалось многими исследователями с 1890-х гг. до 1996 г. Самая ранняя находка на городище – камень со сверлиной (возможно, фрагмент каменного топора бронзового века, подъемный материал 1959 гг.) (Культура средневековой Москвы, т. 1. 2004. С. 365).

Фрагмент фатьяновского топора бронзового века был найден при выполнении земляных работ на территории парка «Зарядье» на 1-й надпойменной террасе (рис. 1.8). Поселение этой же культуры было исследовано в 1996 г. в Нескучном саду К. В. Ворониным (Кондрашев, 2018. С. 23–29).

К концу XX века на территории центра Русской равнины были известны уже сотни неолитических памятников, проведены раскопки стратифицированных, в том числе и многослойных стоянок (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 166–205). Результаты исследований верхневолжской, открытой Д. А. Крайновым в 1972 г., и льяловской культуры, открытой Б. С. Жуковым в 1925 г., обобщены Н. Н. Гуриной и Д. А. Крайновым. К 1996 г. были известны около 140 памятников ранне-неолитической верхневолжской культуры, из которых исследованы более 40 и 300 – льяловской культуры (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 166–180).

Важнейшими памятниками являются стоянки болотного типа, обнаруженные на островах древних озер – ныне суходолах болот и торфяниках. На этих стратифицированных, многослойных памятниках фиксируется сверху вниз стратиграфическое положение слоев льяловской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, слоя ранне-неолитической верхневолжской культуры с гребенчато-накольчатой керамикой и мезолитического слоя бутовской культуры.

Хронология верхневолжской ранне-неолитической культуры по серии радиоуглеродных дат определена в интервале от середины V тыс. до н.э. – до середины IV тыс. до н.э., позже датировка была уточнена. Начало верхневолжской культуры было отнесено к концу VI тыс. до н.э. Базой для формирования верхневолжской культуры является подстилающий мезолитический слой бутовской культуры, который примерно на 350 лет старше. Наиболее ранние даты для льяловской культуры относятся к середине IV тыс. до н.э., поздний этап датируется началом III тыс. до н.э. (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 178–180).

По мнению В. М. Раушенбах, на ранних этапах льяловской культуры кремневая индустрия сохраняет мезолитические традиции: обилие ножевидных пластин, которые использовались для изготовления орудий или использовались без вторичной обработки. Сосуды: остродонные с прямым венчиком, тонкостенные, тесто с примесью песка. Орнамент: конические ямки по всей поверхности сосуда, узкие горизонтальные линии, опоясывающие сосуд из полулунных вдавлений или отпечатков стержня с намотанной нитью. Выделение раннего этапа льяловской культуры остается дискуссионным. Некоторые исследователи ставят под сомнение связь кремневого инвентаря на пластинах с льяловской культурой (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 173).

На среднем этапе льяловской культуры орудия изготовлены из валунного кремня в технике отщепа. Наконечники листовидные, ромбовидные и др. форм. Разнообразен набор неолитического каменного, костяного и деревянного инвентаря. Сосуды: остродонные, полуяйцевидные с прямыми или прикрытыми краями. Глина с примесью песка или дресвы. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда, состоит из глубоких округлых или овальных ямок, расположенных не в шахматном порядке, горизонтальных полос из гребенчатых отпечатков, полулунных вдавлений, шнура, намотанного на стержень, разбивающих сплошной ямочный узор.

Один из ключевых памятников льяловской культуры, исследовавшихся комплексно археологами и специалистами естественно-научного профиля в 1980 – 1990-е гг., – многослойное поселение эпохи камня и бронзы Воймежное-1. Оно расположено на одном из древних озер Волго-Окского междуречья, берег которого заселялся многократно на протяжении трех тысячелетий, с V тыс. до н. э. по начало II тыс. до н. э. Исследования дали возможность уточнить хронологию и периодизацию археологических культур лесной полосы России на протяжении этих трех тысячелетий. Выделены четыре хронологических этапа льяловской культуры: архаичный, ранний, средний и поздний – с рубежа V–IV тыс. до н. э. до конца IV тыс. до н. э. и хронологический горизонт бронзового века – с конца III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 116–119).

Поселение, исследованное Н. А. Кренке на 1-й Звенигородской неолитической стоянке в Подмосковье, датируется им развитым и поздним этапами льяловской культуры (конец V – начало второй четверти IV тыс. до н. э.) (Кренке, 2014. С. 35). Во второй четверти IV тыс. до н. э., по мнению Н. А. Кренке, стоянки льяловской культуры перестали существовать (Кренке, 2014. С. 35, 36).

Исследования на территории Звенигородской биостанции памятника ЗБС-5 (вероятный возраст – 2-я четверть III тыс. до н. э.) и в заповеднике «Царицыно» позволяют, по мнению Н. А. Кренке, понять механизм формирования фатьяновской культуры, которое, вероятно, происходило с середины III тыс. до н. э. или второй четверти этого тысячелетия в западной части Подмосковья. Верхняя дата фатьяновской культуры – конец III тыс. до н. э. Керамика этого периода выделяется по форме и орнаментации горшков с использованием шнура (Кренке, 2014. С. 15, 16).

Вместе с тем по результатам исследований памятников эпохи неолита остаются дискуссионные вопросы, на что обращала внимание А. В. Энговатова (Энговатова, 1997. С. 7). Вероятно, дискуссионной остается и хронология льяловской культуры. По материалам стоянки Воймежное-1, развитой (средний) этап льяловской культуры датируется третьей четвертью – серединой IV тыс. до н. э., поздний этап – концом IV тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 33–35). С этой датировкой не совпадает хронология этих же этапов льяловской культуры, предложенная Н. А. Кренке. Он датирует развитой и поздний этапы льяловской культуры концом V – началом IV тыс. до н. э. (Кренке, 2014. С. 14).

Характеристика комплексов находок и хронология льяловской культуры неолита и фатьяновской

культуры бронзы имеют практическое значение для определения культурной принадлежности и картирования переотложенных находок и находок *in situ* эпохи неолита и бронзы на территории Москвы, культурный слой которой активно изучается специалистами ООО «Археологические изыскания в строительстве» в содружестве со специалистами естественно-научного профиля. Ниже приводятся результаты исследований последних лет культурных напластований на территории Москвы, включая местонахождение изделий эпохи камня и бронзы в границах Садового кольца (рис. 1).

В 2010 г. были проведены раскопки некрополя у перекрестка переулков Малый Харитоньевский, д. 9/13 и Большой Харитоньевский, д. 13/9, расположенного на слабоволнистой поверхности флювиогляциальной равнины в верховьях ручья Черногрязка, правого притока реки Яузы, и речки Рачка – левого притока Москвы-реки (Векслер, Отчет о спасательных археологических работах..., М., 2011 г., рис. 1.1). Напластование было перекрыто слоем балласта – разноцветными супесями, смешанными со строительным мусором и песком. С отметок -160...-170 см до -284...-310 см залегал слой некрополя – коричневая слабоопесчаненная супесь, включавшая повсеместно переотложенные человеческие кости и костяки *in situ*, местами – рассеянные угли, редко – кирпичную крошку, известь. Концентрация включений четкой локализации не имела.

Фоновая поверхность материка была зафиксирована на глубине от -262 до -312 см. Его поверхность была слабо волнистая, без выраженного наклона, сложена хорошо отсортированным крупнозернистым песком и гравием, представляющими собой, возможно, русловую фацию аллювия (временного?) древнего водотока (рис. 5).

В материк на глубину -334...-337 см была врезана могильная яма погребения 51. Она прослежена с уровня -284 см. Нижняя отметка дна -343 см, яма была заполнена коричневой супесью. В яме, кроме частично сохранившейся колоды, костяка, слезницы, нательного креста, был найден переотложенный фрагмент кремневого призматического нуклеуса (Опись 4, № 130, кв. 8, гл. -309 см, рис. 6). находка представляет собой отщеп подправки фронта скалывания призматического нуклеуса из светло-серого кремня. Размеры отщепа: 30 x 24 x 9 мм. На вентральной стороне отщепа отчетливо выражены ударная площадка, ударный бугорок и радиальная лучистость. На дорсальной стороне – три негатива снятия ножевидных пластин шириной 11–12 мм. Предположительно, находка относится к ранне-неолитической верхневолжской культуре, датирую-

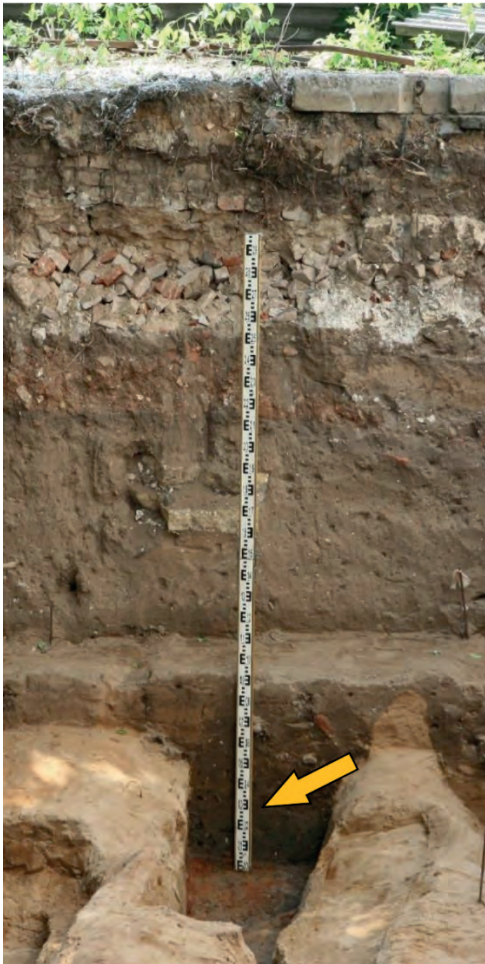

Рис. 5. Малый Харитоньевский пер., д. 9/13;
 Большой Харитоньевский пер., д. 13/9.
 Фрагмент юго-западного профиля.
 Стрелкой указано место и уровень
 находки фрагмента призматического нуклеуса
 в заполнении погребения 51.

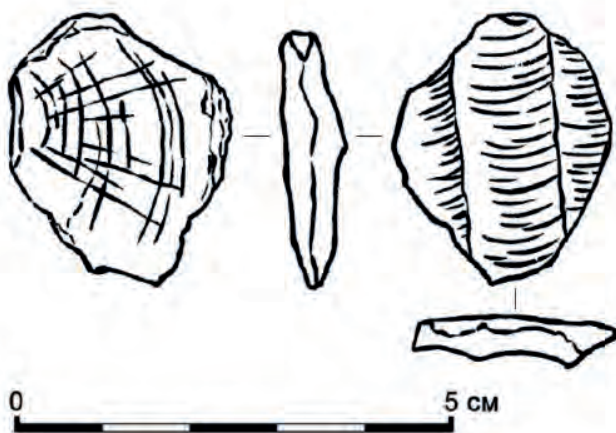

Рис. 6. Малый Харитоньевский пер., д. 9/13;
 Большой Харитоньевский пер., д. 13/9.
 Фрагмент кремневого призматического нуклеуса.

щейся с конца VI тыс. до н. э. – до середины IV тыс. до н. э. (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 166, 167).

В 2015–2016 гг. раскопки были проведены в Соймоновском проезде, вл. 3 (Беркович, Отчет... М., 2019). Четыре раскопа общей площадью 682 м² были заложены на левом берегу реки Москвы при впадении в нее руч. Черторый на горизонтальной поверхности мощного напластования антропогенных отложений, перекрывающих поверхность высокой поймы (или 1-й надпойменной террасы) (рис. 1.2). Мощность напластования составила более 7 м (рис. 7). До отметки -340 см сохранный культурный слой был перекрыт горизонтом балласта – мешаными супесями и строительным мусором XX века.

Рис. 7. Соймоновский проезд, вл. 3.
 Сводная стратиграфическая колонка раскопов 1–4.
 Стрелками указаны уровни находок каменного топора
 и кремневого наконечника.

В зоне контакта горизонта балласта и сохранного культурного слоя на глубине -217 см был найден переотложенный фрагмент шлифованного каменного топора со сверлиной (№ 23, опись 4, кв. 37Ф, гл. -217 см) (рис. 8). Сохранился обух топора и приобуховая часть сверленной проушины. Лезвие сломано по сверленому отверстию. Максимальная ширина топора 3,5 см. Длина сохранной части изделия 5,8 см. находка относится к фатьяновской культуре бронзового века, датируется серединой III тыс. до н. э. – концом III тыс. до н. э. (Кренке, 2014. С. 15, 16).

Рис. 8. Соймоновский проезд, вл. 3.
 Фрагмент каменного топора фатьяновской культуры.

Подшова культурного слоя представлена темно-серой гумусированной супесью, датируется по найденным в слое монетам ручной чеканки и керамике, в том числе «серой» и «курганной», XVI – первой половиной XVII века.

Фоновая поверхность материка, сложенного мелкозернистым песком, на всей раскопанной площади зафиксирована на глубине от -475 см (раскоп 2) до -756 см. (раскоп 1), в пределах раскопа 2 – на отметках -475...-660 см.

С уровня подошвы культурного слоя в поверхность материка, наклонную в сторону руч. Черторый, была врезана яма 2 (рис. 9). Яма зафиксирована на глубине -509...-520 см в раскопе 2 на границе квадратов В4-В5. Форма ямы в плане округлая, поперечный размер до 95 см. Заполнение – темно-серая супесь. Яма датируется XVI веком. В ее заполнении на глубине -509 см был найден переотложенный кремневый наконечник (Беркович, 2019. Том 11, раскоп 2, кв. 4В, опись 2, № 458).

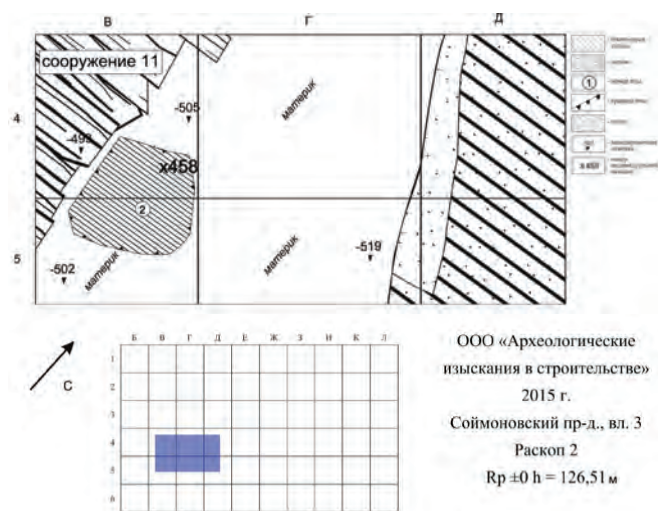

Рис. 9. Соймоновский проезд, вл. 3. Раскоп 2, яма 2 – место находки фрагмента кремневого неолитического наконечника.

Наконечник изготовлен из валунного кремня в технике отщепа (рис. 10). Представляет собой листовидный бифас с линзовидным поперечным сечением. Обработан разнофасеточной отжимной ретушью пологой по краям, к середине – плоской. В медиальном сегменте орудия на обоих фасах остались фрагменты раковин крупных сколов первичной оббивки. На проксимальном конце сохранился фрагмент ударной площадки отщепа. Жало (дистальный конец) наконечника скруглено, подтесано мелкой, уплотняющей ретушью. Размеры наконечника: длина – 8,9 см, ширина медиального сегмента – 2,7 см, толщина – 0,8 см. Наконечник относится к среднему (развитому) этапу льяловской неолитической культуры, датируется серединой IV тыс. до н. э. (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 178; Энговатова, 1997. С. 117).

Рис. 10. Соймоновский проезд, вл. 3.
 Раскоп 2, кв. 4В, кремневый неолитический наконечник.

В 2019–2020 гг. раскопки были проведены в Китайгородском проезде, вл. 9/5 (Беркович, Отчет... М., 2020). Участок исследований находится на левом берегу реки Москвы, выше по течению от впадения в нее реки Яузы, на поверхности 1-й надпойменной террасы (рис. 1.3).

Общая площадь шести раскопов 758 м², мощность исследованного напластования более 6 м. Напластование было сложено разноцветными супесями и суглинками серых и коричневых оттенков, включений, прослоек и линз строительного мусора (рис. 11). Материк – светло-серая заиленная глина, в раскопе 5 поверхность материка зафиксирована на глубине -519...-560 см.

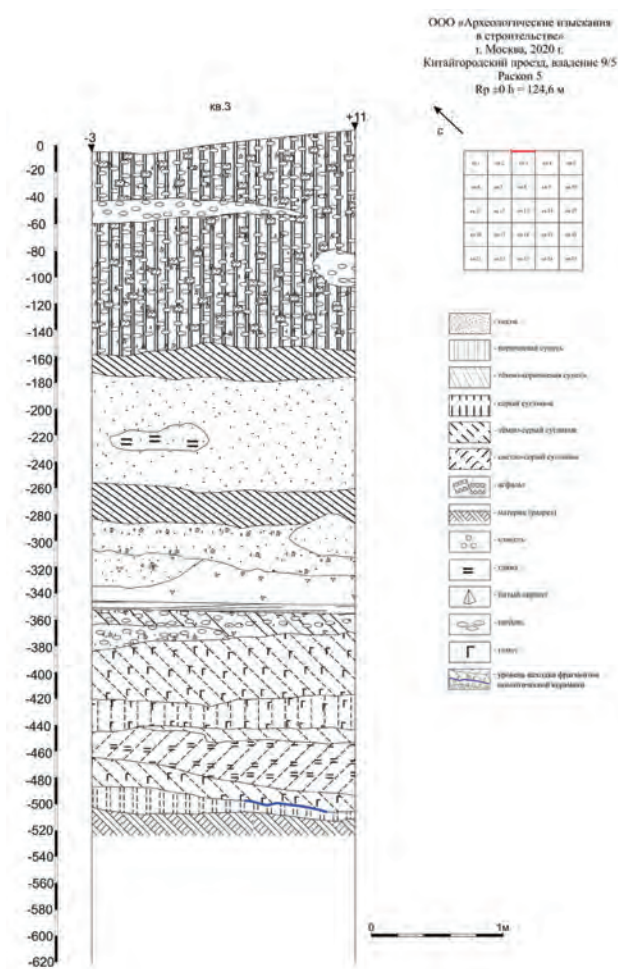

Рис. 11. Китайгородский проезд, вл. 9/5. Раскоп 5.
 Пласт гл. -480...-500 см.
 Северо-восточный профиль на участке кв. 3.

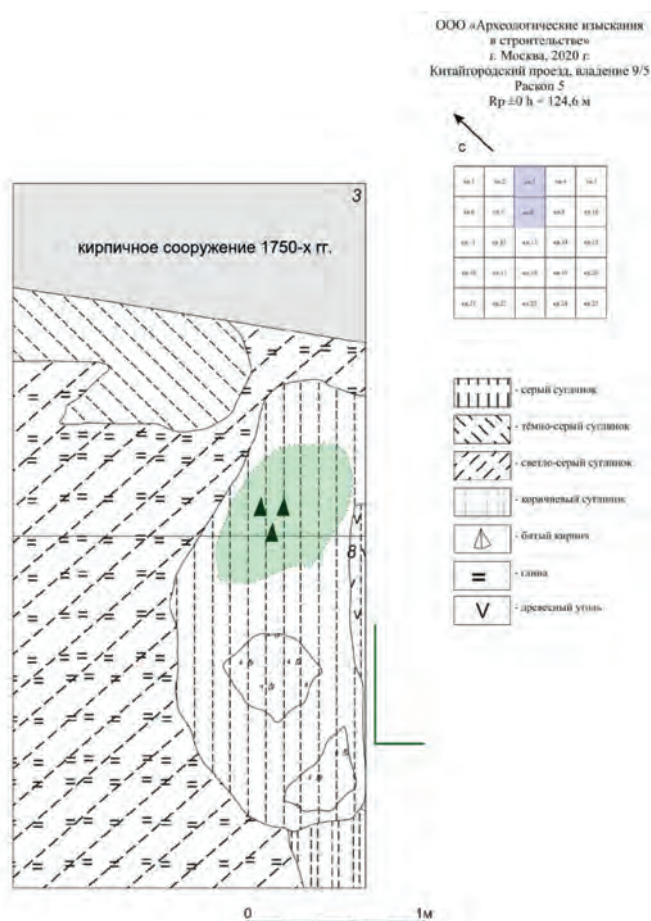

Рис. 12. Китайгородский проезд, вл. 9/5. Раскоп 5
 Пласт гл. -480...-500 см.
 Фрагмент зачистки в кв. 3 и 8 –
 место находки неолитической керамики.

Предматериковый горизонт, в котором были обнаружены фрагменты неолитической керамики, – озерный сапропель. По заключению геоморфолога А. А. Гольевой (Институт географии РАН), этот слой является погребенной травянистой дерниной, сформировавшейся в период осушения, ровным слоем закрывшей озерный сапропель на участке, длительно покрытом стоячей водой (Гольева, Почвенные исследования на археологическом объекте Китайгородский проезд, 9/5. Морфологический анализ // Беркович, Отчет..., М., 2020. Т. 6. Приложение 2. С. 150, 151).

В раскопе 5 на стыке квадратов 3 и 8, на глубине -480...-500 см в предматериковом горизонте обнаружены in situ 39 фрагментов лепной керамики эпохи неолита (рис. 12). Из них 32 фрагмента имели размеры в пределах от 2 x 2 см до 3 x 5 см, 7 фрагментов имели размеры менее 2 x 2 см. Вероятно, керамика была растоптана. На имеющихся мелких фрагментах сосудов диагностических признаков для датирования сохранилось мало. Среди фрагментов керамики профилированные не обнаружены.

На некоторых из фрагментов прослежен орнамент из вдавленных углублений, расположенных разреженными рядами в шахматном порядке. Обжиг сосудов слабый, глина с примесями крупного и мелкого песка, дресвы, поверхность черепков, как правило, выветрена, на ней отчетливо выделяются крупные фракции отошителя (дресвы). Толщина черепков 9–12 мм (рис. 13). По имеющимся данным, собранную керамику в соответствии с классификацией, разработанной А. В. Энгватовой, можно датировать рубежом V тыс. до н. э. – IV тыс. до н. э. (Энгватова, 1997. С. 57).

В 2019 г. раскопки были проведены на Гоголевском бульваре, владение 12, строение 1 (Балашов, Отчет..., М., 2020). Раскоп площадью 200 м² был заложен на участке ровной современной дневной поверхности антропогенных отложений, перекрывающих поверхность второй надпойменной террасы. Гоголевский бульвар на большей части своей протяженности расположен над поймой засыпанного ручья Черторый (рис. 1.4). Кровля напластования датируется первой половиной

Рис. 13. Китайгородский проезд, вл. 9/5.
 Раскоп 5. Пласт гл. -480...-500 см.
 Фрагменты неолитической керамики.

XX века Исследованный культурный слой был сложен из разноцветных супесей и суглинков серых и коричневых оттенков, включений, прослоек и линз строительного мусора. Изучение погребенных под культурным слоем почв и реконструкция начальных этапов антропогенного освоения территории были выполнены геоморфологом А. А. Гольевой (Институт географии РАН). Максимальная сохранность горизонтов была зафиксирована на восточной стенке раскопа в кв. 1.2Г (рис. 14).

Нижний горизонт культурного слоя, поселенческий, мощностью 10 см, черный, насыщен крупными древесными углями. Встречаются включения небольших линз бурого цвета, мелких фрагментов известняка, глины, пачины. Нижняя граница ровная, практически линейная, резкая, хорошо заметная по цвету. Нижний горизонт культурного слоя может быть датирован по находкам концом XVI века (Балашов, Отчет... М., 2020. С. 4).

Подстилает поселенческий горизонт огородный горизонт мощностью 8 см – супесь темно-серого цвета. В почву вносилась зола, что способствовало темной окраске горизонта. Однородность окраски и равномерность распределения мелких углистых включений указывают на длительное использование огорода, многократное и многолетнее перемешивание почвы. За счет агрогенной эрозии при распашке были полностью уничтожены как ранний пахотный горизонт, так и возможные другие почвенные или агрогенные горизонты. В этом горизонте найдены фрагменты неолитической керамики. Нижняя граница резкая, линейная, хорошо заметная по цвету.

Рис. 14. Гоголевский бульвар владение 12,
 строение 1. Раскоп 1. Нижняя часть
 восточной стенки квадрата 1.2Г. Погребенные почвы.

Переходный иллювиально-элювиальный верхний горизонт мощностью 14 см (пахотная стадия) подстилает огородный горизонт. Цвет слоя неоднородный: фиксируется чередование бурых и белесых клиновидных структур различной степени сохранности и выраженности. Белесые клиновидные структуры – это разложившиеся остатки стержневых корней хвойных деревьев разного возраста, заполненные белесым материалом подзолистого горизонта или светло-серым гумусированным материалом однородным по цвету. Переход к огородному горизонту постепенный, диффузный, граница условна, проведена по усилению бурой окраски. В этой толще были найдены фрагменты неолитической керамики.

Переходный элювиально-иллювиальный нижний горизонт мощностью 16 см связан с процессом почвообразования, начавшимся с начала голоцена. На площади распространения хвойного леса сформировалась подзолистая почва. Общий цвет бурый, неоднородный. На этом фоне встречаются нижние части белесых клиновидных структур, уменьшающиеся книзу. По магистральным

трещинам наблюдаются темные гумусированные потеки и пылеватая белесая присыпка (скелетана). Горизонт археологически стерилен (Гольева, Почвенные исследования. Морфологическое описание // Балашов, Отчет... Приложение 1. М., 2020. С. 230–233).

Переходный элювиально-иллювиальный нижний горизонт перекрывал поверхность материка, зафиксированную на глубине -345...-413 см, в ямах до -612 см. Структура материка – ожелезненный легкий суглинок.

В северной части раскопа в кв. 1.1, 1.2 – Г, Д на участке площадью около 4 м², расположенном между поздними ямами 8, 10, 14, прорезавшими предматерик и поверхность материка, в неповрежденном слое темно-серой супеси, включавшей мелкий рассеянный уголь (по А. А. Гольевой – огородный горизонт) на глубине от -376 см до -396 см было зафиксировано in situ скопление из 124 фрагментов лепной керамики эпохи неолита (рис. 15).

Из 124 фрагментов самые крупные размером 4,3–5,9 x 4,4–6,8 см – девятнадцать экземпляров,

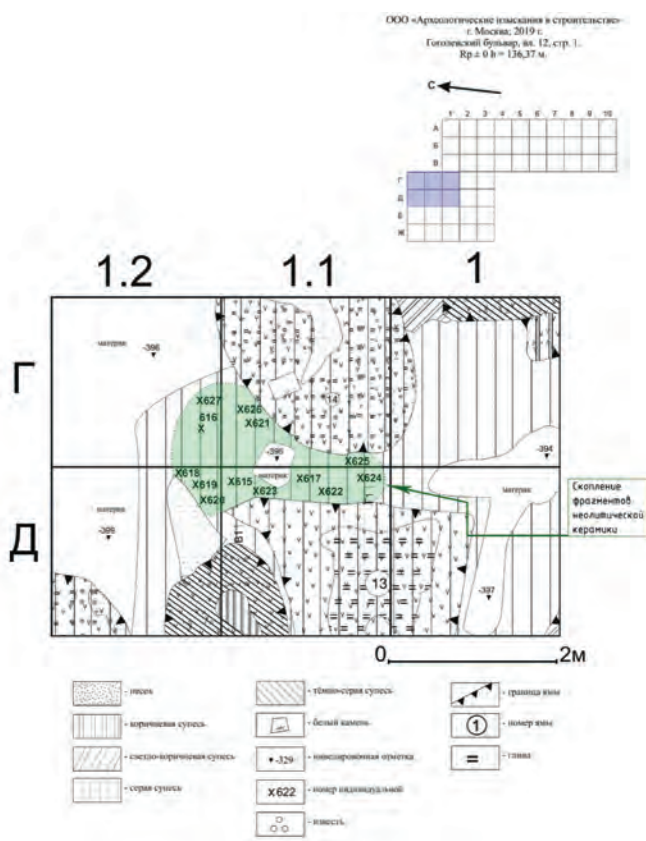

Рис. 15. Гоголевский бульвар, владение 12, строение 1. Раскоп 1. Фрагмент сводного плана зачистки в кв. 1, 1.1, 1.2 – Г, Д. Фрагменты неолитической керамики из пласта -360...-380 см – 615; из пласта -380...-400 см – 616–627.

мелкие 2,0–2,5 x 1,4–1,8 см – сорок экземпляров, среднего размера – шестьдесят пять. Фрагменты не стыкуются. Керамическое тесто среднепесчаненное, с небольшой примесью дресвы. Обжиг полный, окислительный. Все фрагменты покрыты сплошным орнаментом из конических, вероятно, белемнитных ямок. Иногда ямки сквозные, но преимущественно глубокие, оставившие на внутренней поверхности выпуклости в виде «полугорошины». Толщина стенок сосуда от 0,7 см до 1,1 см. Венчик прямой, с наружной стороны украшен горизонтальной полосой шириной 1,4 см из оттиска стержня с намотанным шнуром. Сплошной ямочный орнамент нанесен на поверхность сосуда от нижнего края полосы с оттисками шнура (рис. 16). Описание аналогичного сосуда приводит О. Н. Бадер (Бадер, 1947. С. 121–122, рис. 5). По классификации А. В. Энговатовой, такая керамика относится к среднему этапу льяловской культуры, датировка которого третья четверть – середина IV тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 58, 59).

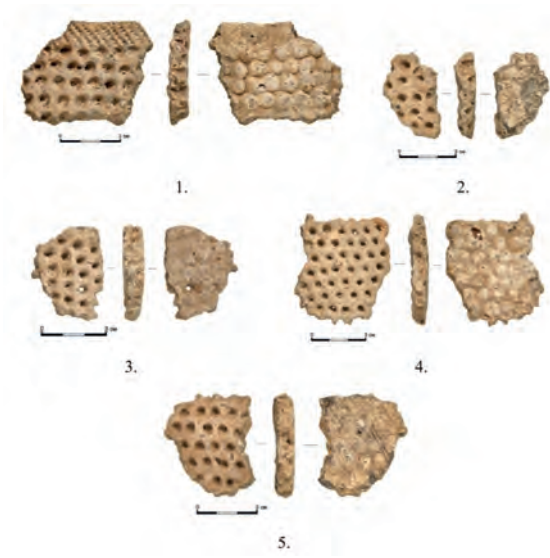

Рис. 16. Гоголевский бульвар, владение 12, строение 1. Раскоп 1. Фрагменты неолитической керамики из кв. 1, 1.1, 1.2 – Г, Д: (из пласта -360...-380 см) – 1, 2; (из пласта -380...-400 см) – 3, 4, 5.

В кв. 6Б–9Б, 5В–9В с гл. -380 см была зафиксирована яма 1 (рис. 17). Яма неправильной формы, вытянута по оси север – юг, уходила в западный борт раскопа на участке кв. 8В–6В (рис. 18). Максимальные размеры ямы – 775 x 408 см. Ширина ямы по линии профиля – до 760 см. Яма была заполнена коричневой, светло-коричневой, темно-серой супесью, включавшей кирпичную крошку, известь, песок и уголь, глину и тлен. Дно ямы зафиксировано на глубине -612 см (Балашов, Отчет... М., 2020. Илл. 58, 74, 75). Яма 1 может быть датирована XVIII–XIX веками.

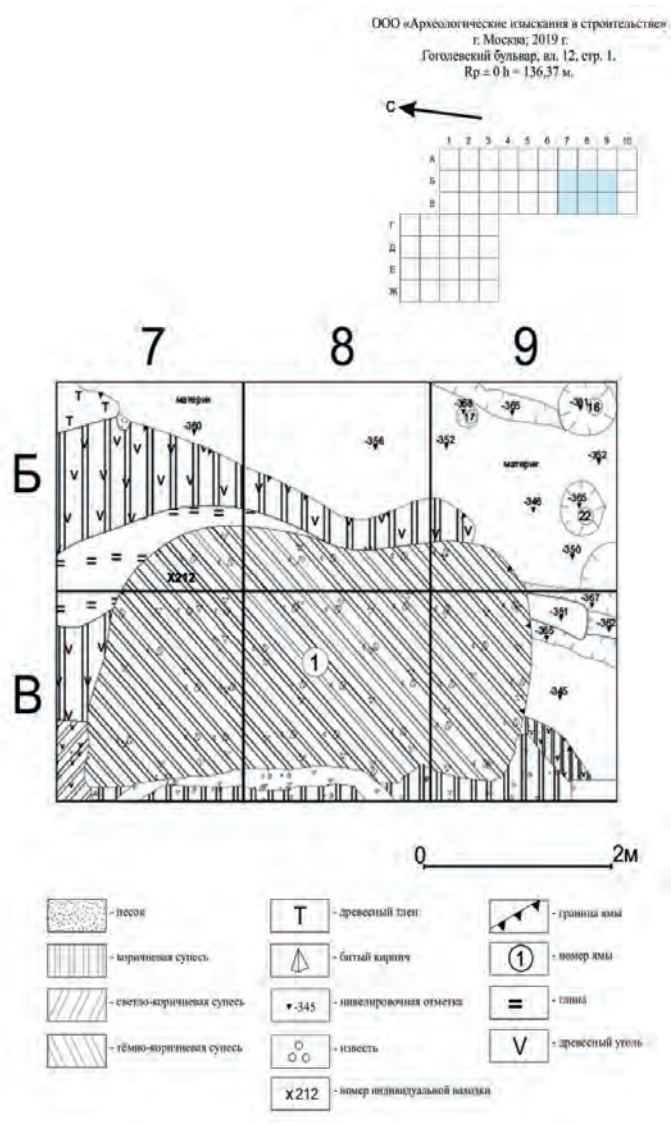

Рис. 17. Гоголевский бульвар владение 12, строение 1. Раскоп 1. Яма 1. Фрагмент плана зачистки на гл. -360...-380 см – кв. 7–9 – Б, В. 212 – фрагмент неолитического кремневого наконечника.

Фоновая поверхность материка зафиксирована на глубине -353...-380 см. В заполнении ямы 1 на глубине -375 см был найден переотложенный фрагмент крупного кремневого наконечника (рис. 19) (Балашов, Отчет... М., 2020. Описание 1, № 212, кв. 7Б, гл. -375 см, яма 1). Наконечник изготовлен из валунного кремня в технике отщепы. Представляет собой листовидный бифас с симметричным линзовидным поперечным сечением. Оба фаса наконечника обработаны по краям разнофасеточной пологой отжимной ретушью, к середине – плоской. Жало наконечника утрачено. Размеры фрагмента наконечника 10,5 x 4,1 x 0,7 см. Наконечник относится к развитому этапу льяловской неолитической культуры, датируется серединой IV тыс. до н. э. (Неолит Северной Евразии, 1996. С. 178; Энговатова, 1997. С. 117).

В 2015 г. тремя раскопами исследования были проведены на ул. Поварской, вл. 8/1/1, стр. 1, 2, вл. 10, стр. 3; Хлебный пер., вл. 3. Расположение к С-3 от площади Арбатских ворот на слабонаклонной поверхности третьей надпойменной террасы. В раскопе 1 было зафиксировано сооружение 1 (погреб) (Векслер, Отчет... М., 2015. С. 22–34). Сооружение было врезано в поверхность материка на глубину до -453 см. Внутри сруба сооружение было заполнено темно-серой супесью, включавшей золу и уголь, а по материкам дно погребов было перекрыто каменной вымосткой.

В заполнении погребов на гл. -440 см был найден переотложенный фрагмент отщепы кремневого пластинчатого (опись 1/40). Вентральный фас плоский, с узким, слабо выраженным ударным бугорком. Дорсал с двумя негативами снятых пластин и продольным ребром в средней части фаса. По одному краю мелкая утилитарная ретушь. Длина отщепы 37 мм, ширина 15 мм.

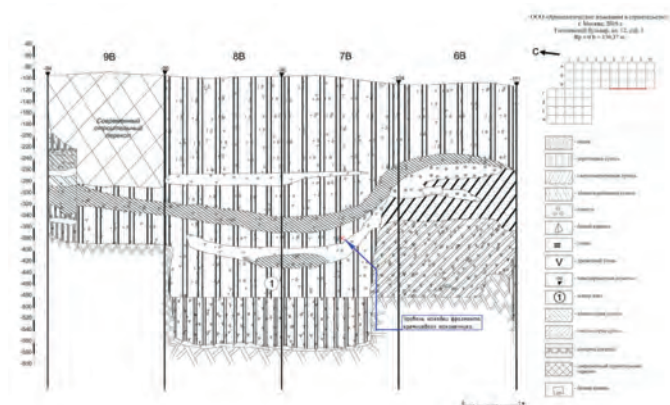

Рис. 18. Гоголевский бульвар, владение 12, строение 1. Раскоп 1. Фрагмент западного профиля 1 с ямой 1 на участке кв. 6В–9В. Стрелкой показан уровень находки в яме 1 на гл. -375 см фрагмента кремневого наконечника.

О нескольких находках эпохи каменного и бронзового века на территории Москвы пишет в своей книге главный археолог Москвы Л. В. Кондрашев (Кондрашев, 2018).

Так, в 2016 г. Ю. А. Анисимов, археолог ООО «Археологические изыскания в строительстве», проводил наблюдения за земляными работами на Покровском бульваре, 10, приуроченные к слабонаклонной к р. Язуе поверхности флювиогляциальной равнины. В отвале им был найден фрагмент концевой скребка на кремневой ножевидной пластине. Длина изделия 3 см, ширина 1,5 см. Орудие, предположительно, можно отнести к верхневолжской раннеолитической культуре, датируемой концом VI тыс. до н. э. – первой четвертью IV тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 104–105).

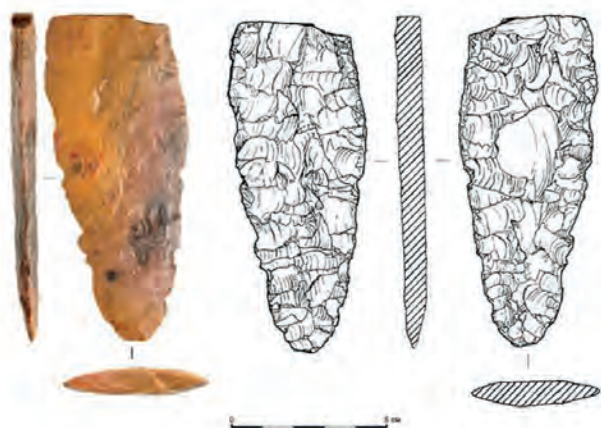

Рис. 19. Гоголевский бульвар, владение 12, строение 1. Раскоп 1. Яма 1. Фрагмент кремневого наконечника.

К северу от устья реки Яузы и большой меандры реки Москвы простирается слабовсхолмленная моренная равнина, чередующаяся с участками флювиогляциальной равнины. Там, на водоразделе рек Неглинной и Черногрязки, на улице Сретенке, 34/1 в 2017 г. также во время наблюдений за земляными работами археологами Столичного археологического бюро была найдена кремневая проколка с ретушированным коротким коническим шипом, симметричными плечиками и широкой, уплощенной рукояткой с симметрично вогнутыми краями. На обоих фасах рукоятки сохранились фрагменты раковистых сколов первичной оббивки. Длина орудия около 4 см, ширина 2,5 см (рис. 20). Кремневое орудие со Сретенки изготовлено в технике отщепа, характерной для льяловской культуры от раннего до позднего этапов, датируемой от третьей четверти до конца IV тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 33–35).

Рис. 20. Ул. Сретенка, 34/1. Кремневая проколка.

С ноября 2022 по январь 2023 г. были проведены раскопки по адресу: переулок Колпачный, 9А, стр. 1 (Открытый лист № 1878-2022, выданный 26.07.2022 г. на имя Пономаренко А. К.). Раскоп площадью 125 м² был заложен на участке ровной современной дневной поверхности антропогенных отложений, которыми засыпана пойма реки Рачка, правый приток реки Москвы, и поверхность левого борта ее долины, сформированной на выходах моренных отложений. Кровля напластования датируется первой половиной XX века. Исследованный культурный слой был сложен из мешаных, темноокрашенных супесей и суглинков, включений, прослоек и линз строительного мусора. Напластование слабо стратифицировано, его нижний горизонт сильно обводнен. Материк – серовато-коричневый суглинок – зафиксирован на глубине -600...-620 см.

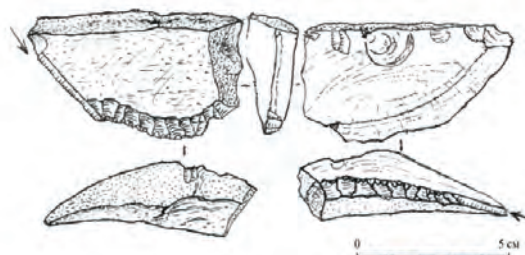

Рис. 21. Колпачный пер., 9А. Кремневый скребок.

В раскопе 1 на участке 1 в квадрате Д4 на глубине -577 см был найден кремневый скребок, изготовленный в технике отщепа (рис. 21). Отщеп массивный, форма усеченно-сегментовидная, ударная площадка шириной до 17 мм, длиной до 66 мм. Высота отщепа 35 мм. В точке удара на кромке проксимального конца вентрального фаса образовалась незначительная трещина, ниже которой расположен выраженный ударный бугорок, переходящий к дистальному концу отщепа в волнистую плоскость фаса (ударные волны). Лезвие скребка оформлено на дистальном, выпуклом конце отщепа. Его длина 40 мм, высота 4–6 мм, оформлено крутой, короткофасеточной ретушью. Кромка лезвия дополнительно подправлена мелкой, чешуйчатой ретушью.

Дорсальный и вентральный фасы залощены, дополнительной обработке не подвергались. Правый сегмент скребка стесан диагональным сколом, притупляющим острый край отщеп. Плоский обушок и торец правого сегмента орудия сохранили желвачную корку.

В нижнем горизонте напластования был найден также аморфный отщеп из сине-черного кремня с продольной гранью на дорсальном фасе без вторичной обработки с точечной ударной площадкой и небольшим ударным бугорком.

По мнению исследователей первобытной техники, «самые древние технологии расщепления не исчезают в последующие периоды. Они являются базой для создания более развитых технологий и входят в них в качестве составных частей» (Гиря, Нехорошев. 1993. С. 21). Возможно, длительным сохранением древних приемов обработки камня объясняется и наша находка в 2006 г. ретушированных фрагментов керамики в культурном слое XVI–XVIII веков на объекте по адресу: г. Москва, ул. Долгоруковская, 21. Среди ям, заполненных костями крупного рогатого скота, в массе черепков керамики были найдены две ручки сплошь чернolощеных кувшинов с фрагментами стенок тулова, на краях каждого из которых были зафиксированы ретушированные лезвия скребел.

Таким образом, спасательные археологические работы ООО «Археологические изыскания в строительстве» кроме полученной важной информации о культурном слое и сохранении памятников материальной культуры позволили дополнить карту распространения памятников неолита и бронзы в пределах г. Москвы. В результате комплексных археологических и палеоэкологических исследований стратиграфическая позиция выявленных неолитических памятников определяется в нижнем горизонте напластования в пачке погребенных почв, известных под термином «предматерик», формирование которых началось в раннем голоцене. Этот горизонт фиксируется в раскопах не всегда. Как правило, он уничтожается в процессе хозяйственных и строительных земляных работ. Слой бронзового века, в том числе фатьяновской культуры, также почти не сохранился. Маркерами существовавших, но разрушенных ранних культурных слоев являются переотложенные единичные находки эпохи неолита и бронзы, встречающиеся на разных уровнях культурного слоя Москвы от раннего «поселенческого» горизонта, перекрывающего погребенные почвы («предматерик»), до «балласта» XX века. Их картирование на территории Москвы представляется важным дополнением к карте сотен стратифицированных памятников неолита и бронзы на территории Московской области и Волго-Окского междуречья в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археологическая карта России. Москва. Часть 1. ИА РАН. М., 2020.
2. Бадер О. Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // Материалы и исследования по археологии СССР № 7. М.–Л., 1947.
3. Беркович В. А. Отчет о проведении археологических раскопок по адресу: г. Москва, Соймоновский проезд, вл. 3 в 2015, 2016 гг. Тома 1–13. М., 2019. (Архив ИА РАН).
4. Беркович В. А. Отчет о проведении археологических раскопок по адресу: г. Москва, Китайгородский проезд, владение 9/5 в 2019–2020 гг. М., 2020. (Архив ИА РАН).
5. Балашов А. Ю. Отчет о проведении археологических раскопок по адресу: г. Москва, Гоголевский бульвар, владение 12, стр. 1 в 2019 г. М., 2020. (Архив ИА РАН).
6. Векслер А. Г. Отчет о спасательных археологических работах по адресам: Малый Харитоньевский пер., д. 9/13, стр. 1, 4, 5, 6, 9; Большой Харитоньевский пер., д. 13/9, стр. 1 и д. 13А, стр. 10 в 2010 г. М., 2011.
7. Векслер А. Г. Отчет о проведении натурных археологических работ в связи с реконструкцией зданий по адресу г. Москва, ул. Поварская, вл. 8/1/1, стр. 1, 2, вл. 10, стр. 3; Хлебный пер., вл. 3. М., 2015.
8. Воронин К. В. Отчет о работах межрегиональной археологической экспедиции на поселении «Нескучный сад – 2» в 1999 и 2000 гг. (Архив ИА РАН).
9. Геологический Атлас г. Москва. Мосгоргеотрест. М., 2012.
10. Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА, 1993. № 4, стр. 5–25.
11. Гольева А. А. Почвенные исследования. Морфологическое описание // Балашов А. Ю. Отчет о проведении археологических раскопок по адресу: г. Москва, Гоголевский бульвар, владение 12, стр. 1 в 2019 г. Приложение 1. С. 230–233. М., 2020.
12. Гольева А. А. Почвенные исследования на археологическом объекте Китайгородский проезд, 9/5. Морфологический анализ // Беркович В. А. Отчет о проведении археологических раскопок по адресу: г. Москва, Китайгородский проезд, владение 9/5 в 2019 – 2020 гг. М., 2020. Т. 6. Приложение 2. С. 150, 151).
13. Кондрашев Л. В. Археология Москвы. М., 2018.
14. Кренке Н. А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2014.
15. Культура средневековой Москвы. Том 1. М., 2004.
16. Неолит Северной Евразии // Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М., 1996.
17. Энгватова А. В. Древние охотники и рыболовы Подмоскovie по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1. М., 1997.
18. Юркевич Э. А. Отчет о проведенных археологических исследованиях с августа 1973 г. по март 1974 г. на территории Крутицкого дворцового комплекса XV–XVIII вв. по открытому листу №344, выданному Комитетом полевых исследований Института археологии АН СССР 3 августа 1973 г. по форме № 4 на имя Э. А. Юркевича. Москва, 1974 г. (Архив ИА РАН №28).

Изображения и сюжеты на изразцах XVIII века

Беркович В. А., Маралов Е. А., Святицкая Е. Н.

Изображения и сюжеты на изразцах XVIII века (по материалам археологических работ в г. Москве).

Русские сюжетные изразцы XVIII века создавались под влиянием нескольких традиций. С одной стороны, мастера вдохновлялись классическими образами древнерусских рельефных (терракотовых, поливных) изразцов: лев, олень, грифон, птица сири́н и т. д. С другой стороны, на русских изразцах имитировалась делфтская (голландская) манера: голубая роспись по белому фону; изображения зданий, зверей, птиц, библейских сцен и эмблем. Многочисленные сюжеты изразцов восходят к профессиональным иллюстрациям (гравюрам) как западноевропейского происхождения (библейские гравюры, иллюстрированные сборники басен, эмблем), так и к непосредственно русским изданиям (геральдика, эмблематика, иллюстрации к поучительным и развлекательным текстам, лубочные картинки), которые также могли иметь изначальные европейские корни.

Исследователями русского изразцового искусства XVIII века отмечается разнообразие сюжетов и изображений на изразцах указанного периода и многочисленность их источников¹.

Изразцы XVIII века, найденные на территории столицы при проведении археологических наблюдений и раскопок, – как отдельные, так и в составе археологических коллекций – часто пополняют собрание ГБУК г. Москвы «Музейное объединение "Музей Москвы"». Сотрудники отдела «Археология» Музея Москвы вместе с коллегами – авторами полевых исследований – проводят научную обработку находок, их публикацию и презентацию в составе выставочных проектов. Некоторые результаты этой совместной работы по исследованию новых и ранее поступивших в фонды музея изразцов позволяют проиллюстрировать на примерах сказанное выше, рассмотрев происхождение и трактовку некоторых изображений на изразцах. Для уже включенных в фондовое собрание Музея Москвы предметов указывается учетный номер.

1. Символические изображения из книги «Символы и эмблемата» (1705)

Фрагмент изразца второй четверти XVIII века (илл. 1, рис. 3) был найден в Малом Златоустинском переулке, д. 5 (территория бывшего Златоустовского монастыря). Изразец включен в собрание отдела «Археология» ГБУК «Музейное

объединение "Музей Москвы"» (ММ НВФ 17718/216) и на сегодняшний день экспонируется на выставке в музее Центра изучения истории Златоустовского монастыря. Изображение на данном изразце – человек на летящей птице (орле) – весьма близко к эмблеме из «Символов и эмблемат» – № 487 с подписью: Ganimesdes (Ганимед) и девизом: «Высокия ищет»² (илл. 1, рис. 4). Следует отметить аналогичные изображения на изразце XVIII века из собрания ГИМ³.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Илл. 1.

Фрагмент изразца 2-й четверти XVIII века, найденный в Малом Златоустинском переулке, д. 5 (территория бывшего Златоустовского монастыря), также входит в собрание отдела «Археология» ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"» (ММ НВФ 17718/234) (илл. 1, рис. 1). Изображение «человек с посохом в шляпе с пером» сходно с эмблемой № 789. Подпись к ней гласит: Een Valk komt op de band vliegen («Сокол возвращается на ремень») – здесь подразумевается ремень или шнур, с помощью которого птица удерживалась на перчатке охотника; соответствующий эмблеме № 789 русскоязычный девиз: «До своих сладких уже добровольно я возвращаюсь» (илл. 1, рис. 2)⁴.

2. Аллегорические сюжеты

В собрании Музея Москвы хранится фрагмент изразца лицевого расписного с изображением женщины, держащей в руке горящее сердце

(илл. 2, рис. 1) (ММ ОФ 28958/193). Он был найден в 1956 г. в Зарядье во время раскопок под руководством А. Ф. Дубынина.

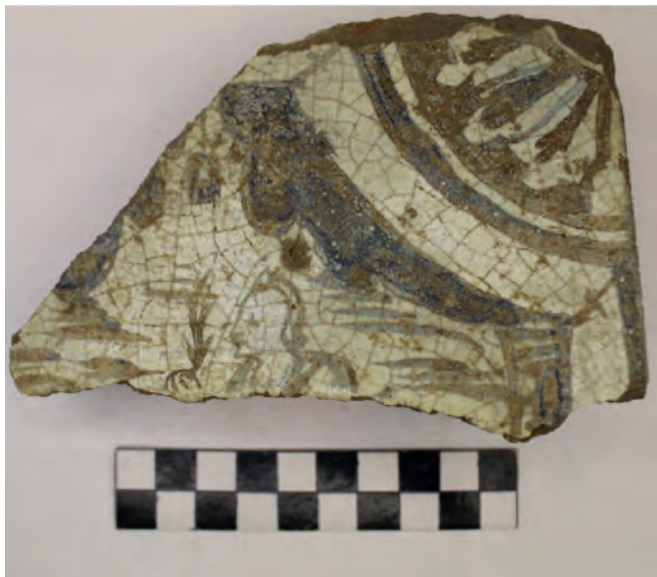

Рис. 1.

Рис. 2.

Илл. 2.

Горящее сердце, возможно, означало пламенную (неразделенную) любовь. В этом случае источником изображения могла послужить эмблема № 253 из сборника «Символы и эмблемата» с девизом: «Не могу молча горети»⁵. Вместе с тем изображение женщины с горящим сердцем в руке являлось и аллегорией милосердия, которая встречается в западноевропейском изобразительном искусстве. Именно так называется знаменитое живописное полотно испанского художника Франсиско де Сурбарана (1655) из собрания музея Прадо в Мадриде с этим сюжетом (илл. 2, рис. 2).

3. Библейские персонажи

Фрагмент изразца из собрания отдела «Археология» ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"» (ММ НВФ 17718/217) также происходит из коллекции изразцов с Малого Златоустинского переулка, д. 5 (илл. 3, рис. 1). На изразце изображен бородатый мужчина в пышных одеяниях, с короной на голове и жезлом в правой руке. Его длинный плащ поддерживают два ребенка. Вероятно, источником для данного изображения послужила гравюра из Библии Питера Схюта (1674) (илл. 3, рис. 4)⁶ с изображением персидского царя Кира – сюжет о вавилонском идоле Виле (книга пророка Даниила, Дан. 14:3–22). Возможным прототипом рисунка на изразце из Златоустовского монастыря могла быть и гравюра из Библии Пискатора (1674) (илл. 3, рис. 3)⁷ с изображением персидского царя Артаксеркса – сюжет о передаче перстня Аману (книга Есфири, Есф. 3:10).

Как ближайший аналог, позволяющий восстановить утраты композиции на изразце, можно назвать изразец из печи в Митрополичьих покоех Троице-Сергиевой Лавры (илл. 3, рис. 2)⁸.

Из той же коллекции Златоустовского монастыря происходит еще один небольшой фрагмент изразца (ММ НВФ 17718/215), на котором можно увидеть часть сюжета (пажи, несущие плащ господина), рассмотренного выше.

Другой лицевой изразец с изображением царя Артаксеркса из собрания отдела «Археология» ГБУК «Музейное объединение "Музей Москвы"» (илл. 3, рис. 5) (ММ ОФ 24653/39) был обнаружен во время археологических работ под руководством А. Г. Векслера на территории Лефортовского госпиталя в 1975–1976 гг. Изразец состоит из четырех фрагментов (правый верхний угол лицевой пластины не сохранился). Изображение фигуры царя в пятизубцовой короне с мечом на поясе и поднятой левой рукой (со скипетром)

0 5 cm

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

является зеркальным по отношению к рисунку своего возможного источника – гравюры из Библии Пискатора (илл. 3, рис. 6)⁹.

Фрагмент изразца с известным сюжетом о согрешении Лота (илл. 4, рис. 1) также был найден в Малом Златоустинском переулке, д. 5 (коллекция Музея Москвы, ММ НВФ 17718/224). После бегства из Содома Лот с дочерьми укрылся в пещере и жил там (Книга Бытия, Быт. 19:30). Понимая, что кроме отца, нет иных мужчин, которые могли бы продолжить с ними род, старшая дочь говорит младшей: «... итак, напоим отца нашего вином, и переспим с ним...» (Книга Бытия, Быт. 19:32). Момент, когда сестры реализуют задуманное, а сам Лот сидит у стола с кубком вина в руке, и запечатлен на изразце.

Частично утраченная композиция восстанавливается по аналогичному изразцу из Митрополичьих покоев Троице-Сергиевой Лавры (илл. 4, рис. 3)¹⁰ и по рисунку на голландской плитке (XVIII век) (илл. 4, рис. 2)¹¹. Вероятным источником изображения могла служить также гравюра из Библии Питера Схюта (1674) (илл. 4, рис. 4)¹².

Библейский сюжет о манне небесной, которой Моисей накормил народ свой во время скитаний по пустыне, также нашел свое отражение на русских изразцах. «Манна же была подобна кориандровому семени, видом, как бдолах; народ ходил и собирал ее, и молот в жерновах или толочил в ступе, и варил в котле, и делал из нее лепешки; вкус же ее подобен был вкусу лепешек с елеем» (Книга Чисел, Чис. 11:7–9). Изразец с коричневой росписью с изображением женщины, кормящей ребенка, сидящего у нее на коленях, найденный во время исследований ООО «Археологические изыскания в строительстве» в Соймоновском проезде, вл. 3 (илл. 5, рис. 1), фрагментирован; однако утраченная часть композиции легко восстанавливается, в том числе и при помощи сходного по сюжету изображения на расписном полихромном изразце второй половины XVIII века с надписью: «Любезное мое пригуляное оно» из собрания Российского этнографического музея¹³. Вероятным источником рисунка может служить гравюра из Библии Пискатора (1674) (илл. 5, рис. 2)¹⁴.

В 2015 г. на улице Пятницкой, д. 16, стр. 1 в результате работ ООО «Археологические изыскания в строительстве» в палатах купцов Журавлёвых была найдена значительная по своему составу (914 экз.) изразцовая коллекция. Сюжет изображений на двух лицевых изразцах из этой коллекции – «Продажа первородства»¹⁵, ставший заглавием публикации каталога «Отдаждь мне первенство», был установлен без затруднений.

Однако расшифровка других сюжетов не была столь проста.

Одним из часто встречающихся на изразцах персонажей Ветхого завета является царь Соломон. На изразце ММ ОФ 35623/829 (илл. 6, рис. 2) мы видим сидящего на троне мужчину, протягивающего вперед правую руку. Сложность определения изображения на изразце именно как царя Соломона связана не только с тем, что приведена лишь одна фигура из возможного сюжета, а прежде всего с утратой при тиражировании важной детали – короны, восстанавливаемой по аналогам. Приведем в качестве примера изразец первой половины XVIII века из Соликамска¹⁶ и изразец второй половины XVIII века с надписью «Рассуждает на месте» из палат Волковых-Юсуповых в Москве (илл. 6, рис. 3)¹⁷. В Словаре русского языка XI–XVII вв. глагол «рассуждать» зафиксирован в значении «судить»¹⁸, что также может косвенно указывать на изображение суда царя Соломона. В 3-й книге Царств (7:7) сказано, что Соломон «еще притвор с престолом, с которого он судил, притвор для судилища сделал он и покрыл все полы кедром». Еще одним аргументом в пользу предположения, что на изразце изображен именно Соломон, может стать иллюстрация из Нюрнбергской библии (1476/1478), где под изображением сидящего на троне у водоема мужчины в короне (илл. 6, рис. 1) размещен текст, фрагмент которого может быть переведен как «Слово Екклизиаста, сына Давидова, царя Иерусалимского...», то есть «слово царя Соломона»¹⁹.

Малый размер некоторых дошедших до нас обломков изразцов иногда значительно затрудняет определение сюжета. Так было с небольшим фрагментом изразца, найденным на бывшей территории Златоустовского монастыря, на котором, как все же удалось определить, был изображен «Суд царя Соломона» (ММ НВФ 17718/190) (илл. 4, рис. 5). Помогли восстановлению композиции гравюра из «Всемирной хроники» Гартмана Шеделя (1493) (илл. 4, рис. 6)²⁰, а также изразец (XVII век) из Ярославля (церковь Вознесения, 1682 г.) (илл. 4, рис. 7)²¹.

Также по аналогиям восстанавливаются сюжеты «Пророк Самуил убивает царя Агага» (илл. 7, рис. 1) и «Моисей со скрижалями» (илл. 7, рис. 5) на небольших фрагментах изразцов, найденных в ходе исследований в районе улицы Большая Ордынка. Сюжеты определены по рисункам на западноевропейских плитках (илл. 7, рис. 4)²², (илл. 7, рис. 6)²³ и, конечно же, по библейским гравюрам Питера Схюта (1674) (илл. 7, рис. 3, 7)²⁴.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 4.

Рис. 5.

Je wort ecclesiastes des sun dauid des künigs iherusalē Eyn uppigkeit d' uppigkeit spricht ecclesiastes eyn uppigkeit d' uppigkeit vñ alle ding die sind die uppigkeite.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Достаточно полно первый из этих сюжетов («Смерть Агага, царя амалекитян») представлен на изразце 1-й половины XVIII века с синей росписью из коллекции изразцов, собранных во время реставрационной расчистки 1976 г. палат XVII–XVIII веков в Ордынском тупике, 5а (Музей Москвы, ММ ОФ 24664/35) (илл. 7, рис. 2).

Еще одно изображение сидящего Моисея выявлено на изразце из Малого Златоустинского переулка, д. 5 (илл. 5, рис. 3) (ММ НВФ 17718/189). Рисунок убедительно восстанавливается по изображению, выполненному в технике ксилографии с гравюры Жоржа Лаллемана (галерея Альбертина, Вена) (илл. 5, рис. 4). На ней, как, вероятно, и на фрагменте изразца, изображен Моисей со скрижалями в правой руке. Изображение скрижалей на изразце утрачено, но определяющим персонаж признаком являются приподнимающиеся вверх волосы-лучи из прически пророка. Один из этих «лучей» достаточно хорошо сохранился на изразце. Сияние, исходившее от головы Моисея, описано в Ветхом завете: «Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним» (Исх. 34:29). Впоследствии эти лучи на различных изображениях пророка трансформировались в две поднимающиеся кверху пряди волос или даже в два рога.

Изображение свинок у корыта на небольшом фрагменте изразца с коричневой росписью, найденном на улице Большая Ордынка, д. 17 (илл. 7, рис. 8), отсылает нас к известной новозаветной притче «О блудном сыне» (Евангелие от Луки, Лк. 15:11–32). Один из ее эпизодов, когда блудному сыну приходится пасти свиней и голодать («он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Лк. 15:16), популярен на русских изразцах XVIII века. Лицевые изразцы, иллюстрировавшие сюжет, содержали полное изображение сцены, где блудный сын с пастушьим посохом преклонял колено перед корытом, из которого ели три свиньи. Меньшие по размеру изразцы-«компаньоны» (пояски, карнизы) включали лишь часть основной картинки. В нашем случае это изображение трех свинок, едящих из корыта. Источником изображения могла служить гравюра из Библии Пискатора (1674) (илл. 7, рис. 10)²⁵ или западноевропейская плитка (XVIII век) (илл. 7, рис. 9)²⁶. Отдельное изображение двух свинок у корыта известно на поясковом изразце с синей росписью из коллекции с Пятницкой улицы, д. 16, стр. 1 (ММ ОФ 35623/394)²⁷.

4. Лубочные картинки

Одним из возможных источников для изображений на гладких расписных изразцах XVIII века являлись русские лубочные картинки (лубок, панок, богатырь)²⁸. Сейчас в нашем распоряжении есть три изразца с подобными рисунками.

При работах в Большом Черкасском переулке, д. 8, стр. 1 и на улице Льва Толстого, вл. 23 были найдены два фрагмента изразцов с характерными изображениями львов с «улыбающимися лицами» (илл. 8, рис. 1, 2). Аналогия этим львам нашлась среди лубочных картинок (XVIII век), опубликованных в посмертном издании книги Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» (илл. 8, рис. 3)²⁹.

Еще один фрагмент был обнаружен в ходе исследований на Моховой улице, д. 18. Изразцовый рисунок очень близок к лубочным картинкам (XVIII век) с изображением «Кота Казанского», или «Кота Алабрыса» (илл. 8, рис. 5)³⁰.

В заключение хочется отметить, что при археологических раскопках нам зачастую попадают мелкие фрагменты расписных изразцов, сюжеты на которых возможно восстановить лишь по аналогам, рассредоточенным по различным музейным собраниям и публикациям. Создание каталогов изразцов XVIII века, объединенных по признаку единства изображений и сюжетов, с возможным выявлением первоисточника, становится в этой связи актуальной задачей исследователей.

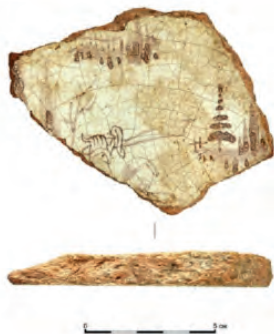

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Илл. 7.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 4.

Рис. 3.

Рис. 5.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беркович В. А., Егоров К. А., Кузнецова О. А., Маралов Е. А. «Отдаждь мне первенство». Изразцы XVIII–XIX вв. из палат купцов Журавлевых в г. Москве. М., 2023. С. 37–39.
2. Символы и эмблемата указом и благоповедении Его Освященнейшаго Величества, Высокодержавнейшего и Пресветлейшего Императора Московского, Великого Государя Царя, и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России, и иных Многих Держав и Государств и Земель Восточных, Западных и Северных Самодержца, и Высочайшего монарха напечатаны. Амстердам, 1705. С. 164.
3. Буклет. Государственный исторический музей, 1976.
4. Символы и эмблемата..., 1705. С. 264.
5. Символы и эмблемата..., 1705. С. 86.
6. Библия П. Схюта. Амстердам, 1674. Л. 181.
7. Библия Пискатора. Амстердам, 1674. Л. 211.
8. Фото автора.
9. Библия Пискатора, 1674. Л. 207.
10. Фото автора.
11. <https://dona-anna.livejournal.com/861090.html>
12. Библия П. Схюта, 1674. Л. 14.
13. Макогонова М. Л. Библейская гравюра как источник изображений на расписных изразцах XVIII века // Архитектурная керамика мира. № 7. СПб., 2022. С. 49. Рис. 48.
14. Библия Пискатора, 1674. Л. 72.
15. Беркович В.А. и др. «Отдаждь мне первенство»..., 2023.
16. ГК: 8351446
17. Фото автора.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1972. С. 73.
19. Biblia. Т. 2. Nürnberg, 1476/1478. P. 11.
20. Schedel H. Weltchronik. Nürnberg, 1493. P. 47.
21. Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. Вып. 2. М., 1938. Илл. 95.
22. Fliesenbibel. 2012. P. 319.
23. Singen und Klingen. Bibelfliesen-Bilder. Band 15. 2012. P. 7.
24. Библия П. Схюта, 1674. Л. 45, 77.
25. Библия Пискатора, 1674. Л. 338.
26. Tier-Geschichten in der Bibel. Bibelfliesen-Bilder. Band 6. 2007. P. 31.
27. Беркович В. А. и др. «Отдаждь мне первенство»..., 2023. С. 40–41. Илл. 46, б.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2008. С. 270.
29. Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Ч. 1. СПб., 1900. Рис. 140.
30. Ровинский Д. А. Русские народные картинки, 1900. Рис. 221.

Комплекс артиллерийских боеприпасов XVI–XVIII веков на территории Пушкарской слободы

Беркович В. А., Егоров К. А., Фролов Н. В., Шмелев К. В.

В ходе археологических раскопок в Москве (илл. 1) был исследован участок, расположенный в северной части Земляного города на исторической территории **Пушкарской слободы** (так называемые Пушкари) – одной из московских военных слобод. Поселение располагалось на левом берегу реки Неглинной примерно посередине между Пушечным двором¹ и артиллерийским стрельбищем². Точное время возникновения слободы неизвестно, по предположению И. Ф. Токмакова с 1497 г. здесь на жительство размещались пушечные мастера³.

Илл. 1. План императорского столичного города Москвы 1739 года И. Мичурина. РГВИА. Место проведения современных археологических работ.

Слобода была сравнительно крупной, в 1638 г. здесь насчитывалось 374 двора⁴. В это время среди ее жителей числились пушкари, пушечные кузнецы, зелейные и колокольные мастера, паникадильщики, паяльщики, а также портные, замочники, плотники, фонарники, калашники, пряжники, сусальники, иконники, шапочники, колодезники и ремесленники некоторых других специальностей⁵. Упоминание здесь большого числа различных мастеров, напрямую не связанных с артиллерией, объясняется тем, что «звание пушкаря не исключало его прочих занятий...; будучи пушкарем он в то же время состоял и ремесленником, как например, портным, красильщиком и пр.»⁶.

Население Пушкарей ярко характеризует пометка, сделанная государевыми переписчиками в Росписи 1638 г.: «Да недописаны пушкарские слободы многие двory за их ослушанием, что они

государева указу не послушали, учинились сильны, дворов своих писать не дали и имен своих и ружья не сказали, и ис слободы Ондreja Молвынинова и подьячего Федора Посникова выбили»⁷.

В названиях сразу двух сретенских храмов была локализация в Пушкарях⁸. К западу от исследованного участка до 1930-х гг. располагалась церковь прп. Сергия Чудотворца в Пушкарях, к северо-востоку – церковь Спаса Преображения в Пушкарях.

Сергиевский храм известен по письменным источникам с 1547 г.⁹ По церкви получили свое название существующие в наше время Большой и Малый Сергиевские переулки. В 1653 г. началось строительство каменного здания храма. По «Ружной книге» (1699), в приходе Сергиевского храма из 124 дворов 103 принадлежали пушкарям¹⁰. Сергиевская церковь считалась главной для всех артиллерийских полков¹¹.

Преображенская церковь известна с 1620 г.¹² В 1681 г. храм был переведен в камень. В 1699 г. в Преображенском приходе насчитывалось 218 дворов, из них 214 пушкарских¹³. В 1930-е гг. церковь была снесена.

В литературе отмечается, что исследуемый район – единственный в Москве, который «сохранял в течение XVIII века свой прежний состав населения: служащие бывшего Пушкарского приказа, ставшего Артиллерийским»¹⁴. Возможно, определенную роль в этом сыграл существовавший в XVIII веке к северо-востоку от участка исследования «огромный – площадью почти 2,5 га – полковой артиллерийский двор, где большой пруд в центре окружали несколько деревянных строений, в которых помещались канцелярия, правление, амбары, лазарет и прочие учреждения. Здесь же находилось одно из первых московских учебных заведений – артиллерийская школа, образованная в 1701 г.»¹⁵.

Для характеристики местного населения показательны сведения из Переписных книг (1730–1740-х гг.) о специализации хозяев дворов, располагавшихся рядом с участком исследования (совр. Пушкарский и Большой Сергиевский переулки): «артиллерии поручик – 2, артиллерии подпоручик – 1, артиллерии капрал – 3, артиллерии сержант – 2, артиллерии банбандир – 9, артилле-

рии канонир – 8, артиллерии фузилер – 4, артиллерии гантлангер¹⁶ – 1, артиллерии фурлейт¹⁷ – 2, артиллерии фурштат¹⁸ – 1, артиллерии вагенмейстер¹⁹ – 1, артиллерии каптенармус²⁰ – 1, артиллерии гобоист – 1, артиллерии колесник – 3, артиллерии котельных дел мастер – 1, артиллерии казенный извозчик – 2, артиллерии слесарь – 2, артиллерии токарь – 1, артиллерии плотник – 1, артиллерии паяльщик – 1, артиллерии шорник – 1, артиллерии чеканщик – 1, артиллерии счетчик – 1, артиллерии плавильный мастер – 1, артиллерии кузнечный подмастерье – 1, артиллерии селитренный ученик – 1, артиллерийской школы ученик – 3, артиллерийской конторы ассессор – 1, артиллерийской конторы канцелярист – 3, артиллерийской конторы подканцелярист – 1, артиллерийской конторы писарь – 2»²¹.

На городских планах 1767 и 1768 гг.²² показана застройка Пушкарей. Узкие, вытянутые от Сретенки к реке Неглинной кварталы были разделены на небольшие, близкие по своим размерам участки. Внутри каждого квартала дворы стояли в два ряда, тыльными сторонами друг к другу, лицевыми – к переулкам.

В 1770-е гг. на участке археологических исследований располагались владения подканцеляриста М. П. Рыбникова, подпоручицы И. Ильиной, секунд-майора М. В. Миткова. В следующее десятилетие происходило укрупнение участков, постепенно менялся и состав владельцев – на место военных пришли купцы. В 1780-е гг. исследуемые участки принадлежали купцу А. М. Барсукову и купцу А. П. Заборову²³.

Следует отметить, что участок исследования находится в жилом квартале, который на протяжении XVI–XVIII веков не менял своего назначения. Обнаружение здесь артиллерийских боеприпасов и их фрагментов не связано с их производством или применением.

Как уже упоминалось, Пушкарская слобода располагались между Пушечным двором (Белый город) и стрельбищем (за Земляным городом, выгонная и полевая земля дворцовой Напрудной слободы)²⁴. Если Пушечный двор существовал до начала XIX века²⁵, то территория стрельбища уже в 1670-е гг. была отдана под застройку Мещанской слободы. В связи с этим возникали различные курьезные ситуации. Описание одной из них сохранилось в документах Посольского приказа (1690): «у одного мещанина – Дорофея Замыцкого нашли пушечные ядра и привлекли его к ответу в Пушкарский приказ. Замыцкий показал, что "ядра пушечные у него есть, а сколько по счету, того он не упомнит, а взял-де он те ядра, как за Сретенскими вороты Мещанские слободы

тяглемом земля отдана под дворы, где наперед сего была старая земляная мишень, и та мишень розрыта и из той мишени ядра брали всяких чинов люди"»²⁶.

В данной связи примечательны находки, выявленные во время археологических изысканий. Основная часть находок сделана в ходе исследований комплекса, представлявшего собой нижнюю часть небольшого сруба – по всей вероятности, остатков колодца или погребка. Сооружение, сохранилось фрагментарно – основная его часть была разрушена при позднейшем строительстве кирпичных строений с подвалами 1803–1825 гг., а также их последующих перестройках. Таким образом, верхнюю границу датировки данного объекта можно с уверенностью определить как 1803 г. В заполнении был обнаружен ряд находок: остатки столового ножа с пластинчатыми деревянными накладками, фрагмент железного ключа, а также лежащие вместе два чугунных ядра и мортирная бомба (илл. 2.1–3; 7–8). Также было прослежено незначительное количество чернolощеной и белоглиняной гладкой керамики XVII–XVIII веков. Сам погребок выявлен на уровне материка; в него входили сваи от свайного поля фундамента вышележащего дома XIX века. Среди обнаруженных неподалеку находок следует отметить ручную шарообразную гранату со следами производственного брака и отдельные осколки крупных артиллерийских гранат или (исходя из возможной реконструкции диаметра изделий) мортирных бомб (илл. 2.4–6).

Илл. 2. Комплекс артиллерийских боеприпасов из исследований 2022 г.
1 – мортирная бомба (чугун); 2, 3 – ядра (чугун);
4 – ручная граната (чугун); 5, 6 – осколки боеприпасов (чугун). Сопутствующие находки:
7 – ключ (железо); 8 – нож (железо, дерево).

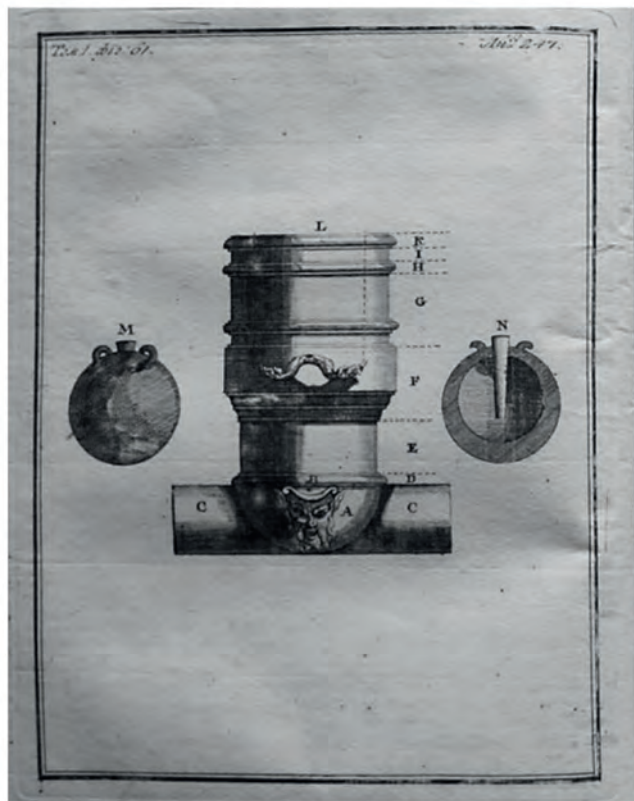
Мортирная бомба (илл. 2.1) шарообразной формы, полая с двумя «ушами» для загрузки в ствол. Диаметр примерно 1300 мм, размер очка (запального отверстия) около 30 мм, толщина стенок 170 мм. Форма, размеры и в особенности наличие «ушей» позволяют атрибутировать данный предмет именно как мортирную бомбу,

габариты данного боеприпаса соответствуют бомбам, применявшимся для стрельбы из полупудовых мортир²⁷. Наличие на бомбе русского производства «ушей» позволяет косвенно датировать ее временем до начала XIX века, когда произошел отказ от данной детали на бомбах полупудового калибра²⁸.

Мортиру в целом можно назвать предшественницей современного миномета. Использовались мортиры для стрельбы навесом (под углом) для уничтожения противника, находящегося за укрытием. Использование мортир в военном деле XVII–XVIII веков являлось сложным процессом; их применение требовало навыков и умений, так как дальность и прицел варьировались точно рассчитанным количеством пороха (весом заряда). Сложность до появления казнозарядного оружия представляло и зарядание мортиры – бомбу с подожжённым зарядом следовало опустить на верёвке за специальные петли в жерло мортиры и только после этого произвести выстрел.

Важно отметить, что целая мортирная бомба – нечастая находка в достоверно датированных археологических комплексах Москвы; они известны в основном по изображениям в литературе. Так, например, в трактате по военному делу 1697 г. (переведен и издан в России в 1732–1733 гг.) французского генерала Пьера Сюрирея де Сен-Реми приводится описание предпочтительного использования данного оружия и даются его изображения вместе с боеприпасами (илл. 3). Так, «...мортиры хороши к бомбардированию города с близости, бросая бомбу на 700 саженей расстоянием [около 1,5 км], которое есть самое дальнее стреляние... Мортира большего калибра способна посылать бомбу на 1200–1800 саженей [2,5–3,8 км соответственно]». Следует отметить, что бомба взрывалась не от детонации о землю, а от поджигания заряда через запальное отверстие. Например, «...при испытании мортира бросила бомбу свою на 300 саженей [650 метров], то есть на 200 саженей бомба летела, а 100 саженей катилась катком по земле... скоки, которые она от неровности земли чинит, не мешают и не препятствуют тому, что он [заряд] действия своего не учинил, когда трубка вся выгорит»²⁹.

Диаметры двух найденных ядер – около 600 и 630 мм соответственно (илл. 2.2–3). Поверхность ядер – без следов шлифовки, сильно корродированная, с заметными сколами и выбоинами – возможно, следами литейного брака, однако следы швов от форм и литников отсутствуют. Диаметр ядер находится в промежутке между стандартными калибрами 2,5 и 3 фунта (ближе

Илл. 3. Изображение мортиры и бомбы к ней (в разрезе) из книги «Мемории, или Записки артиллерийския» Пьера Сюрирея де Сен-Реми (1697). Пер. с французского языка 1732–1733.

к последнему). Учитывая высокую степень коррозии и повреждений на поверхности предметов, вероятнее всего, мы имеем дело с экземплярами трехфунтового калибра, отбракованными в процессе производства.

Диаметр гранаты (илл. 2.4) около 500 мм, диаметр запального отверстия 16 мм. От запального отверстия отходят трещины. Толщина стенок не устанавливается. Запальное отверстие фиксируется на глубину 0,9 см от поверхности изделия, полноценная полость отсутствует, вероятно, изделие было забраковано при производстве. Предмет, предположительно, представляет собой бракованную двухфунтовую ручную гранату. Подобного типа боеприпасы (чугунные и стеклянные), пригодные как для запуска руками, так и для стрельбы из малокалиберных мортирок, использовались московскими, а затем и русскими войсками вплоть до середины XVIII века (вероятно, до Семилетней войны). Приказ, отменяющий носку гранат гренадерами, вышел в 1761 г.³⁰, последняя регламентация применения гранат в частях – в «Пехотном уставе» 1763 г.³¹ Хранение их в арсеналах и эпизодическое применение в ходе осад, абордажей и крепостной войны продолжалось и в последующее время³², хотя производство, возможно, или совсем остановилось, или было минимальным.

Осколки гранат крупного диаметра или бомб с толщиной стенок 130–150 мм (илл. 2.5) и около 150 мм (илл. 2.6). Данные предметы представляют собой остатки отстрелянных боеприпасов, первоначальный диаметр изделий составлял, вероятно, около 1110–1130 мм.

Начало производства артиллерийских боеприпасов на территории Москвы, видимо, синхронно появлению производства собственно артиллерии. Изготовление литых чугунных пушечных боеприпасов в Москве фиксируется по крайней мере с середины XVI века³³, хотя долгое время, как минимум до середины XVII века, параллельно с литыми используются и кованые железные, для мелких калибров свинцовые, а в ряде случаев и каменные ядра³⁴. Окончательный переход на производство чугунных боеприпасов происходит, по всей вероятности, только в середине XVII века³⁵, запасы железных и каменных ядер фиксируются в описях арсеналов вплоть до начала XVIII века. Обнаруженный в ходе работ комплекс по времени производства может быть датирован достаточно широко. Учитывая, что обнаружены остатки исключительно стандартизованных боеприпасов, как нижнюю дату, вероятно, следует принять середину XVII века, когда в России³⁶, как и в остальной Европе, происходит становление систестандартных артиллерийских калибров³⁷.

Верхняя дата, видимо, связана с периодом второй половины XVIII века, что может быть промаркировано находкой ручной гранаты, производство которых после отмены их в войсках в 1760-х гг. практически прекратилось, и типом мортирной бомбы, в обнаруженном виде не производившейся с первых годов XIX столетия. Сложение же собственно археологического комплекса, вероятно, относится к началу XIX века. В составе комплекса мы видим (за единственным исключением в виде мортирной бомбы) либо бракованные предметы, либо осколки боеприпасов, возможно, подобранные на стрельбище. Использование подобных предметов не характерно для городской или сельской культуры России (как впрочем, и остальной Европы) XVII–XIX веков. С какой целью эти вещи были принесены в усадьбу и как использовались, представляет в определенной степени загадку. Выскажем осторожное предположение, что тяжелые чугунные изделия могли использоваться в качестве груза для различных продуктовых заготовок или же представлять собой склад металла для последующей переработки и ремесленной деятельности. Причины нахождения боеприпасов XVII–XVIII веков в «личном пользовании» жителя Пушкарской слободы, как и его идентификация с какой-либо исторической личностью, пока являются невыясненными. Археологические работы на объекте продолжаются.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сытин П. В. Пушечный двор в Москве в XV–XVII веков // Московский краевед. Выпуск 2. М., 1929. С. 20.
2. Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 25.
3. Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что в Пушкарях, в Москве и ее прихода. М., 1895. С. 3.
4. Богоявленский С. К. Московские слободы и сотни в XVII веке // Московский край в его прошлом: Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. Часть 2. М., 1930. С. 123.
5. Росписной список города Москвы 1638 года // Труды московского отдела императорского Русского Военно-Исторического общества. Том 1. М., 1911. С. 214–222.
6. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Составитель Н. Е. Бранденбург. Часть I. (XV–XVII ст.). СПб., 1877. С. 85.
7. Росписной список города Москвы ..., 1911. С. 218
8. План Императорского Столичного города Москвы сочиненной под смотрением Архитектора Ивана Мичурина в 1739 году. РГВИА. Фонд 386. Описание 2. Дело 3675.
9. Паламарчук П. Г. Сорок сороков. Том 2. М., 1994. С. 463
10. Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Том 2. М., 1891. С. 517.
11. Токмаков, 1895. С. 7.
12. Паламарчук, 1994. С. 466.
13. Забелин, 1891. С. 516.
14. Памятники архитектуры Москвы. Том 2. М., 1989. С. 207.
15. Романюк С. К. Из истории московских переулков: Путеводитель. М., 1988. С. 235.
16. «Гантлангер» – «...это название было присвоено третьему или младшему достоинству артиллерийских солдат...» Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. (ВЭЛ). Часть 4. СПб., 1840. С. 72.
17. «Фурлейт» – «...солдат при фурах, при военном обозе...». Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Составлено под редакцией А. Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 926.
18. «Фурштат» – «...так называются нестроевые военные чины, которые состоят при обозах и вообще при тяжестях в войсках...» Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов... (ВЭЛ). Часть 13. СПб., 1849. С. 509.
19. «Вагенмейстер» – «...обозный, нижний чин унтер-офицерского звания...» Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. (ВЭЛ). Часть 3. СПб., 1839. С. 14
20. «Каптенармус» – «...тот унтер-офицер в роте, который... имеет в своем заведывании все предметы вооружения и продовольствия роты, равно амуниционные и мундирные вещи...» Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. (ВЭЛ). Часть 3. СПб., 1842. С. 565.
21. Переписная книга. Том V. М., 1881. Стб. 82–87.
22. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 22169; ГПБ ОР. Ф. 342. Д. 114
23. Историко-архитектурное обследование центра города Москвы. Характеристика застройки квартала № 266. М., 1988. УГК ОИП города Москвы. Архитектурный кабинет. Шифр 350/89. С. 7.
24. Богоявленский, 1980. Стр. 25; Сытин, 1929. С. 20.
25. Сытин, 1929. С. 9.
26. Сюрийей де Сен Реми. «Мемории, или Записки артиллерийския: В которых описаны мортиры, петарды, допельгакены, мушкеты, фузеи, и все что принадлежит ко всем сим оружием: Бомбы, какасы, и гранаты, и проч.: Литье пушек, дело селитры и пороху; мосты, мины, карры и телеги; и лошади, и генерально все что касается до артиллерии Так на море, как на сухом пути: Распоряжение магазинов, сочинение нарядов и станов при армее, и в осадах; поход нарядов, и расположение их во время баталии: Способ оборонять крепости, и должность офицерская и проч. Переведены с французского языка». Том 2. 1773.
27. Богоявленский, 1980. С. 25
28. Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. Стр. 63, 81, 143; Михневич П. В. Каталог боеприпасов отечественной артиллерии. Л., 1961.
29. Игошин К. Г. Развитие боеприпасов отечественной полевой артиллерии в период наполеоновских войн // Война и оружие Новые исследования и материалы Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Том 2. СПб., 2014. С. 202–203.
30. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), 1830. Том 15, № 11353. С. 816.
31. Пехотной строевой устав. СПб., 1763. С. 98–99.
32. Прибылов Б., Кравченко Е. 2008. Ручные и ружейные гранаты. М. С. 13–15.
33. Герберштейн С. Записки о Московии: Том 1. М., 2008. С. 245
34. Кирпичников А. Н. О единообразии в изготовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их классификации // FASCICULI ARCHAEOLOGIAE HISTORICAE, 1987. С. 32–33.
35. Кирпичников А. Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии (К характеристике городского наряда Московского государства второй четверти XVII века) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Выпуск 4. Л., 1959.
36. Кирпичников, 1987. С. 33, 45.
37. Лобин А. Н. Артиллерия московских стрелецких полков в 1670–1680-х годах. История военного дела: исследования и источники, 2012. Т. II. С. 1–41. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin> (23.07.2012). С. 28.

Реставрация группы печных изразцов конца XVII – первой четверти XVIII века из Кадашёвской слободы

Шарифова А. Г.

Среди многочисленных керамических материалов, получаемых в ходе археологических раскопок, большой интерес представляют печные изразцы. Изучение этого вида керамических изделий позволяет определить основные вехи эволюционного развития ремесла, усовершенствование технических и технологических приемов, отдельные стороны быта населения, культурные и торговые связи. Изразцы содержат в себе полярные характеристики: массовость в виде тиражного производства и уникальность, которая предполагает неповторимость выполненного вручную предмета¹.

Илл. 1. Исходный материал при разборе.

В ходе археологических раскопок по адресу: Москва, улица Большая Ордынка, вл. 8, проводимых в июле – начале ноября 2015 г. было обнаружено 42 фрагмента изразцов со схожим декором (илл. 1). Раскоп был расположен на территории бывшей Кадашёвской слободы. Основываясь на планах конца XVIII – начала XIX веков, можно предположить, что переданные на реставрацию изразцы были найдены в главном доме усадьбы, которая принадлежала купцу 2-й гильдии

Барашевской слободы И. Я. Якимову (Екимову), который купил владение в 1802 г. у другого московского купца – Герасима Федоровича Веревкина. Пожар 1812 г., уничтоживший практически всю деревянную застройку Кадашей, не обошел стороной и данную усадьбу. После пожара главный дом усадьбы не восстанавливался, а расположился ближе к переулку.

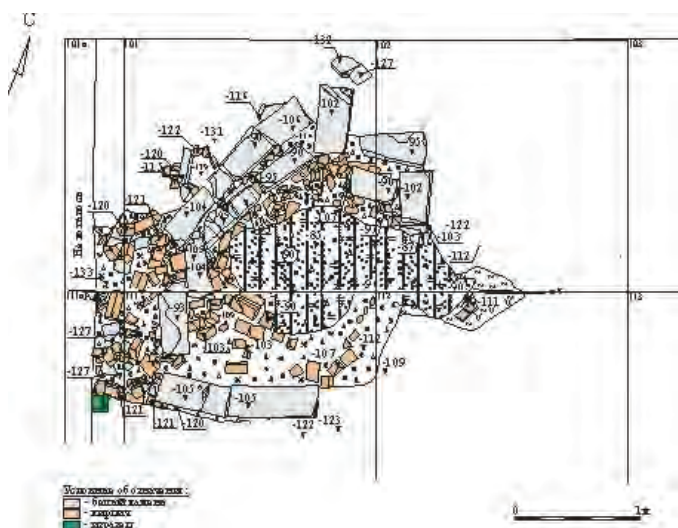
Историческое владение № 256/164 (совр. Кадашевский тупик, д. 3) расположено в центральной части квартала № 401. Исследованный участок, имеющий прямоугольную конфигурацию, вытянут вдоль Кадашёвского тупика.

Илл. 2. Фото фундамента печи.

Примерно на глубине 90–120 см от поверхности был выявлен фундамент печи, которая была разрушена по причине пожара здания (илл. 2). Он был расположен на расстоянии примерно 20 м к югу от современного Кадашёвского тупика и представлял собой остатки белокаменной конструкции, заваленной строительным мусором (битый кирпич, белокаменная крошка, глина, известь, песок, в нем также встречались фрагменты изразцов, отдельные угли). Фундамент располагался на участке размером 280 x 270 см (илл. 3).

Фрагменты изразцов были найдены в кирпичном развале, в непосредственной близости от фундамента печи. Горизонт строительства сооружения перекрывает слой с четко датирующим материалом, а именно монеты 1718–1722 гг. правления императора Петра I. Таким образом, датировкой строительства печи является период 1690–1700 гг., а дата разрушения печи – первая четверть XVIII века.

Илл. 3. Чертеж фундамента печи.

Полученные на реставрацию изразцы имеют на внутренней поверхности следы сажи, на некоторых фрагментах в остатках румп обнаружен известковый раствор, все это свидетельствует о том, что данные изразцы являются единым печным комплексом.

Лицевая поверхность изразцов – рельефная, с растительным орнаментом. Все изразцы изготовлены методом отминки в форму. В общей массе материала прослеживается использование нескольких идентичных форм, имеющих небольшие отличия в расположении элементов декора. Изразцы – полихромные, фон всех изразцов покрыт глухой желтой эмалью с градацией оттенка от лимонного до охристо-желтого. В росписи орнамента присутствуют синяя, белая, зеленая глухие эмали и коричневая прозрачная глазурь. Эмаль имеет потеки, что дает нам информацию о методике наложения эмали и расположения изразца внутри печи при обжиге. Материал черепка – красножгущаяся глина. При его рассмотрении можно отметить, что глиняная масса имеет естественный красновато-рыжий цвет и пористую однородную структуру, в составе присутствуют примеси в виде мелких округлых камушков до 2 мм и песка.

У анализируемых изразцов румпа имеет вид ящика со стенками, отступающими от 1,5 до 2 см от края лицевой пластины, и сужается к верхней части и заканчивается двойным буртиком. Румпа изготовлена гончарным способом с дальнейшим формированием по месту, имеет среднюю толщину 0,8 см. Для фиксации изразца в кладке имеются отверстия в румпе диаметром до 2,5 см, предположительно сделанные пальцем.

Проанализировав все имеющиеся изразцы, можно выделить следующие их типы:

1. Лицевые стенные изразцы (19 фрагментов).
2. Карнизный пояс-«каблучок» (11 фрагментов).
3. Плоский пояс (8 фрагментов).
4. Перемычки (1 фрагмент).
5. Ножи (3 фрагмента).

Рассмотрев классификационную схему разделения русских изразцов Немцовой Н. И.³, можно отметить, что среди имеющихся изразцов отсутствуют фрагменты печных подзоров и городков. Это может говорить о том, что не весь материал был собран, так как проводимые археологические раскопки ограничены участком работ. Возможны и другие причины, которые поддаются только догадкам.

Для реставрации были отобраны 6 изразцов разных типов и составлено реставрационное задание:

- лицевой изразец – 2 шт. (илл. 4–5);
- изразец-валик – 2 шт. (илл. 6–7);
- поясовый изразец – 2 шт. (илл. 8–9).

Процесс реставрации:

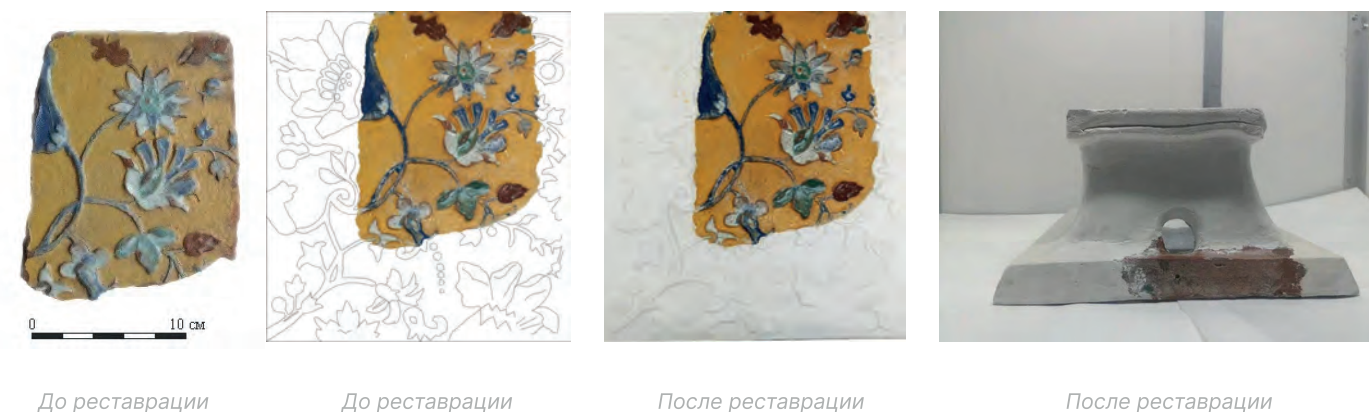
1. Фотофиксация изразцов до реставрации.
2. Очистка. Были применены компрессы раствора в теплой воде средства «Прогресс» 1 к 19. Для удаления известкового налета был выбран 5%-раствор Трилона Б.
3. Снятие силиконовых оттисков. В связи с большими утратами реставрируемых изразцов и возможностью снять копии с целых изразцов был выбран формовочный способ реставрации. Для снятия форм-оттисков были выбраны изразцы с наименьшими утратами. В работе применялись синтетические полимеры для литья форм («Эластолукс» и «Копи-паста») ввиду их быстрого отверждения в комнатных условиях.
4. Восполнение утраченных фрагментов. В качестве докомпоновочного материала было принято решение использовать гипс.
5. Выравнивание поверхности. Потребовалась подгонка восстановленных фрагментов к оригинальным. Для этого использовалась механическая обработка (наждачная бумага, напильник, скребки различных форм и скальпели). На финишном этапе были произведены докомпоновки гипсовой шпатлевкой Pufas.
6. Пропитка. В связи с тем, что гипс, используемый для восполнения, является очень пористым и мягким, для укрепления и облегчения последующих тонировок понадобилась пропитка БМК-5.

7. Тонировка. Так как данные отреставрированные изразцы будут экспонироваться в Музее Москвы, то к реставрации было предъявлено требование – тонировка восполненных утрат, позволяющая легко отличать восполнения. По договоренности с музеем один изразец решено сделать с полной тонировкой максимально приближенной к оригинальным цветам черепка и эмали. Для остальных изразцов восполненную часть протонировать белым приглушенным цветом. Для тонировок применялись термостойкие лак Elcon High Therm и эмаль КО-174 на основе полибутилметакрилата, масляные краски с предварительной оттяжкой масла.

В результате проделанной работы шести изразцам был возвращен экспозиционный вид. Реставрация проведена с соблюдением всех требований при работе с музейной керамикой. В процессе реставрации получены практические навыки, опробованы различные материалы, проведен большой объем работ по восстановлению и корректировке подходов в процессе реставрации.

Стоит отметить, что имеющийся обширный материал может быть полезен для дальнейшего изучения. Наличие почти всех элементов печного набора и размеры основания печи дают возможность сделать реконструкцию внешнего вида печи. Также для более точного изучения состава покрытий печного комплекса можно сделать рентгенофлуоресцентный анализ всех цветов. Это позволит выявить закономерность использования принципиально разных по составу эмалей фона в одном печном наборе. Были ли это изделия разных мастеров по одной форме или же использовали только замену эмали одного цвета фона, а остальные цвета идентичные? Данный печной комплекс может дать обширную информацию при более детальном изучении.

В глобальном значении изразцовое искусство как предмет исследований дает возможность получить новые знания в области культуры, времени бытования, исторического контекста, а также позволяет воспроизвести технологии производства изразцов для реконструкции и реставрации многочисленных архитектурных построек, в украшении которых присутствуют изразцы.

Илл. 4. Лицевой изразец 1.

Илл. 5. Лицевой изразец 2.

До реставрации

После реставрации

Илл. 6. Изразец-карниз № 3.

До реставрации

После реставрации

Илл. 7. Изразец-карниз № 4.

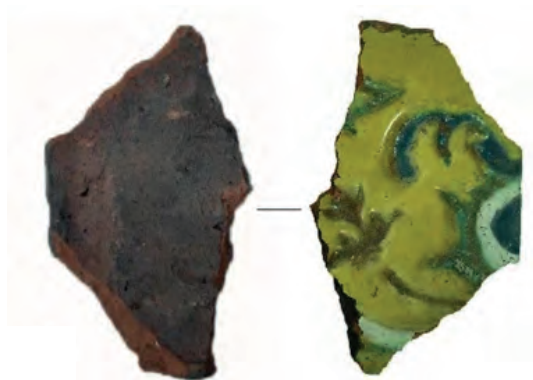
До реставрации

После реставрации

Илл. 8. Поясовой изразец № 5.

Шарифова А. Г.
Реставрация группы печных изразцов конца XVII – первой четверти XVIII века
из Кадашёвской слободы

До реставрации

После реставрации

Илл. 9. Поясовой изразец № 6.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соколовский В. И. Информационная значимость изразцового декора.
2. Малых С. В. Комплекс печных сооружений XVIII в., изученный в ходе раскопок 2015 года в Кадашёвской слободе Москвы. Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2016 года.
3. Немцова Н. И. Методические рекомендации по исследованию и реставрации русских изразцовых печей XVII–XVIII веков / Министерство культуры РСФСР, Рос. респ. специализир. науч.-реставрац. ассоц. Росреставрация. М., 1989.

Клад русских пул XVI века с Большой Татарской улицы

Волков И. В., Зубарев Н. В

Летом 2023 г. сотрудниками Столичного археологического бюро были проведены охранные археологические исследования участка Замоскворечья, отводимого под застройку комплексом апартаментов, расположенного на территории заброшенного завода «Геоприбор» на Большой Татарской улице. Работы проводились на нескольких раскопах; в результате получены ценные данные по истории освоения этого района Москвы, зафиксировано большое число различных объектов, относящихся к Средневековью и Новому времени, собрана обширная вещевая коллекция. Ее важной составной частью является серия русских монет XV–XIX веков, среди которых выделяется небольшой комплекс медных пул XVI века, введению которого в научный оборот и посвящена настоящая заметка¹.

Участок исследований расположен на территории исторического района Москвы – Татарской слободы, основание которой традиционно относят к XIV веку, то есть ко времени господства Золотой Орды, даннических отношений Московских князей, но вместе с тем и достаточно активных торговых контактов с ордынцами. Скудность письменных источников этого времени заставляет более внимательно относиться к источникам археологическим, добываемым в процессе охранных исследований отдельных строительных площадок, которых в последние годы в Замоскворечье освоено немало.

На настоящий момент древнейшие материалы, полученные на данной территории, могут свидетельствовать о достаточно развитом «селитебном» характере территории начиная с конца XV века. Раскопки вдоль красной линии Большой Татарской улицы (рис. 1) позволили получить важные материалы о времени и этапах сложения первоначальной застройки участка. Именно к концу XV–XVI веков, то есть к правлениям Ивана III, Василия III и Ивана IV относятся древнейшие открытые в ходе работ остатки построек и сооружений хозяйственного назначения, следы частоколов и плетней, разграничивающих усадебные наделы, и ряд других объектов. Этим же временем датируются и многочисленные нумизматические находки, основную часть которых составляют московские и тверские медные пула. Эти мелкие медные монеты, выпускавшиеся в больших количествах, имели очень низкую нарицательную стоимость: за серебряную копейку их давали несколько десятков. Именно поэтому пула (а название номинала происходит как раз от ордынского наименования медной монеты – «пуло») являются столь

частой находкой в культурном слое русских городов. Полученные данные о времени заселения участка подтверждены исследованиями и на близлежащих территориях исторического района Всполя, частью которого является Татарская слобода.

Рис. 1. Место проведения археологических работ на плане Москвы середины XIX века (Хотев А., 1852–1853).

Более поздний период освоения слободы относится к периоду преодоления последствий Смутного времени – когда Москва начинает «приходить в себя» после бурного начала XVII века. Археологически прослеживаются остатки богатых деревянных усадеб с роскошными изразцовыми печами, украшенными рельефными, зачастую сюжетными, изображениями.

С конца XVII века Татарская слобода переживает расцвет, нашедший отражение в расширении строительства усадеб и сложении регулярной застройки. В культурном слое выявляются многочисленные остатки жилых и хозяйственных построек с не менее богато украшенными печами; набор посуды со второй половины XVIII века представлен разнообразными типами керамики, фаянса, фарфора, включая многочисленные импортные изделия, произведенные в Европе и Китае. Позднее, в XIX – начале XX века Татарская слобода продолжает активно функционировать: большинство усадебных наделов многократно меняет владельцев, на ее территории появляется множество каменных городских усадеб, торговых лавок и мелких ремесленных производств.

Итак, в ходе работ на раскопе площадью 24 м², прилежавшем, как сказано выше, к красной

линии Большой Татарской улицы, исследовались культурные напластования, достигавшие мощности 1,7 м без учета углубленных в материк ям. Именно в одной из таких материковых ям, имевшей аморфные очертания, размер 3 x 2 м и глубину до 60 см от уровня материка, был обнаружен публикуемый клад. Заполнение объекта имело слоистую структуру (рис. 2) и представляло собой темно-серую супесь с многочисленными линзами угля, золы и печной обмазки. Набор находок, сделанных в процессе разборки ямы, типичен для средневековой Москвы XVI века: железные черешковые ножи, обломки красноглиняных ангобированных игрушек и проч. Обломки сосудов, происходящие из рассматриваемого объекта, представлены в основном красноглиняной (40%), и белоглиняной ранней (50%) керамикой, а прочие типы в совокупности составляют всего 10%, причем встречены единичные фрагменты чернолощенных сосудов.

Рис. 2. Стратиграфический разрез материковой ямы, в которой был обнаружен клад. Вид с северо-запада.

В момент находки монеты рассматриваемого комплекса имели вид стопочки, плотно соединенной окислами меди (рис. 3). С большой долей уверенности можно говорить, что перед нами – содержимое кошелька или узелка из органического материала (кожи, ткани), полностью истлевшего. То есть обнаружены разменные деньги небогатого москвича, в свое время им потерянные. После расчистки выяснилось, что в комплексе представлены исключительно медные русские пула, причем имеющие очень хорошую сохранность, а это в целом нечастое явление при городских раскопках.

Рис. 3. Клад пул до реставрации (увеличено в 1,5 раза).

Всего в комплексе двенадцать монет, из которых десять относятся к самому распространенному типу московского чекана (рис. 4.1–10), имеющему на лицевой стороне изображение сирены в короне, а на оборотной – надпись с указанием номинала и места выпуска (Гайдуков П. Г., 1993. № 405). Их вес составляет 0,36; 0,43; 0,44; 0,47 (2 экз.); 0,49 (3 экз.); 0,50 и 0,63 г. Кроме того, встречено еще одно московское пуло, имеющее иное изображение (рис. 4.11): птицы с распрямленными крыльями, повернутой влево (Гайдуков П. Г., 1993. № 409; вес 0,52 г). Очень похожая птица, но развернутая вправо (рис. 4.12), помещена и на лицевой стороне единственного тверского пула, выявленного в составе кошелька (Гайдуков П. Г., 1993. № 362; вес 0,35 г).

Рис. 4. Монеты клада после реставрации (увеличено в 1,5 раза). 1–11 – Москва; 12 – Тверь.

Ранее считалось, что московские пула с сиреной чеканились еще в первой трети XVI века. Однако исследования последних лет (в частности, обнаружение технологической штемпельной связи таких пул с царскими денгами Ивана Грозного – см.: Гришин И. В., Клешинов В. Н., Храменков А. В., 2021. № 85) позволяют уверенно говорить о выпуске этих монет как минимум до середины XVI века. Два других типа (и московский, и тверской) относятся, вероятно, уже ко второй половине столетия и являются самыми поздними экземплярами в составе публикуемого комплекса.

Хотя маленькие пула конца XV–XVI веков в виде единичных находок встречаются в городском культурном слое на порядок чаще, чем серебряные монеты, кладов, состоящих из них зарегистрировано очень мало. Почти все они имеют небольшой размер и представляют собой, как и в нашем случае, потерянные кошельки. Насколько известно, при проведении археологических работ в Москве был обнаружен пока лишь один комплекс пул, насчитывающий несколько десятков монет, кладовое происхождение которого подтверждено документально².

Тем интереснее для исследователей информация о любых комплексах медных монет XVI века, дающая ценные сведения о структуре городского денежного рынка эпохи Ивана Грозного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Благодарим руководителя работ А. А. Кронштадтского-Карева за предоставленную возможность опубликовать находку.
2. Раскопки 2020 г. возле Павелецкого вокзала; 88 экз. См.: Волков И. В., Воронин К. В., 2023.
3. Волков И. В., Воронин К. В., 2023. Клад медных пул XVI в. из раскопок 2020 г. в Москве // Русское денежное обращение IX–XVII вв. Материалы новгородских нумизматических конференций 2021–2022 гг. Великий Новгород (в печати).
4. Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993.
5. Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. Изд. 2-е. М.: Леопарт, 2021.
6. Хотев А., Атлас столичного города Москвы / Сост. А. Хотевым. М.: Тип. Ведомостей Моск. гор. полиции, 1852–1853.

Фальшивый талер аббатства Мурбах и Люр из раскопок в Москве

Петухов С. П.

Фальшивая монета – подражание талеру – была найдена специалистами ООО «Археологические изыскания в строительстве» при проведении археологических работ на объекте «Никитский бульвар, вл. 6/20» в 2006 г. (рис. 1, 2, 3, 4).

Рис. 1. План Москвы (Мериана).
Гравюра 1638 г. с указанием места находки
фальшивого талера аббатства Мурбах и Люр.

Исследуемый участок расположен в историческом центре Москвы, на территории памятника археологии федерального (общероссийского) значения «Белый город» XIV–XVII веков (Указ Президента РФ № 176 от 20 февраля 1995 г.).

Рис. 2. Местоположение
археологического объекта
«Никитский бульвар, владение 6/20»
на современной карте
г. Москвы (www.mos.ru).

Никитский бульвар является составной частью Бульварного кольца Москвы и расположен в его западном секторе. Бульвар был проложен на месте стены Белого города, между Арбатскими и Никитскими воротами. В 1770-х гг. прясло стены на данном участке было разобрано. Название Никитский бульвар получил вскоре после 1812 г. (Векслер А. Г., 2007. С. 4–10).

Рис. 3. Никитский бульвар,
вл. 6/20. Раскоп № 1. Рабочий момент. Фото.

Атрибутировала фальшивую монету к. и. н. Т. Ю. Стукалова (ОН ГИМ): прототипом послужил талер аббатства Мурбах (Murbach) и Люр (Lure) чеканки 1544–1560 гг. (аббат Иоганн-Рудольф Штёр фон Штёренберг/Johann Rudolph Stör von Störenberg. Священная Римская империя, Верхний Эльзас. (Engel, E. Leht, 1887. P. 131, Nab. XXII, № 9; John S. Davenport, 1981. № 9586).

Рис. 4. Никитский бульвар,
вл. 6/20. Раскоп № 1. Профиль ямы № 5. Фото.

Аббатство Мурбах было основано в 727 г. святым Фирмином (Firmin). Середина XVI века стала временем наивысшего расцвета аббатства. В 1543 г. папа Павел III (1534–1549) объединил аббатство Мурбах с аббатством Люр в Бургундии. В 1544 г. Карл V (1519–1556) даровал аббатству право чеканить монеты. Денежный двор находился в г. Гебвиллер (Guebwiller) и работал с перерывами до 1666 г. (Engel, E. Leht, 1887. P. 130).

На аверсе фальсификата – изображение 4-створчатого герба с центральным щитом Мурбаха, по бокам – два посоха, митра вверху; вокруг фрагмент надписи, содержащей титулы аббата Иоганна-Рудольфа Штёр фон Штёренберга:

+ IOTS ...G.MVRBAC.ET ...VTREN.AB

На реверсе фальсификата – изображение двуглавого орла в короне; вокруг фрагмент надписи с титулом Карла V и датой:

CAROLVS.V.ROM.IMPERT ...R. ...VG. 15 ...

Диаметр монеты – 38 x 40 мм, вес – 27,12 г. (рис. 5.2). Слой серебрения не сохранился.

Фальшивый талер изготовлен самым доступным для любого неквалифицированного злоумышленника способом: заливкой расплавленного металла (в нашем случае это бронза) в двухстворчатую форму, с дальнейшим нанесением на полученную заготовку слоя серебра. Учитывая низкое качество подделки, можно предположить, что фальшивомонетчиками была использована форма, выполненная из глины («в опоки»), которая затем многократно использовалась, т. к. на поверхности фальшивой монеты хорошо видны следы ее «технического» износа (Мельникова А. С., 1989. С. 231). Отметим также, что «воровские» деньги могли отливаться в формы, изготовленные из «мягкого» камня, например известняка или сланца (Лакиер А. Б., 1853. С. 264).

Массовый характер производства фальшивых талеров аббатства Мурбах и Люр подтверждается находкой аналогичного фальсификата, изображение которого было представлено на нумизматических сайтах «Старая монета» и «Центральный форум нумизматов СССР» от 22.05.2022 г. К большому сожалению, у нас отсутствует информация о месте и обстоятельствах данной находки. Также неизвестна и дальнейшая судьба этой фальшивой монеты (рис. 5.3).

Выбор талера аббатства Мурбах и Люр как прототипа фальсификата – не случаен. Фальшивомонетчикам важно было подобрать монету, подделка которой не требовала бы от них боль-

ших материальных и производственных затрат. Таким критериям полностью отвечает рассматриваемый нами нумизматический артефакт: у него отсутствуют объемные и сложные рельефы, нет мелкой детализации изображений.

Местом изготовления фальшивых талеров аббатства Мурбах и Люр, с большой долей вероятности, следует признать Западную Европу, где подделка крупной серебряной монеты имеет многовековую историю (Бойко-Гагарин А. С., 2014). Для более точной локализации места/территории их незаконной «чеканки» следует провести анализ и картографирование мест находок аналогичных фальсификатов, как на территории России, так и за ее пределами. Возможно, данная публикация позволит привлечь к этому исследованию зарубежных нумизматов.

Остаются открытыми вопросы: как и когда фальшивый талер аббатства Мурбах и Люр оказался на территории Москвы?

Рис. 5. Талер аббатства Мурбах и Люр (1) и его фальсификаты (2 и 3).

С середины XVI века на территорию Московского государства из стран Западной Европы начали поступать крупные серебряные монеты – талеры. Они не участвовали в денежном обращении, а являлись «...видом ввозимого товара» – сырьевого серебра. Основная масса талеров переплавлялась в тиглях государевых денежных дворов, где из них чеканили русские деньги, незначительная часть – использовалась в ювелирном деле (Мельникова А. С., 1989. С. 33, 153; Спасский И. Г., 1955. С. 227; 1960. С. 3). Можно предположить, что найденный археологами фальшивый талер (или партия талеров) был тайно привезен на территорию Московского государства иностранцем для сбыта в личных корыстных интересах, т. к. если бы данную подделку обнаружили на Московском денежном дворе, то тогда бы она вряд ли оказалась в яме № 5 раскопа № 1. Выпадение фальшивой монеты в культурный слой Москвы могло произойти, по данным археологии, на рубеже XVI–XVII веков (Векслер А. Г., 2007. С. 23–24).

Список фальшивых западноевропейских монет крупного номинала, найденных при проведении археологических работ на территории столицы, не велик: в 1997 г. на улице Пречистенке археологами ЦАИ ГУОП г. Москвы была обнару-

жена монета, копирующая серебряный флорин (гульден) XVII века имперского г. Кампен (Зайцев В. В., 1998; Зверев С. В., Стукалова Т. Ю., 2004).

Фальшивый флорин изготовлен более сложным способом: с помощью винтового пресса на медной заготовке были оттиснуты изображения аверса и реверса монеты, затем полученный «полуфабрикат» покрыли слоем серебра, который частично сохранился до наших дней.

Таким образом, рассмотренный нами фальшивый талер аббатства Мурбах и Люр, найденный в Москве в 2006 г., является не только уникальным свидетелем денежного обращения на территории Московского государства на рубеже XVI–XVII веков, но и представляет большую историческую и нумизматическую ценность.

Монета поступила на хранение в Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музейное объединение "Музей Москвы"». Пользуюсь случаем и выражаю искреннюю признательность сотрудникам отдела «Археология» Музея Москвы за помощь в подготовке данного материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бойко-Гагарин А. С. Монеты Центральной и Восточной Европы XIV–XVII вв.: процессы изготовления и фальсификации // Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук. Кировоград, 2014.
2. Векслер А. Г. Отчет о предпроектных археологических исследованиях, связанных со строительством гостиничного комплекса с подземной автостоянкой по адресу: Никитский бульвар, вл. 6/20 в г. Москве в 2006, 2007.
3. Зайцев В. В. Иностранные монеты XIII–XVII вв. из археологических раскопок в Москве // Нумизматический альманах. № 3, 1998. С. 14–19.
4. Зверев С. В., Стукалова Т. Ю. К атрибуции поддельного гульдена XVII в. из раскопок в Москве // Нумизматический сборник. № 11, 2004. С. 50–56.
5. Интернет-сайты: «Старая монета» (www.staraya-moneta.ru) и «Центральный форум нумизматов СССР» (www.coins.su).
6. Лакиер А. Б. История подделки монет в России до времени Петра Великого. Записки Императорского Нумизматического Общества. Т. 5. С. 248–281, СПб., 1853.
7. Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого, М., 1989.
8. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533г. По 1617 г. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III, М., 1955.
9. A. Engel, E. Leht. Numismatique de L'Alsace. P. 131, Nab. XXII, № 9, Paris, 1887.
10. John S. Davenport. German talers. 1500–1600. № 9586, 1981.

Южный пригород Херсонеса Таврического

Соловьева Н. Ф., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В.,
Покровская А. Ф., Низов Я. А.

Самые масштабные полевые исследования завершены

Создание грандиозного историко-археологического парка на территории, высвобождаемых Министерством обороны Российской Федерации по поручению президента РФ, потребовало проведения масштабных археологических исследований в границах выявленного объекта археологического наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Раскопки были проведены в 2021–2023 гг. комплексной археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН при поддержке Фонда «Моя история» и Министерства обороны Российской Федерации.

В состав участников совместного грандиозного археологического проекта вошли: Государственный Эрмитаж, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Институт археологии Крыма РАН, Севастопольский государственный университет и НАО «Наследие Кубани». Исходя из опыта работ такие исследования должны были занять десятилетия, однако профессиональный коллектив специалистов использовал наработанные им методики раскопок и цифровой фиксации, позволившие провести эти уникальные масштабные исследования в рекордно сжатые сроки на высоком методическом уровне, сохранив максимум информации для науки (Соловьева и др., 2021; 2022).

Территория, на которой в 2021–2023 гг. велись археологические исследования, примыкает к изученным в разное время участкам херсонесского некрополя и древней хозяйственной застройки возле оборонительных стен городища. Первые раскопки южного некрополя Херсонеса провел К. К. Косцюшко-Валюжинич в 1891–1895 гг. (ОАК, 1893. С. 14, 15; 1894. С. 19, 20). В общей сложности на этом участке им было открыто более 600 погребальных сооружений. В 1908–1914 гг. изыскания на херсонесском некрополе были продолжены Р. Х. Лёпером и Н. И. Репниковым (Репников, 1927. С. 149–186; Зубар, 1978. С. 53). В январе – марте 1937 г. экспедиция Херсонесского заповедника под руководством А. К. Тахтая обнаружила здесь новые погребальные сооружения: 20 могил и четыре склепа (Тахтай, 1947. С. 123–125; 1948. С. 19–43). В 1955–1957 гг. В. В. Борисова исследовала остатки керамических мастерских эллинистического времени, открытые в ходе обустройства воинской части

(автомобильного батальона) (Борисова, 1958. С. 144–153). Неподалеку от этого места в 1959 г. была открыта подбойная могила IV века, вырубленная в скале (Даниленко, 1961. С. 57–62), а в 1960–е гг. Л. Г. Колесникова и Ю. А. Бабинов раскопали средневековые склепы (Колесникова, 1962; 1967). В 1972–1973 гг. при прокладке траншеи для ливневой канализации на территории автобата были обнаружены четыре склепа IV–V веков, исследованные С. Г. Рыжовым и В. Н. Даниленко (Даниленко, 1972; Рыжов, 1973). В 2020 г. на территории автобата и Учебного центра школы водолазов О. В. Шаров, С. Г. Рыжов и В. Л. Мыц провели археологические разведки с целью выявления объектов археологического наследия, уточнения сведений о них и планирования мероприятий по обеспечению их сохранности. Итогом этих работ стало выявление объекта археологического наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический», который был включен в перечень выявленных ОАН приказом № 325 Управления охраны объектов культурного наследия города Севастополя от 17.09.2020 г.

Общая площадь ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический», согласно учетной документации, составила 139444 м², из которых на конец 2023 г. было полностью исследовано 85797 м² (рис. 1).

Рис. 1. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» в процессе раскопок. Вид с юга.

Силами комплексной археологической экспедиции на этой территории открыты культурные слои и более тысячи археологических объектов разных эпох – от Классики до Новейшего времени, которые включают: гидротехнические сооружения для запасов воды (цистерны и колодцы); хозяйственные и производственные постройки, некрополь античного времени с захоронениями,

совершенными по обрядам ингумации и кремации, склепами с разнообразным и богатым погребальным инвентарем; некрополь раннехристианского времени, включающий вырубленные в скале склепы со сложной архитектурой; французский шанец времен Крымской войны 1854–1855 гг.; юртообразные постройки XIX века; хозяйственные строения начала XX века; следы обороны Севастополя в Великую Отечественную войну. Масштабные археологические раскопки в Южном пригороде Херсонеса в 2021–2023 гг., открывшие более 700 захоронений, не только существенно дополнили, но и сформировали новую картину представлений о погребальной практике жителей древнего города. Динамика освоения этой территории ныне представляется следующим образом.

Интенсивное освоение загородной территории началось в классическую эпоху и было связано в большей мере с сельскохозяйственной и ремесленной деятельностью первых жителей Херсонеса. Свидетельством тому служат открытые остатки сельских построек с колодцами и печи для обжига керамики. Уже в первой половине IV века до н. э. местность перед городскими воротами наделяется особым статусом. Здесь обустраивается священный участок с мавзолеем (герооном), храмом в антах, алтарем, помещениями для даров, паломников и жрецов, мощным камнем двором для процессий, священным источником (нимфеем).

Рис. 2. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Героон. IV в. до н. э. Вид с северо-запада.

К числу исключительных объектов относится героон – уникальный памятник погребальной архитектуры первой половины IV в. до н. э. в Северном Причерноморье (рис. 2). Героон представлял собой монументальную ордерную постройку, нижняя закрытая часть которой содержала саркофаг с останками героя, возможно, одного из архегетов Херсонеса (Malkin, 1987. P. 204–240; Antanaccio, 1995. P. 245–268; Lane, 2009.

P. 248–254; Herda, 2013. P. 67–122), и снаружи была украшена рельефным фризом со сценами амазономахии, а примыкавшая к ней площадка служила портиком – открытой колоннадой и, возможно, местом для его статуи.

Рис. 3. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Мраморный фриз со сценой амазономахии. Фрагмент. Середина IV в. до н. э.

С территории героона происходит одна из самых значимых находок – фрагмент рельефного фриза со сценой амазономахии (рис. 3). Иконография сцены при сопоставлении с известными образцами середины IV века до н. э. совпадает в деталях. Рельеф невысокий, в композиции ясно читается «героическая диагональ» – главный художественный прием Скопаса, который скульптор применял в изображении битвы греков и амазонок в рельефах Галикарнасского мавзолея. Подобные фризы со сценами сражений и с амазонками украшали монументальные святилища – герооны Ликии и Кари, а под влиянием этих образцов они распространились по всей Анатолии, в Греции, Италии и других регионах в «малых формах», в памятниках с погребальным контекстом. Так же, как и подобные архитектурные рельефы из Тарента и Афин, херсонесский фриз украшал высокий подиум небольшого храма, воздвигнутого на месте погребения обожествленного умершего (Сокровища, 2022. С. 31).

Рис. 4. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Пелика краснофигурная с изображением крылатой богини Ники на квадриге. Фрагмент. Аттика. Середина IV в. до н. э.

Особое внимание привлекает крупный фрагмент краснофигурной пелики середины IV века до н. э. с изображением крылатой богини Ники на квадриге, найденный при раскопках героона (рис. 4). На нем изображена сцена титаномахии – битвы богов-олимпийцев с титанами, в которой Ника появляется как возница Зевса, управляющая его квадригой.

Рис. 5. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Храм в антах. IV в. до н. э. Вид с юго-запада.

Рядом с герооном открыта одна из самых ранних культовых построек Херсонеса – храм в антах первой половины IV в. до н. э., служивший святилищем и местом почитания героя, возможно одного из архегетов Херсонеса (рис. 5). Храм-дистиль – построен в дорическом ордере с четырёхколонным портиком с пронаосом и наосом для установки статуи божества и местом для даров – сокровищницей (Чистов, 2022. С. 190, рис. 1). Рядом с храмом открыты остатки большого теменоса, включавшего большой мощный двор и многокомнатное здание для жрецов, даров, паломников и проведения сисситий (рис. 6).

Рис. 6. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Теменос. IV–II вв. до н. э.

В течение эллинистического периода в окрестностях теменоса появляются первые погребения: открыто 31 погребение, в составе которых преобладали захоронения в простых ямах, обложенных камнями или вырубленных в скале (рис. 7), часть из них были перекрыты черепицей. Пять погребений

были совершены по обряду кремации. Четыре детских захоронения помещены в амфоры. Найдено одно погребение в скорченной позе.

Рис. 7. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Погребение. III–II вв. до н. э.

Территория Южного пригорода Херсонеса, отведенная под некрополь, не утратила своего особого значения для жителей Херсонеса, а во времена Диофантовых войн даже потребовала дополнительной фортификации в виде мощной оборонительной стены с контрфорсами (рис. 8), отделившей формирующийся некрополь от сельскохозяйственной территории и, возможно, служившей дополнительной преградой для грунта, стекавшего по дну Херсонесской балки в сторону городских стен (Вахонеев и др., 2023; Глазунов и др., 2023. С. 29).

Рис. 8. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Оборонительная стена. II в. до н. э. Вид с северо-востока.

В первые века н. э. Южный пригород Херсонеса – уже сформировавшийся некрополь со своей внутренней пространственной организацией, захоронения которого демонстрируют большое разнообразие погребальной обрядности жителей Херсонеса этого времени. Территория некрополя была поделена на участки, принадлежавшие зажиточным горожанам участки могли быть богато оформлены ступенчатыми стилобатами с пилонами. Наиболее привилегированный участок находился в непосредственной близости от городских ворот. К нему относились уникаль-

ные и монументальные погребальные сооружения, расположенные на восточной стороне древней улицы, идущей от ворот Херсонеса по территории городского некрополя.

Рис. 9. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Толос. I-II вв. Вид с юго-востока.

Уникальный для Северного Причерноморья погребальный комплекс II века – толос (сооружение круглой в плане формы с куполообразной кровлей) – содержал каменный саркофаг со свинцовой погребальной урной (рис. 9; 10). Комплекс монументальных погребальных построек II века, принадлежавших выдающимся гражданам Херсонеса, сочетал в себе сложенный из массивных профилированных плит колумбарий для членов одной знатной семьи с многочисленными надгробными стелами, надписями и антропоморфами и плитовые гробницы Аристана и Аннион, а также других безымянных граждан Херсонеса (рис. 11).

Рис. 10. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Погребальная урна. Свинец. I-II вв.

Рис. 11. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Колумбарий. Гробницы Аристана и Аннон. I-II вв. Вид с северо-запада.

Сюда же входила экседра-склеп с каменными скамьями и четырьмя погребальными камерами (рис. 12; 13) (Вахонеев, Соловьев, 2023). Экседра, как отдельное архитектурное сооружение, представляла собой особый тип ритуальной беседки, обычно устраиваемой в местах, имевших особое общественное или культовое значение, на важных улицах города или некрополя. Они были распространены в период эллинизма на агорах и в святилищах Греции и Малой Азии (Thüngen, 1994; Lepore, 2004), а в римское время использовались для того, чтобы воздавать почести высокопоставленным римским чиновникам в этих восточных римских провинциях (Балти, 2009. С. 197).

Рис. 12. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Экседра. Перекресток улиц некрополя. I-II вв. Вид с северо-запада.

Однако херсонесская экседра имела свои особенности – ее нижняя часть служила семейной усыпальницей одной из знатных фамилий Херсонеса. Нижняя часть сооружения представляла собой погребальный комплекс с двумя саркофагами, вырубленными из цельных блоков известняка, и двумя плитовыми могилами (рис. 13).

Рис. 13. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Экседра-склеп. I-II вв. Вид с северо-запада.

В перекрытии одного из саркофагов было использовано надгробие Ксандры, дочери Антисфена, датируемое по шрифту рубежом эр. Следует отметить, что упоминание имени Ксандры в херсонесской эпиграфике зафиксировано впервые. После снятия перекрытия погребальных камер и саркофагов было установлено, что захоронения совершались как по обряду ингумации, так и кремации (рис. 14).

Рис. 14. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Бронзовая урна. I-II вв.

С востока к привилегированному некрополю примыкал участок, отделенный монументальным пропилоном с каменными ступенями (Рис. 15), за которым располагались захоронения в ямах и склепах, значительная часть которых принадлежала знатным гражданам города. Рядовые горожане этого времени были захоронены южнее этих двух участков, в простых ямах или каменных ящиках (рис. 16).

Рис. 15. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Пропилон. I-II вв. Вид с севера.

Рис. 16. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Погребение. I-II вв. Вид с северо-запада.

Важной особенностью погребальной практики жителей Херсонеса на протяжении античной эпохи стало устойчивое сочетание обрядов ингумации и кремации, причем последняя традиция заметно доминировала (Соловьева и др., 2023). Открытые на всех участках некрополя кремационные площадки (рис. 17), погребальные урны, оссуарии и колумбарии поражают своим числом (около 300 объектов).

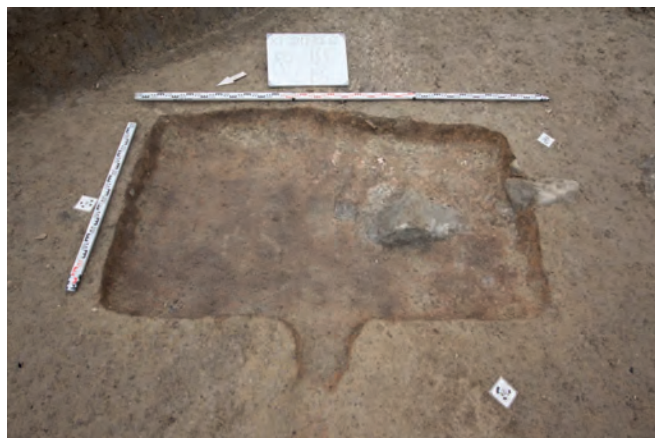

Рис. 17. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Кремационная площадка. I-II вв. Вид с севера.

В эпоху Средневековья, с началом христианства традиция захоронения в семейных склепах становится наиболее устойчивой на территории Южного пригорода, постепенно вытесняя другие погребальные обряды. Как правило, склепы состояли из входного коридора – дромоса – и сводчатой камеры с одно- или двухъярусными лежанками (рис. 18). Эти погребальные сооружения служили фамильными усыпальницами на протяжении длительного времени.

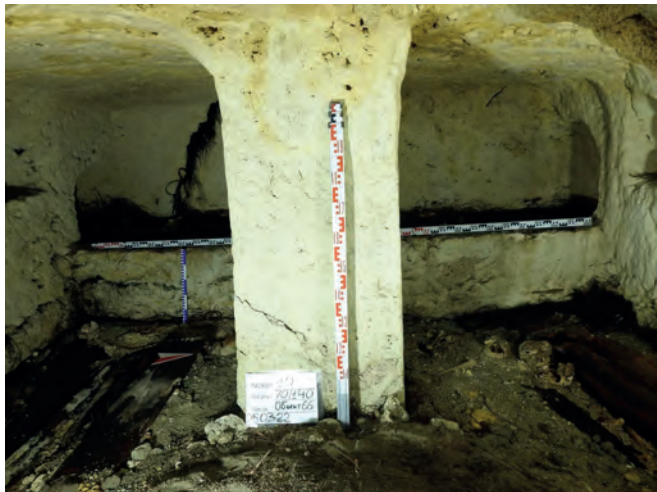

Рис. 18. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Склеп. II–V вв. Вид с востока.

С X по XIII век предназначение Южного пригорода стало иным. Как и в самую раннюю эпоху, эта территория использовалась в основном в хозяйственных целях. Здесь строится сеть дорог, обустраиваются колодцы и цистерны для питьевой воды, размещается печь для выжигания извести, возводятся жилые и хозяйственные постройки, участки земли размежевываются каменными

Рис. 19. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Источник (цистерна). V–VIII вв. Вид с востока.

стенками. Территория Южного пригорода на протяжении всей античной эпохи и в последующее время служила неиссякаемым источником пресной воды для жителей Херсонеса. Начиная с классического времени здесь были устроены цистерны и колодцы (рис. 19), которые, по всей вероятности, использовались как источники воды, святилища водных божеств, а позднее как купели для первых христиан (обнаружено более 150 объектов).

Средневековые памятники на территории Южного пригорода Херсонеса занимают около трети его территории. Загородная территория в средневековый период использовалась как в хозяйственных целях, так и в качестве некрополя. Для захоронений нередко обустраивались склепы римского времени, но также сооружались и новые фамильные усыпальницы, в которых семьи хоронили своих умерших родственников на протяжении V–XIII веков. При погребенных обнаружены редкие предметы личного благочестия (кресты, иконки), украшения (перстни, серьги, амулеты, стеклянные и бронзовые браслеты). В ходе археологических раскопок было извлечено более 600 тысяч находок V–XIV веков. Большую часть из них составляли амфоры, происходящие из десятков византийских центров (80% от общего числа находок), с которыми Херсон вел торговлю. Наиболее впечатляющей группой артефактов стали монеты (в том числе и золотые) (рис. 20), а также вислые печати (моливдовулы).

Рис. 20. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Электровый гистаменон Алексея I (1081–1118 гг.).

На разных этапах средневековой эпохи динамика и характер использования загородной территории в значительной степени различались. В V–VII веках она была занята некрополем, дорогами, ведущими к южным и портовым воротам города, колодцами, местами для свалки бытовых отходов, где аккумулировались кости животных, рыба чешуя, многочисленные обломки керамической посуды и т. п. На следующем этапе (VIII–X века) сеть дорог стала более разветвленной, появились виноградники, рядом с которыми возводились хозяйственные постройки и винодельни с давальными площадками – тарапанами, втрое увеличилось число колодцев. Финал этого периода отмечен наличием массовых захоронений не только в склепах, но и в одном из колодцев, где обнаружено более 80 погребенных, в основном молодого возраста, со следами насильственной смерти. В X веке параллельно городской стене была построена еще одна оборонительная стена, вероятно, связанная со временем осады Херсонеса войсками князя Владимира (рис. 21).

Рис. 21. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Оборонительная стена. X–XI вв. Вид с северо-востока.

Однако более вероятной может оказаться версия, что стена была возведена в первой четверти XI века, когда Херсонес сильно пострадал от землетрясения: оказались руинированными стены и башни города, а жители Херсонеса вынуждены были спешно возвести с внешней стороны старых стен новые временные куртины. Они были сложены из разномерного бутового камня на глине или насухо. После завершения восстановительных работ стена была разобрана, и до наших дней сохранились лишь отдельные фрагменты основания кладки. Третий этап в истории Южного пригорода (XI–XIII века) – период угасания хозяйственной активности. К этому времени относятся лишь четыре колодца, в последней трети XIII века засыпанные бытовым мусором, среди которого встречались и деревянные предметы (Сокровища, 2022. С. 35).

О масштабе археологических исследований в Южном пригороде Херсонеса также свидетель-

ствует коллекция археологических находок 2021–2023 гг., в состав которой вошли 6290696 артефактов, из числа которых 351780 предметов, в полной мере отражающих многовековую историю этого участка древнего города, отобрано для передачи в Херсонесский музей, а более 90 тысяч предметов уже сданы на постоянное хранение. В их составе представлены разные категории археологических находок: от простой бытовой посуды до высокохудожественных образцов греческой вазовой живописи, от предметов повседневного быта, сделанных из стекла, камня, кости и бронзы, до изысканных ювелирных украшений, многочисленные нумизматические и эпиграфические памятники (определено более 7900 и 3200 находок соответственно), большое число надгробий: от весьма условных антропоморфных изваяний до мастерски выполненных скульптурных погребальных стел. Выполнено более 170 тысяч рисунков и 224435 фотографий археологических находок. Реставраторы Государственного Эрмитажа восстановили более 18 тысяч предметов. Специалистами ИИМК РАН и Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского обработаны остеологические и антропологические материалы в количестве более 950 тысяч костных остатков.

Рис. 22. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Святильник краснолаковый с рельефным изображением кабана. I–III вв.

Самую значительную часть археологических находок составляла амфорная тара разных средиземноморских и причерноморских центров производства. Насчитывающая более трех тысяч экземпляров коллекция керамических клейм дает представление об экономических связях Херсонеса в IV–I веках до н. э. Как стало известно, среди его торговых контрагентов были такие крупнейшие центры производства вина и оливкового масла Эгеиды и Средиземноморья, как Родос,

Фасос и Книд, а также причерноморские полисы – Синопа и Гераклея Понтийская, кроме того, было найдено большое количество клейм на амфорах местного, херсонесского производства (Сокровища, 2022. С. 29). Хорошо представлена столовая (простая и расписная) и кухонная посуда античного и средневекового периодов.

Рис. 23. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Гуттус. Стекло. II в.

Отдельную группу находок составляют погребальные урны: керамические, свинцовые и бронзовые, иногда несущие на себе имена людей, чей прах был в них помещен. В составе погребального инвентаря часто встречались керамические светильники (рис. 22) и стеклянные сосуды – бальзамари, стеклянные флакончики с узким горлом для хранения душистых масел, кубки для питья, реже гуттусы (капельники для дозирования жидкости) (рис. 23), маленькие цветные баночки для мазей, применяемых как в фармакологии, так и для косметических целей. В женских погребениях частыми находками были украшения: бусы из «стеклянной пасты», украшенные инкрустацией цветного стекла, сердоликовые, янтарные, гагатовые подвески, амулеты. Интересны находки плакетки из голубого «египетского фаянса» с изображением сидящего льва, амулета-астрала из стекла синего цвета. Стеклянные браслеты синего цвета, монохромные и с декором из цветных нитей (рис. 24) получили свое распространение с конца III века в Палестине, откуда они привозились и в Херсонес (Сокровища, 2022. С. 19).

Рис. 24. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Браслет. Стекло. IV–VII вв.

В погребениях херсонесского некрополя время от времени встречается металлическая посуда, железное оружие, бронзовые светильники и даже медицинские инструменты из серебра. Но самыми распространенными предметами из металла на раскопах являются детали одежды и простые украшения: пряжки, застежки-фибулы, булавки, браслеты, кольца, серьги, амулеты-обереги, в том числе и позднего времени. Интересно, что в течение первых пяти сотен лет существования Херсонеса одежда его жителей, по всей видимости, была вовсе лишена металлических деталей. Пояса с пряжками и плащи с фибулами вошли здесь в моду только с середины I века. Среди богато украшенных образцов застежек, найденных в южном пригороде, можно назвать фибулу II века, украшенную разноцветной эмалью (рис. 25) (Сокровища, 2022. С. 21).

Рис. 25. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Фибула. Бронза. I–III вв.

Предметы из кости – еще более редкая категория находок. Кость в основном использовали для изготовления небольших предметов – булавок, парфюмерных и медицинских ложечек, рукоятей для ножей. В средневековую эпоху популярным способом украшения шкатулок была инкрустация их костяными пластинами. Среди находок из кости особо выделяется скульптурная ножка с изображением фантастического крылатого существа, напоминающего сфинкса, II–I веков до н. э. (рис. 26) – свидетельство контактов античного Херсонеса с Востоком – Парфией или Месопотамией (Сокровища, 2022. С. 22–23).

Рис. 26. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Фрагменты накладки ножки столика. Слоновая кость. II–I вв. до н. э.

При раскопках Южного пригорода Херсонеса найдено большое количество ювелирных изделий из драгоценных металлов – золота и серебра, которые входили в состав погребального инвентаря, помещенного в могилы усопших граждан херсонесской городской общины (рис. 27). На сегодняшний день можно выделить более пятидесяти предметов, которые являются художественными произведениями I–IV веков. В их составе представлены как типичные изделия, так и уникальные образцы, не имеющие аналогий среди уже известных памятников ювелирного искусства и глиптики римского времени. К первым можно отнести кольцевидные серьги разных типов и монетовидные индикации. Среди украшений второй группы особо следует отметить ажурную серьгу с бериллом и тремя подвесками, браслет с амулетом на цепочке, инталию с изображением стоящей богини, гемму с профильным мужским портретом (Сокровища, 2022. С. 25).

Большинство терракотовых статуэток из раскопок Южного пригорода были найдены в захоронениях и относились к божествам хтонического круга, куда входили, как и повсюду в Греции,

Рис. 27. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Ювелирные изделия из погребальных комплексов античного времени.

Деметра и ее дочь Кора-Персефона, Дионис и представители его свиты, Эрот-Танатос. Среди привозных статуэток эллинистического периода особенно отличается фигурка Танатоса – крылатого гения смерти, которого представляли в виде стоящего обнаженного юноши с калафом на голове, с расправленными длинными крыльями и одетого в плащ с многочисленными складками (рис. 28). Терракота покрыта плотной белой краской. В Херсонес в IV–III веках до н. э. такие фигурки поступали из Каллатиса (Сокровища, 2022. С. 27).

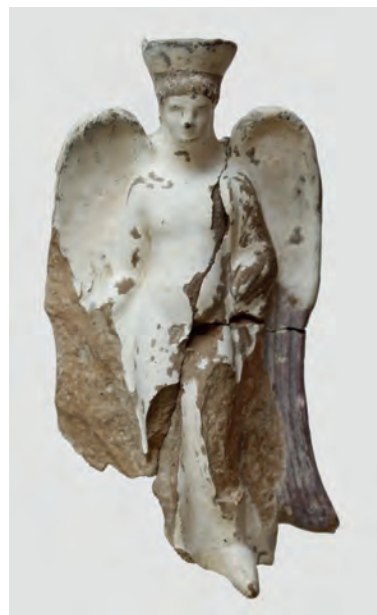

Рис. 28. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Терракотовая статуэтка Танатоса. II в. до н. э.

Раскопки Южного пригорода Херсонеса дали множество исключительно интересных находок античной скульптуры: фрагменты статуй, архитектурные рельефы и надгробия. Скульптуры изготовлены из местного известняка, а также из мрамора – дорогого привозного материала. На территории Южного пригорода обнаружена целая группа надгробных стел с рельефными изображениями, созданных в римский период: на одних

изображены стоящие фигуры, закутанные в длинный гиматий, на других – сцены загробной трапезы. Такие сюжеты часто встречаются в памятниках Северного, Западного и Южного Причерноморья. Среди находок встречаются антропоморфы (надгробия с условным изображением головы умершего), рельеф с фигурой женщины и всадника. Надгробие Метродора было установлено в честь мальчика, почти ребенка (рис. 29). Рельефы на стелах со стоящей фигурой в гиматии портретны, при этом в трактовке волос и черт лица скульпторы следуют традициям римского искусства I-II веков. Большое количество портретов на надгробиях выделяет Херсонес среди центров Северного Причерноморья (Сокровища, 2022. С. 31).

Рис. 29. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Надгробие Метродора, сына Аполлониды. Мрамор. Вторая – третья четверть II в.

Большая часть лапидарных надписей – это разнообразные эпитафии широкого хронологического диапазона – от периода эллинизма до первых веков н. э. Среди них есть пространственные стихотворные эпитафии, например, Фило, дочери Аполлониды, и Фарнака, сына Дионисия, но большая часть надгробных стел содержит только имя и патронимик умершего. Особое внимание привлекает надгробие подростка – Метродора, сына Аполлониды, поставленное его воспитателем и кормилицей. На этой стеле сохранилась предварительная разметка текста надписи, что позволяет получить уникальную информацию о технологии изготовления надписей в Северном Причерноморье. Еще одна интересная группа надгробных памятников – небольшие мраморные

вставки с именем умершего, которые помещались в известняковые стелы (рис. 30). В Причерноморье надгробия такого рода встречаются только в Херсонесе и появились, по-видимому, благодаря культурному заимствованию из Мегар (через метрополию Херсонеса Гераклею Понтийскую или напрямую) (Сокровища, 2022. С. 29).

Рис. 30. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Табличка-вставка в надгробие Стратиппа, сына Гимна. Мрамор. I-II вв.

В составе многочисленной нумизматической коллекции из раскопок Южного пригорода Херсонеса в первую очередь следует отметить золотой статер Митридата Евпатора с датой ΓΚΣ ΙΒ (12-й месяц 223 г. виф.-понт. э. = сентябрь 74 г. до н. э.) (рис. 31) (Абрамзон, Терещенко, 2022). На сегодняшний день это пока единственный экземпляр, из известных монет данного номинала, с такой датой (Абрамзон, Терещенко. 2022. С. 21–25).

Рис. 31. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Статер. Золото. Митридат VI Евпатор (120–63 гг. до н. э.).

Еще одна уникальная для Херсонеса находка – серебряный обол Митилена с изображением голов двух кабанов первой половины V века до н. э. (рис. 32).

Рис. 32. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Обол. Серебро. Митилены. Первая половина V в. до н. э.

В составе нумизматического материала также были выявлены ранее неизвестные типы и разновидности монет херсонесской чеканки, к которой можно отнести серебряный гемиобол второй – третьей четверти II века до н. э., на лицевой стороне которого изображение цветочного бутона (роза?), на оборотной – рог изобилия, в левой верхней части монетного поля легенда –

Рис. 33. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Гемиобол. Серебро. Херсонес. Вторая – третья четверть II в. до н. э.

Масштабные раскопки на территории Южного пригорода Херсонеса Таврического позволили получить и обработать антропологический материал из коллективных и индивидуальных погребений (грунтовые погребения, плитовые могилы, склепы, кремации). При работе с краниологическим материалом отмечено разнообразие краниоформ и других признаков, отражающих достаточно «пестрый» состав населения. Находки искусственно деформированных черепов подтверждают более ранние наблюдения (рис. 34).

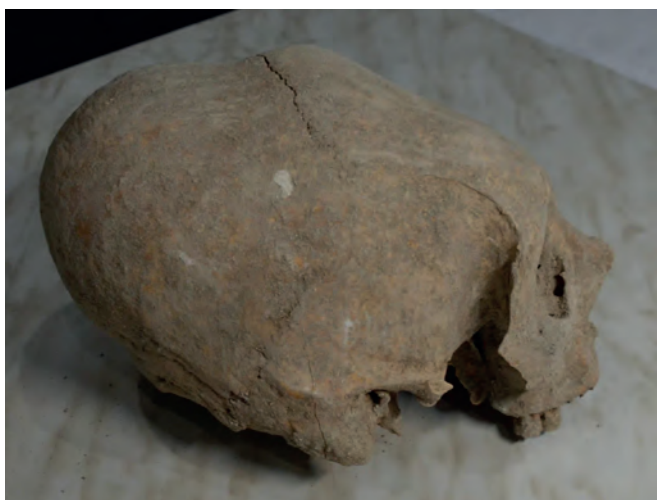

Рис. 34. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Череп со следами искусственной деформации.

Полученные деформированные черепа отражают различные виды и степень деформации. В основном деформированные черепа получены из кол-

лективных погребений, в частности склепов. В ходе исследования разновременных погребальных сооружений Южного пригорода было отмечено небольшое количество погребенных с достоверно боевыми травматическими поражениями на краниологическом и остеологическом материале (рис. 35). Также были выявлены множественные патологические изменения на костях. Наибольший их процент приходился на зубочелюстной аппарат. Проблемы, связанные с опорно-двигательным аппаратом, фиксировались у большого количества погребенных. Обращает на себя внимание относительно молодой возраст погребенных с патологиями в позвоночнике и крупных суставах конечностей. Кроме того, на костях половозрелых индивидов были отмечены единичные случаи медицинского вмешательства.

Рис. 35. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Череп со следами повреждения боевым оружием.

В ходе раскопок в Южном пригороде Херсонеса найдено более 700 тысяч остеологических остатков животных в основном римского времени, большую часть которых составляли кости крупного рогатого скота, что является характерным для памятников Северного Причерноморья первых веков н. э. (Цалкин, 1959. С. 19–37; 1960. С. 7–109; Либеров, 1960. С. 110–165; Кругликова, 1975. С. 298). В нашем случае преобладали остатки крупных старых особей, вероятно, использовавшихся в качестве тягловых животных. Доля мелкого рогатого скота – овец и коз – достигала 30% от всех костных остатков. Также встречены кости диких животных: благородного оленя, кабана и сайги – вероятно, охотничьих трофеев. Как было установлено, рога оленя и сайги часто использовались в косторезном ремесле (рис. 36). Исследователь А. К. Каспаров отмечает малое количество остатков рыб в общей массе находок.

Рис. 36. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Рога сайги, отпиленные для отделения роговых чехлов.

Учитывая уникальность ряда погребальных сооружений, открытых на двух метрах ниже уровня моря и постоянно подтопленных грунтовыми водами (рис. 37), в силу чего их сохранение *in situ* не представлялось возможным, было принято решение об их разборке и последующем восстановлении для экспонирования на территории будущего историко-археологического парка.

Рис. 37. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Тальвег Херсонесской балки, подтопленный грунтовыми водами после завершения археологических раскопок. Вид с юга.

Рис. 38. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Послойная разборка героона.

С этой целью детали таких сооружений после их всесторонней фиксации *in situ* и послойной неразрушающей разборки были перемещены в специальное хранилище (рис. 38–40), где они подверглись систематизации, каталогизации, очистке, сканированию и пропитке специальными составами (рис. 41).

Рис. 39. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Ангар – хранилище деталей перемещенных погребальных сооружений.

Рис. 40. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Хранение деталей перемещенных погребальных сооружений в ангаре.

Рис. 41. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Пропитка деталей перемещенных погребальных сооружений в ангаре.

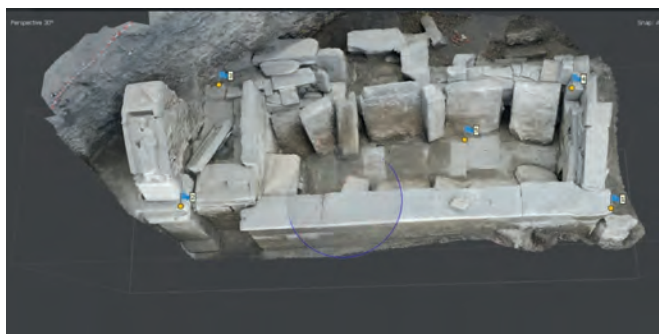

Рис. 42. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Колумбарий. Фотограмметрия.

Фиксация объектов *in situ* предполагает геодезическую съемку, создание 3D-моделей текущего состояния объектов методом фотограмметрии (рис. 42), присвоение индивидуального номера (шифра) каждому фрагменту, создание чертежей объектов, внесение номера фрагмента на чертеж, создание паспорта фрагмента, где отражены его характеристики, фотофиксацию положения фрагмента в объекте. После очистки фрагмента создается его 3D-модель методом структурированной подсветки с помощью оптического 3D-сканера (в нашем случае 3D-сканер Artec «Eva»), который подсвечивает объект съемки структурированным светом (рис. 43).

Рис. 43. ОАН «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». Сканирование каменных конструкций с помощью 3D-сканера.

Улавливая отраженный свет, устройство передает на компьютер геометрию объекта и текстурную информацию. Программное обеспечение обрабатывает отраженный световой сигнал и высчитывает расположение точек поверхности объекта на основе разницы между спроецированным и отраженным пучком света, направленным на объект съемки. Все это позволяет всесторонне исследовать все детали объекта, оценить степень сохранности каждого фрагмента, а также узнать его объем, вес и другие параметры. Кроме того, это дает возможность смоделировать восстановление обрушившихся фрагментов, например крыши колумбария, а после создать проект

восстановления. В настоящее время такая технология успешно применяется в российско-сирийском проекте реставрации Триумфальной арки Пальмиры (Блохин и др., 2022; Малай и др., 2022).

Проведенная оценка степени разрушений с инвентаризацией сохранившихся фрагментов конструкций позволила использовать в реставрации уникальных погребальных комплексов Южного пригорода Херсонеса метод анастилоза, который заключается в установке на свое изначальное место сохранившихся подлинных блоков и элементов сооружения с применением аутентичных технологий строительства. В настоящее время анастилоз был признан, в том числе стандартами ЮНЕСКО, оптимально подходящим для реставрации античных построек, сложенных из крупных квадров камня (Thuswaldner et al., 2009; Petzet, 2016; Stubbs, 2016; Явейн и др., 2022). Более того, именно этот метод позволяет провести реставрацию в тесной связке консервации руин с восстановлением утраченного внешнего облика памятника, обеспечив объемно-пространственную завершенность и конструктивную устойчивость сооружения, но при этом не привнося в него добавлений, не являющихся безусловно необходимыми для поддержания целостности объекта в зрительском восприятии. С появлением метода цифрового анастилоза многократно возросли возможности идентификации обломков и более точной подгонки дополняющих каменных блоков. В настоящее время алгоритм действий выглядит следующим образом: создается компьютерная трехмерная модель памятника, все детали-оригиналы оцифровываются и встраиваются в виртуальный макет с помощью *Вim*-моделирования. Только после этого разрабатывается проект реставрации и начинается физическая сборка памятника, к которой ИИМК РАН приступит уже в ближайшее время.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- МАИЭТ – Материалы по археологии и этнографии Тавриды. Симферополь
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- НА ГМЗ ХТ – Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
- ОИАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
- СА – Советская археология. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамзон М. Г., Терещенко А. Е. Статер Митридата с датой ГКΣ ΙΒ из раскопок Херсонеса // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2022 г. М., 2022. С. 21–25.
2. Балти Ж.-Ш. Большая колоннада Апаеи: письменные источники, эпиграфические свидетельства и данные археологии. Хронологические ориентиры для исследования главного памятника // ВДИ. № 4. 2009. С. 184–200.
3. Блохин Е. К., Малай Р. С., Низов Я. А. Цифровые технологии в проекте «Реставрация Триумфальной Арки Пальмиры» // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология). Вып. 13. СПб., 2022. С. 65–79.
4. Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. № 4. 1958. С. 144–153.
5. Вахонеев В. В., Глазунов В. В., Букатов А. А., Паненко В. В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в античный и средневековый период (по материалам раскопок южного пригорода Херсонеса) // Боспорский Феномен: QUARTA PARS SAECULI. Итоги, проблемы, дискуссии. СПб., 2023. С. 436–440.
6. Вахонеев В. В., Соловьев С. Л. Новый погребальный комплекс II в. н.э. из раскопок Южного пригорода Херсонеса (предварительное сообщение) // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции (Севастополь, 18–22 сентября 2023 г.). М., 2023. С. 13–18.
7. Глазунов В. В., Букатов А. А., Вахонеев В. В., Ефимова Н. Н., Панченко В. В. Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований // МАИЭТ. Вып. XXVIII. 2023. С. 24–43.
8. Даниленко В. Н. Позднеантичное погребение // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 2. Симферополь, 1961. С. 57–62.
9. Даниленко В. Н. Отчет о раскопках склепа по ул. Древней в мае 1972 г. // НА ГМЗ ХТ. 1972. Ф. 1. Д. 1657.
10. Зубар В. М. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонеса // Археологія. Вып. 25. К., 1978.
11. Колесникова Л. Г. Отчет о раскопках участков херсонесского некрополя в 1960–1962 гг. // НА ГМЗ ХТ. 1962. Ф. 1. Д. 816. Л. 17–19.
12. Колесникова Л. Г. Отчет о раскопках склепа № 2 на северном склоне Девичьей горы (ул. Древняя) // НА ГМЗ ХТ. 1967. Ф. 1. Д. 1297. Л. 1.
13. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора.-М., 1975.
14. Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. МИА. № 53. 1960. С. 110–165.
15. Малай Р. С., Атаянц Б. М., Малай Е. А., Тушкина М. С., Котелевец П. Д. Архитектурная обработка археологических исследований на примере Триумфальной Арки Пальмиры // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология). Вып. 13. СПб., 2022. С. 80–104.
16. ОИАК за 1891 г. СПб., 1893. С. 2–20.
17. ОИАК за 1892 г. СПб., 1894. С. 13–27.
18. Репников Н. И. Дневник раскопок херсонесского некрополя // Херсонесский сборник. Вып. 2. Севастополь, 1927. С. 149–186.
19. Рыжов С. Г. Отчет о раскопках трех склепов на территории гаража, расположенного против башни Зенона // НА ГМЗ ХТ. 1973. Ф. 1. Д. 1657.
20. Сокровища Южного пригорода Херсонеса Таврического. Каталог выставки (Е. И. Арсентьева, В. В. Дорошко, Д. А. Костромичев, Е. С. Лесная, В. Л. Мыц, В. А. Нессель, Н. А. Павличенко, Л. А. Рыжова, С. Л. Соловьев, А. Е. Терещенко, А. А. Трофимова, М. И. Тюрин, С. В. Ушаков). Севастополь, 2022.
21. Соловьева Н. Ф., Мыц В. Л., Соловьев С. Л. Южный пригород Херсонеса Таврического (предварительные итоги археологических раскопок в 2021 г.) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология). Вып. 11. СПб., 2021. С. 183–188.
22. Соловьева Н. Ф., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В. Особенности погребальной практики жителей Херсонеса-Херсона (по материалам раскопок в Южном пригороде) // Археология и история Боспора. Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора» (Результаты новейших исследований памятников Боспорского царства), 10–13 августа 2022 г. Симферополь. Вып. V. 2023. С. 116–123.
23. Соловьева Н. Ф., Соловьев С. Л., Мыц В. Л. Краткие результаты раскопок в южном пригороде Херсонеса Таврического в 2022 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология). Вып. 12. СПб., 2022. С. 161–169.
24. Тахтай А. К. Археологические открытия в Херсонесе в 1942–1944 гг. // КСИИМК. Вып. 14. 1947.
25. Тахтай А. К. Раскопки херсонесского некрополя в 1937 г. // Херсонесский сборник. Вып. 4. Севастополь, 1948. С. 19–43.
26. Цалкин В. И. Млекопитающие Северного Причерноморья в скифосарматскую эпоху // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. Т. 64. № 2. 1959. С. 19–37.
27. Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. МИА. № 53. 1960. С. 7–109.
28. Чистов Д. Е. Древнейшие антовые постройки Северного Причерноморья // Археологические вести. № 35. СПб., 2022. С. 187–201.
29. Явейн Н. И., Иванов Г. В., Сабанцев И. В., Блинов О. А., Кресов Д. П. К вопросу об идеологическом и проектном подходе к реставрации Триумфальной Арки Пальмиры методом анастилоза // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология). Вып. 13. СПб., 2022. С. 113–127.
30. Antanaccio C. M. An Archaeology of Ancestors. London, 1995.
31. Herda A. Burying a Sage: The Heroon of Thales in the Agora of Miletos // Le Mort dans la Ville. Istanbul, 2013. P. 67–122.
32. Lane C. S. Archegetes, Oikistes, and New-Oikistes: The Cults of Founders in Greek Southern Italy and Sicily. Vancouver, 2009.
33. Lepore G. Un'èsedra funeraria da Phoinike (Albania): appunti per la definizione di una tipologia architettonica // OCNUS. № 12. Bolonga, 2004. P. 127–144.
34. Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987.
35. Petzet M. Anastylosis or reconstruction – the conservation concept for the remains of the Buddhas of Bamiyan // International Council on Monuments and Sites (March 27, 2016). 2016.
36. Stubbs J. H., Thomson R. G. Architectural Conservation in Asia: National Experiences and Practice. London, 2016.
37. Thuswaldner B., Flöry S., Kalasek R., Hofer M., Qi-Xing Huang, Thür H. Digital Anastylosis of the Octagon in Ephesos // ACM Journal on Computers and Cultural Heritage. Vol. 2. № 1. 2009. P. 1–27.
38. Thüngen S. von. Die frei stehende griechische Exedra. Mainz, 1994.

Вилла Сан-Марко. Археологический парк Помпеи

Маджи Л.

Историческая справка

Вилла Сан-Марко, названная в честь древней часовни, построенной здесь во второй половине XVIII века, представляет собой римскую виллу жилого назначения, расположенную на краю холма, с которого открывается великолепный вид. Исследования виллы начинались еще в эпоху Бурбонов, между 1749 и 1754 гг., а систематические раскопки проводились в период с 1950 по 1962 г.

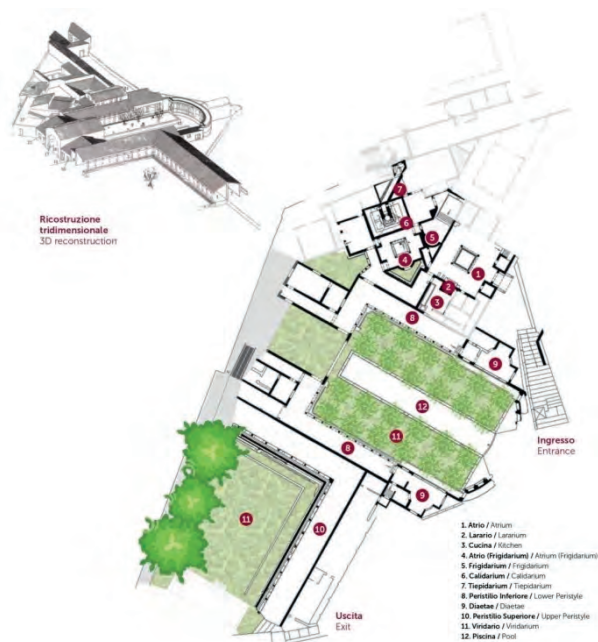

Рис. 1.

Первоначальная планировка, датируемая I-II веками до н. э., претерпела последовательные изменения в 50-х гг. н. э., когда к первоначальному ядру атриума с храмом ионического ордера был добавлен ряд панорамных сооружений, таких как сад с трипортиком и бассейном, а также верхний портик с витыми колоннами, что изменило первоначальную структуру, сместив центральную ось входной группы и более древнего ядра сооружения.

Главный вход с улицы, находящийся в настоящее время под слоем земли, выходил во внутренний двор с портиком и вел в квартал терм, включенный в комплекс вилл по другой оси, обусловленной существовавшей ранее и проходившей перед ним дорогой.

Вход в термальный квартал представляет собой небольшой атриум, декор которого со сценами амуров, борцов и боксеров также был обновлен

в 50-х гг. н. э. в соответствии с ранним периодом четвертого стиля помпейской стенной живописи.

Затем вы попадаете в калидарий с большим бассейном, тепидарий и фригидарий также с бассейном, к которому вели ступени. На этой стороне виллы находится отрезок лестницы со ступенями из травертина, являвшейся частью извилистых проходов, соединявших виллу с равнинным участком ближе к побережью.

Рис. 2.

Оттуда можно пройти в большой сад с портиками и бассейном, у задней стены которого в виде полукруга располагался украшенный лепниной нимфей. В конце боковых портиков находились великолепно оформленные комнаты отдыха.

Также роскошными должны были быть «представительские» помещения виллы со стенами, покрытыми мрамором в нижней части и расписанными фресками в верхней. Верхний портик, обрушившийся во время землетрясения 1980 г., завершался потолком, полностью расписанным большими фигурными композициями.

Рис. 3.

Первые археологические раскопки

Археологические раскопки на холме Варано официально начались 7 июня 1749 г. под руководством испанского инженера Роке Хоакина де Алькубьерре и швейцарского инженера Карла Якоба Вебера. Раскопки проводились по приказу короля Карла Бурбонского и предусматривали провести до 1762 г. обследование вышеупомянутыми специалистами, помимо виллы Сан-Марко, также и других сооружений, таких, например, как вилла Арианна.

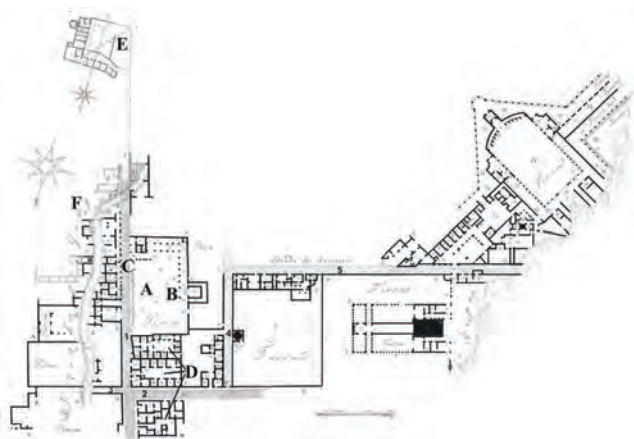

Рис. 4. Планировка, выполненная Карлом Вебером в 1759 г.

Начиная с 9 января 1950 г. и вплоть до 1962 г., когда раскопки были приостановлены, были раскрыты некоторые помещения виллы Сан-Марко, виллы Арианны и другие сооружения.

В 1981 г. были проведены работы по техническому обслуживанию и реставрации, необходимые для сохранения сильно пострадавших во время землетрясения 1980 г. зданий и системы декора. К этому периоду относятся не только работы по кровле южного портика, но и работы по снятию и перемещению части мозаичного

пола в перистиле, а также приведение в порядок на новой подложке некоторых фресок.

В 2008 г. на вилле Сан-Марко были проведены обследования, в результате которых был обнаружен сад с колоннами, к которому можно было попасть через подсобный вход здания, а в 2009 г. в результате новых раскопок была обнаружена древнеримская дорога. По другую сторону дороги от виллы был выявлен квартал терм другой виллы, частично обследованный в эпоху Бурбонов.

В 2012 г. были завершены реставрационные работы на части старой кровли виллы.

Состояние консервации

Общая характеристика и состояние системы декора археологических памятников Помпеи предполагают необходимость обеспечить защиту среды, в которой она сохранилась. Это относится также и к вилле Сан-Марко ди Стабиа. В данном случае помещения имеют современные перекрытия (деревянные и бетонные), выполненные частично во время последних раскопок в 1950-х гг., а частично в ходе реставрационных работ после землетрясения в Ирпинии в 1980-х гг. Работы были завершены в 2012 г. Таким образом, система декора получила защиту от атмосферных осадков и в некоторой степени от загрязняющих агентов.

Рис. 5.

Тем не менее отсутствие в течение многих лет работ по техническому обслуживанию привело к разрушению перекрытий, подвергшихся в некоторых случаях значительным повреждениям под воздействием атмосферных агентов. Более того, во многих помещениях наблюдаются следы просачивания и перколяционной фильтрации воды, в немалой степени отрицательно воздействующие на настенные росписи и мозаичные полы. Эти обстоятельства не только вызывают

очевидные явления деградации, такие как вымывание настенных росписей и отслоение значительных участков мозаики, но и способствуют колонизации микроорганизмов (водорослей и грибов) и даже появлению вредоносной растительности.

Рис. 6.

Антропогенное происхождение некоторых разрушительных процессов особенно очевидно в отношении декоративного убранства виллы Сан-Марко.

Износ, вызванный проходом многочисленных посетителей по мозаичным полам, проявляется как в постепенном истирании отдельных элементов мозаики, так и в разрушении нижележащих слоев раствора. Это явление вызывает особое беспокойство, поскольку ведет к отслоению и смещению мозаичного покрытия.

Рис. 7.

Многочисленные удаления фрагментов фресок во время раскопок в эпоху Бурбонов также серьезно изменили внешний вид живописного декора в некоторых помещениях. На поверхностях проявляется и другой тип деградации антропо-

погенного происхождения, а именно разрушения, вызванные небрежной или методически неправильной реставрацией.

Например, фресковые потолки северной гостиной, собранные на панно и перемещенные по месту, практически не читаются по причине некорректного с эстетической точки зрения выбора способа работ, а на снятых и помещенных на панно мозаиках перистилия присутствуют многочисленные следы раствора по текстуре, чего вполне можно было бы избежать.

Проект реставрационных работ

Реставрационные работы были направлены в первую очередь на сохранение системы декора виллы, однако представляют собой комплексное вмешательство, направленное на восстановление, насколько это возможно, первоначального вида поверхностей путем удаления продуктов деградации, вызванных факторами окружающей среды, и остатков прежних работ по консервации. Утвержденный порядок реставрационных работ направлен на полное раскрытие наиболее ценных сохранившихся фрагментов в рамках неизбежных формальных эстетических решений. Особое внимание уделяется исторической ценности объекта и необходимости сохранить прошлое и вернуть подлинный язык памятника.

Работы будут проводиться в соответствии с жесткими нормами, принятыми в археологии: это различимость, минимальное вмешательство, потенциальная обратимость, уважение к аутентичности и древней материи, физико-химическая совместимость примесей и присадок. Все это необходимо для того, чтобы сохранить культурное содержание, историческую стратификацию и саму структуру древнего памятника. Под реставрацией, которая следует линии археологической концепции, также подразумевается и то, что вся философия этой реставрации должна быть сосредоточена на сохранении существующего путем проведения дополнений и восстановлений там, где это строго необходимо для статического укрепления, а также посредством минимального возвращения содержания, чтобы сделать отреставрированный фрагмент по-прежнему читаемым.

Реставрационные работы

Реставрация виллы Сан-Марко началась в июле 2022 г., и на сегодняшний день работы продолжаются.

Это **первый этап** работ, который касается части помещений виллы. В последующем будут проведены реставрационные работы в остальных помещениях.

Рис. 8.

Первый этап проекта относится к помещениям, в которых не предполагается проведение структурных работ, а именно № 22, 26, 27, 30, 31, 32, 39, 40, 44, 45, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 56b, 57, 59, 59b, 60, 61.

Реставрационные работы стали неотложными, и в процессе их проведения ставилась задача устранить все имеющиеся разрушения, как обусловленные взаимодействием с окружающей средой и несущей конструкцией – такие как наличие отслоений между слоями, биологическая колонизация или сосуществование более или менее прочных отложений твердых частиц и солевых выцветов на поверхности, – так и разрушения, вызванные предыдущими работами по консервации. Имеется в виду некорректный и непродуманный порядок проведения работ и, как следствие, следы цементного раствора или неподходящих защитных средств. Ниже приводится краткое описание необходимых операций.

Первой реставрационной операцией, проводимой на всех видах поверхностей, была предварительная очистка от пыли и всех отложений, скопившихся на поверхности, и последующая биологическая дезинсекция. В данном случае на перекрытии помещений не было обнаружено образования обширных колоний водорослей или лишайников, однако в некоторых случаях недостаточная герметичность перекрытий все же стала причиной проникновения внутрь воды с последующим развитием патины в результате срабатывания биодетериорационных процессов.

Рис. 9.

Рис. 10.

Наличие влаги и в некоторых случаях прямое воздействие атмосферных осадков привели к появлению биологических колоний или даже росту сорняков, что особенно опасно для целостности каменного материала.

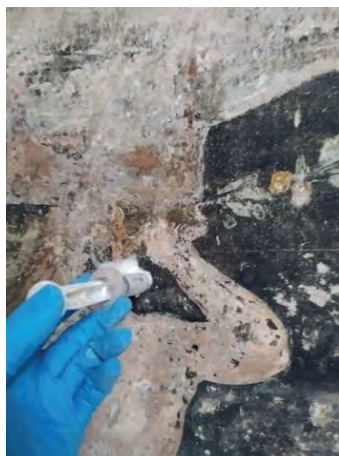

Рис. 11.

Рис. 12.

Следующий шаг – укрепление на древних фресках и штукатурках отслоений, образовавшихся между составными слоями штукатурки (арриччо – раствор из смеси песка с известью и интонакино – штукатурка на основе минеральных связующих веществ) и между ними и несущей кладкой. Такая операция выполняется путем инфильтрации обессоленных гидравлических растворов и смол, которые сваривают швы и заполняют пустоты.

Последующее укрепление живописной пленки в местах, где пигмент отслоился от штукатурки. Эта чрезвычайно деликатная операция выполняется путем закачивания смолы под чешуйки краски, которые затем разравниваются с помощью шпателя. При необходимости выполняется укрепление несущей штукатурки и живописной пленки: в случае отслоения и разрыхления процедура предусматривает нанесение наносиликатов и акриловых смол.

Рис. 13.

Для мозаичных поверхностей операция укрепления применялась в отношении растворов составляющих слоев при отслоении и разрушении и укрепления фрагментов мозаики при отслоении или при растрескивании.

В отношении каменных материалов к такой операции прибегали при наличии трещин и для приклеивания отошедших фрагментов, а также при отслоении и разрушении.

Рис. 14.

Рис. 15.

Выполняются работы по удалению деградировавшей или выполненной из несоответствующих материалов старой штукатурки, нанесенной в ходе предыдущих реставрационных работ.

Обязательно нужно удалить цемент, поскольку он может вызвать миграцию растворимых солей в штукатурку.

Рис. 16.

Рис. 17.

В отношении древних фресок и штукатурок при заделке краев и лакун подходящими растворами необходимо различать лакуны, которые должны быть интегрированы в подрез растворами, повторяющими материальный облик оригинальной штукатурки, и лакуны, подлежащие живописному восстановлению. В этом случае штукатурные работы выполняются по уровню с использованием известкового молока и мраморной крошки.

Рис. 18.

Для мозаичных поверхностей при затирке краев и лакун принималось решение, какие лакуны должны быть заделаны растворами, хроматически совпадающими с оригинальной мозаикой, а в отношении каких (безусловно, ограниченного размера) может быть проведена реконструкция мозаичного полотна.

По каменному материалу такая операция проводилась в точках утери.

Рис. 19.

Рис. 20.

Очистка поверхностей от слоев солевых выцветов или карбонового налета, а также от защитных, но со временем потерявших свои характеристики средств, нанесенных в ходе предыдущих работ. Очень часто в Помпеях можно обнаружить наличие следов парафина, нанесенного в ходе работ по техническому обслуживанию. Парафин изменяет как визуальные (матирование), так и физические свойства фрески, создавая опасный барьер на пути естественного испарения влаги из каменной кладки. Удаление солей способствует предотвращению их разрушающего воздействия как на оригинальный раствор и живописную пленку, так и на мозаичные и каменные поверхности.

Рис. 21.

При необходимости производится расчистка с помощью лазерного оборудования. Этот высокоточный прибор способен вырабатывать энергию в виде световой волны от наведенного излучения, что позволяет проводить селективную очистку, удаляя корки и отложения. Таким образом очистка происходит не за счет химического или механического воздействия, а в результате действия физических принципов. Лазерное оборудование состоит в основном из трех элементов: активной среды, источника активации и оптического резонатора. Для определения лазерного излучения необходимо учитывать такие параметры, как длина волны, мощность и режим излучения. Длина волны влияет на проникающую способность луча, поскольку она обратно пропорциональна энергии, зависит от используемой активной среды и составляет от 180 до 10600 нм. Лазеры могут излучать ультрафиолетовый видимый и инфракрасный свет. Мощность (Вт) измеряет силу лазерного пучка и зависит от типа лазера. Также важно соотносить облучаемую поверхность с излучаемой мощностью или выходом энергии. Лазерное излучение может быть непрерывным, импульсным или отдельными вспышками. Различное оптическое поглощение излучения материалами, в зависимости от их цвета, может быть использовано на этапе расчистки. Фактически, представляя по сути световой луч, высокоэнергетический пучок, генерируемый источником излучения, поглощается темными материалами и отражается от материалов светлых оттенков. В принципе, при соответствующем выборе параметров облучения темные отложения и черные корки, подвергаясь воздействию импульсов, избирательно поглощают энергию лазерного излучения и удаляются в результате эффекта, который может быть фотохимическим, фототермическим и фотомеханическим. Чтобы ускорить процесс расчистки, рекомендуется перед операцией смочить поверхность: это повысит цветовой тон, способствуя селективности лазера, а также позволит избежать образования пыли, которая может быть вредна для оператора и оптических частей аппарата.

Интеграционная подрисовка акварельной лессировкой потертостей в живописной пленке с целью восстановления единства фрески, где это возможно.

Интеграция штриховкой лакун, как правило, небольших или средних размеров, первоначальный вид которых можно предположить с достаточной уверенностью. Этот вид восстановления, выполненный акварелью, состоит в «сшивании» отдельных фрагментов и сохранении при этом характеристики узнаваемости и обратимости вмешательства.

Рис. 22.

Нанесение низкоконцентрированного защитного средства на поверхность, чтобы не ограничивать проницаемость поверхностей и не препятствовать испарению в результате образования опасного барьерного эффекта.

Рис. 23.

Через несколько месяцев все этапы реставрации этой части виллы Сан-Марко будут завершены. Во второй половине 2024 г. эта часть будет полностью восстановлена и станет доступной для публики. Еще одна часть нашего наследия может считаться спасенной и возвращенной.

До проведения работ

После проведения работ

После проведения работ

Илл. 1.

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 2.

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 3.

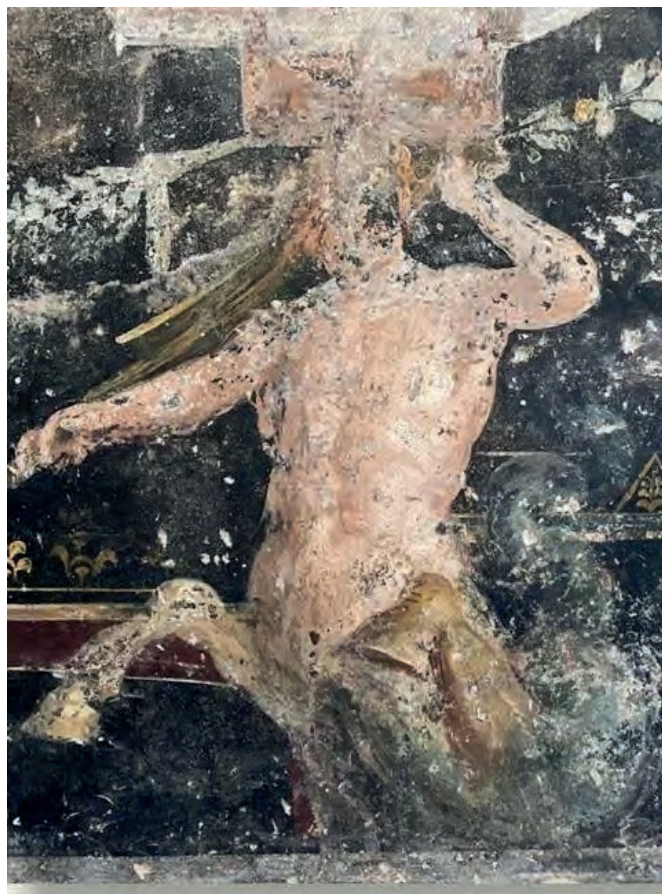

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 4.

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 5.

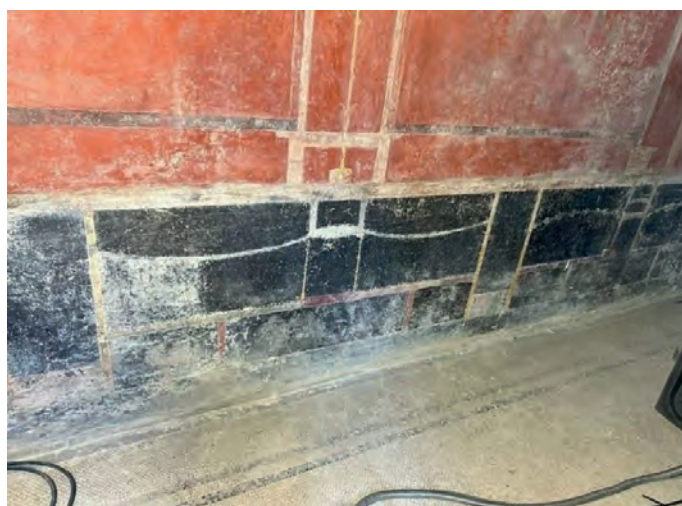

До проведения работ

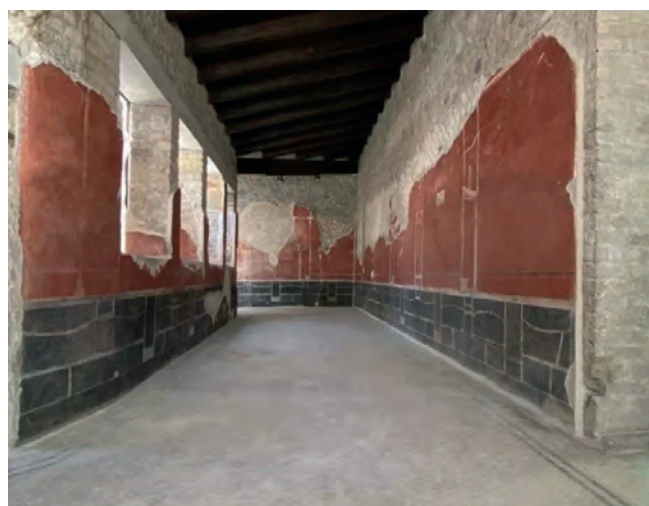

После проведения работ

Илл. 6.

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 7.

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 8.

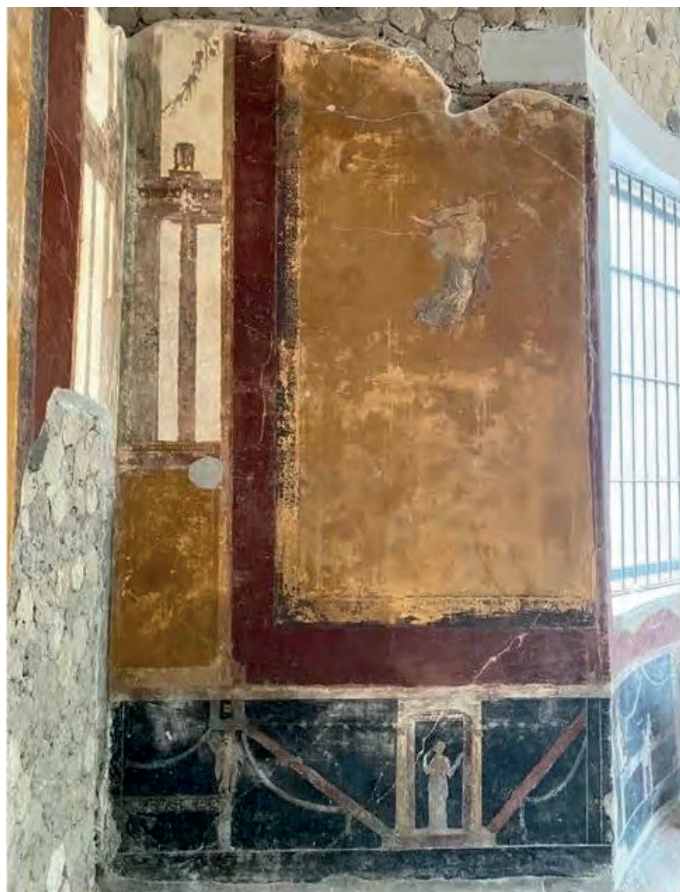

До проведения работ

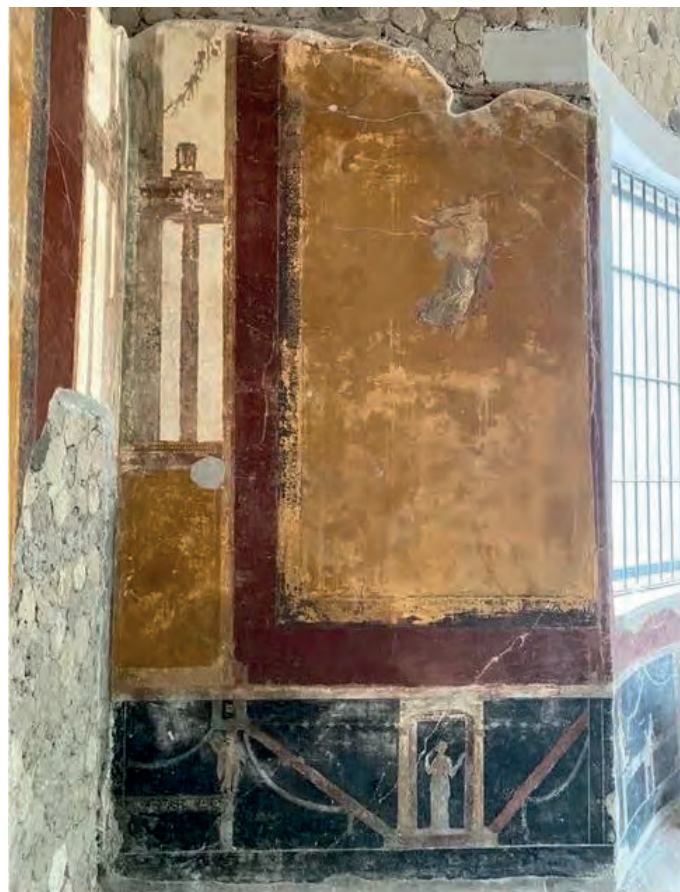

После проведения работ

Илл. 9.

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 10.

До проведения работ

После проведения работ

Илл. 11.

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТ»**

Руководитель проекта:

Кондрашев Л. В.

Редакционная группа:

Белов Н. Н., Чуракова Е. Н.

Технический редактор:

Данильченко А. В.

Дизайн и верстка:

Пирогов В. Ю., Чуракова Е. Н., Чиркова М. О.

Корректор:

Сухарева Е. С.

Альманах включает статьи по вопросам сохранения и исследования объектов культурного наследия и предназначен для специалистов историков, археологов, культурологов, искусствоведов, музейных работников, краеведов и всех читателей, интересующихся историей и вопросами сохранения культурного наследия. Авторами альманаха являются члены НК ИКОМОС, Россия.

ISBN 978-5-6051823-0-6

ISBN 978-5-6051823-0-6

Подписано в печать 27.03.2024
Печать офсетная. Тираж 100 экз.
Отпечатано «ЭНЕРДЖИ-ГРУПП» с оригинал макета
НК ИКОМОС, Россия

© НК ИКОМОС, Россия
© Авторы статей

ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛ
НК ИКОМОС, Россия

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТ»
(НК ИКОМОС, Россия)
icomos.org.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
YOUTUBE-КАНАЛ
НК ИКОМОС, Россия